НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФОНД ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИНИЦИАТИВ

РОССИЯ И МИР:
2017
ЭКОНОМИКА И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
Ежегодный прогноз

МОСКВА
ИМЭМО РАН
2016

УДК 338.27
ББК 65.5 (2Рос)
65.23
Рос74

Руководители проекта – А.А. Дынкин, В.Г. Барановский

Рецензенты:

доктор экономических наук Т.В. Кузнецова
кандидат политических наук Э.Г. Соловьев

Авторский коллектив:

Часть I

А.А. Дынкин (руководитель проекта), Ю.Л. Адно, С.А. Афонцев, О.В. Богаевская, А.Г. Володин, С.В. Игнатьев, О.Н. Кудинова, А.В. Кузнецов, Е.Л. Леонтьева, Ю.П. Лукашин, С.А. Луконин, Г.И. Мачавариани, Я.М. Миркин, Е.Н. Никитина, В.В. Попов, П.А. Сергеев, Л.С. Худякова, С.С. Широков

В подготовке прогноза принимала участие Д.Д. Меджидова

Ответственный редактор – Г.И. Мачавариани

Часть II

В.Г. Барановский (руководитель проекта), К.Р. Вода, Ф.Г. Войтоловский, А.В. Девятков, В.Ю. Журавлева, Е.А. Канаев, И.Я. Кобринская, В.А. Кузнецов, С.А. Луконин, Д.Б. Малышева, В.В. Михеев, Н.В. Тоганова, П.В. Топычканов, С.В. Уткин, А.Н. Федоровский, Б.Е. Фрумкин, В.Г. Швыдко, О.В. Шишкина

В подготовке раздела принимала участие Л.С. Вартазарова

Ответственный редактор – И.Я. Кобринская

Рос 74

Россия и мир: 2017. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта – А.А.

Дынкин, В.Г. Барановский. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 166 с.

ISBN 978-5-9535-0488-1

DOI:10.20542/978-5-9535-0488-1

Доклад «Россия и мир: 2017» пятнадцатый в серии регулярных, ежегодных публикаций ИМЭМО РАН и Фонда Перспективных исследований и инициатив. Доклад состоит из двух частей, посвященных экономике (часть I) и внешней политике (часть II). В первой части доклада представлены прогнозные оценки экономических взаимоотношений России с внешним миром. Главное внимание сфокусировано на проблемах, имеющих ключевое значение для обеспечения стабильного экономического развития России на ближайшую (2017 г.) и более отдаленную перспективу. Приведен анализ и прогноз экономической ситуации в 2016–2017 гг. в мировой экономике, а также в экономиках России, Европы, США, Японии, Китая, Индии. Прогнозируется конъюнктура важнейших рынков российского экспорта. В подготовке доклада был использован многолетний опыт прогнозных исследований, проводимых Институтом мировой экономики и международных отношений РАН. Во второй части доклада представлен прогноз развития международных отношений в 2017 г. Анализируются основные внешние вызовы для России и возможности ответа на них.

Russia and the World: 2017. Annual Forecast: Economy and Foreign Policy / Project leads – A.A. Dynkin, V.G. Baranovskii. – Moscow, IMEMO RAN, 2016. – 166 p.

ISBN 978-5-9535-0488-1

The report “Russia and the World: 2017. Annual Forecast: Economy and Foreign Policy” continues the series of yearly publications of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) and Foundation for Prospective Studies and Initiatives. It consists of two parts: “Economy” and “Foreign Policy”. Part I focuses upon Russian foreign trade-economic relations and analysis and forecast of the world (Russia, Europe, the USA, Japan, India) economic trends in 2016-2017, including international financial markets and main Russian export markets. The report is based on the decades long IMEMO experience in forecast research. Part II presents the forecast of international relations for 2017, it analyzes main challenges for Russia and options to respond them.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

© ИМЭМО РАН, 2016

© Фонд перспективных исследований
и инициатив, 2016

ISBN 978-5-9535-0488-1

РОССИЯ И МИР: 2017

ЧАСТЬ I. Экономика

1. РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: СВЕТО В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ ИЛИ ВРЕМЕННАЯ ПЕРЕДЫШКА?	7
2. МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: УСКОРЕНИЕ РОСТА	14
3. МИРОВАЯ ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА	22
4. ЭКОЛОГИЯ	31
5. ПРОГНОЗ КОНЪЮНКТУРЫ ОСНОВНЫХ РЫНКОВ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА	37
Нефть и газ	37
Металлы	42
Минеральные удобрения	49
Лесобумажные товары	53
6. СОСТОЯНИЕ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ОСНОВНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	59
Страны Европейского Союза	59
Соединенные Штаты Америки	64
Япония	73
Китай	76
Индия	79
7. АНАЛИЗ ДОСТОВЕРНОСТИ ПРОГНОЗА НА 2015 ГОД	82

ЧАСТЬ II. Внешняя политика

РОССИЯ	87
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ	96
ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ	107
ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО	121
БЛИЖНИЙ ВОСТОК	147
ТИХООКЕАНСКАЯ АЗИЯ	153

ЧАСТЬ I

ЭКОНОМИКА

1. РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: СВЕТ В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ ИЛИ ВРЕМЕННАЯ ПЕРЕДЫШКА?

Хорошие новости есть, но их мало

Российская экономика, столкнувшаяся в 2014–2015 гг. с двойным вызовом санкционного противостояния и обвального снижения мировых цен на энергоносители, в 2016 г. получила наконец определенные поводы для оптимизма. Во-первых, восстановление цен на нефть, в конце года резко усилившееся благодаря достижению договоренностей о снижении добычи нефти как странами ОПЕК, так и не входящими в картель странами, привело к заметному улучшению ситуации с экспортными доходами и бюджетными поступлениями от нефтегазового сектора. Во-вторых, нарастание политических противоречий внутри ЕС, а также риторика избранного президента США Д.Трампа не только существенно подорвали ожидания дальнейшего ужесточения антироссийских санкций, но и породили надежды на то, что режим санкций будет ослаблен уже в ближайшие месяцы. В то же время говорить о переломе кризисных тенденций пока нет достаточных оснований. Несмотря на серию хороших новостей из-за рубежа, внутренние факторы развития российской экономики остаются ограниченными. Уровень внутреннего спроса оставался очень низким. Надежды на импортозамещение как источник роста промышленности потерпели окончательный крах. Укрепление валютного курса рубля, вызванное ростом цен на энергоносители, привело к росту опасений относительно очередной волны ослабления конкурентоспособности российских товаров – в т.ч. на внешних рынках, освоение которых в официальной повестке постепенно начало занимать то место, которое два года назад отводилось импортозамещению. В результате динамика основных экономических показателей на протяжении большей части года носила противоречивый характер.

С одной стороны, падение ВВП по итогам трех кварталов 2016 г. составило менее 1%, а изменение промышленного производства по итогам января-сентября формально вышло в положительную зону (увеличение на 0,3%). Наиболее значительным оказался прирост сельскохозяйственного производства (3,0%), на 2,4% вырос объем добычи полезных ископаемых (в т.ч. на 2,6% – добыча топливно-энергетического сырья), на 1,8% увеличился объем грузооборота транспорта, который обычно является важным индикатором, указывающим на оживление экономической активности. Впрочем, в совокупности с ростом добычи полезных ископаемых рост грузооборота транспорта может указывать на возросшие объемы перевозки сырья на экспорт, призванные компенсировать эффект снижения экспортных доходов.

С другой стороны, кризисные тенденции в реальном секторе российской экономики сохраняются. Выпуск обрабатывающих отраслей промышленности сократился на 0,9%; при этом на фоне роста выпуска машин и оборудования на 3,7% производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования упало на 2,5%, металлургическое производство и производство готовых металлических изделий – на 3,2%, производство транспортных средств и оборудования – на 4,5%. Это может косвенно свидетельствовать о том, что относительное благополучие машиностроительного сектора обуславливается главным образом заказами по линии ОПК. Объем услуг связи сократился на 4,6%.

Основной причиной сложившейся ситуации является острый недостаток платежеспособного спроса. В потребительском сегменте главной проблемой является падение реальных располагаемых доходов населения, которое в 2016 г. даже ускорилося. В январе–сентябре 2016 г. данный показатель оказался на 5,3% ниже по сравнению с аналогичным периодом

прошлого года, в то время как годом раньше соответствующее снижение составило 4,2%. Решающий вклад в падение реальных доходов вносит рост потребительских цен. В частности, потребительская инфляция «съела» практически весь прирост заработной платы: при номинальном повышении на 7,9% в январе–сентябре 2016 г. ее реальный рост составил всего 0,4%. Соответствующие обстоятельства оказывают негативное влияние не только на уровень жизни населения, но и на состояние потребительского рынка: так, оборот розничной торговли за 9 месяцев 2016 г. сократился на 5,4%. В результате эффекты импортозамещения в сфере производства потребительских товаров оказались существенно ниже ожиданий двухлетней давности. В частности, производство пищевых продуктов (включая напитки) и табака, где позитивные эффекты импортозамещения проявились в максимальной мере, выросло в январе–сентябре 2016 г. всего на 2,2% – лишь немногим более, чем годом ранее (в январе–сентябре 2015 г. его рост составил 1,9%).

Неоднозначная картина складывается в сфере инвестиционного спроса. Хотя сокращение инвестиций в основной капитал в 2016 г. замедлилось (2,3% в январе–сентябре 2016 г. по сравнению с 10,6% за аналогичный период прошлого года), во многом такая динамика объясняется эффектом низкой базы после резкого падения в 2015 г. Ситуация с притоком прямых инвестиций несколько улучшилась: по оценкам ЦБР, за первые три квартала 2016 г. только в нефинансовый сектор российской экономики их поступило больше, чем за весь 2015 г. во все сектора экономики (8,3 млрд. долл. по сравнению с 6,5 млрд. долл.). Тем не менее, соответствующие показатели в разы отстают от уровня, достигнутого в период, предшествовавший началу санкционного противостояния с ведущими странами Запада (достаточно вспомнить, что за январь–сентябрь 2013 г. в Россию поступило 60,6 млрд. долл. прямых инвестиций). Более позитивным фактом выглядит резкое (в 5 раз) сокращение чистого вывоза капитала российскими компаниями финансового и реального сектора: за первые три квартала 2015 г. они направили за рубеж 48,1 млрд. долл., за аналогичный период 2016 г. – лишь 9,6 млрд. долл. Однако в условиях сохранения низкой конъюнктуры внутреннего рынка перспективы трансформации «невывезенных» финансовых средств в инвестиции остаются более чем туманными. С учетом ограниченности как внутренних, так и внешних источников инвестиций, в течение 2016 г. новый импульс получили дискуссии о перспективах мобилизационного сценария их наращивания за счет широкого круга мер – от государственных капиталовложений и политики «принуждения к инвестициям» в отношении ведущих российских компаний до эмиссионного кредитования экономики со стороны ЦБР и принудительной трансформации в инвестиции текущих сбережений населения.

Инвестиционный кризис: в поисках выхода

Инвестиционный кризис в российской экономике давно стал печальным фактом реальности. Причем если валовое накопление основного капитала в реальном выражении достаточно предсказуемо стало сокращаться во втором квартале 2014 г. на фоне первых симптомов санкционного противостояния, связанного с событиями на Украине, то совокупные показатели валового накопления стали снижаться еще в четвертом квартале 2012 г. – тогда же, когда появились первые признаки замедления темпов роста ВВП. В результате объем валового накопления во втором квартале 2016 г. оказался более чем на треть (на 37,8%) ниже, чем в аналогичный период 2012 г. Спад валового накопления основного капитала за соответствующий период оказался почти в 3 раза меньше (снижение на 13,3%). Однако, в отличие от первого из рассмотренных показателей, в котором на фоне улучшения экономической конъюнктуры в первом полугодии 2016 г. наблюдался частичный «отскок вверх», вложения в основной капитал продолжили падение. С содержательной точки зрения такая динамика означает, что экономические субъекты наращивают материальные

оборотные средства (производственные запасы, незавершенное производство и объемы продукции, предназначенной для реализации), но по-прежнему не готовы к расширению объемов используемого основного капитала.

Наблюдаемый в последние годы спад инвестиций накладывается на другие хронические слабости российской экономики: высокие показатели износа основного капитала, критическая недоинвестированность ряда отраслей (в т.ч. инфраструктурных – от электроэнергетики до дорожного строительства), низкая инновационность, значительные внутриотраслевые различия между компаниями по уровням производительности и конкурентоспособности. Традиционный рецепт решения соответствующих проблем заключается в повышении объема инвестиций. Насколько этот рецепт актуален в российских условиях?

Для оценки масштабов инвестиционной активности в национальных экономиках традиционно используется показатель нормы накопления, характеризующий долю валового накопления основного капитала в ВВП страны. В России этот показатель, измеренный по международной методологии, в 2015 г. составил 21,9%. По меркам стран с развивающимися рынками это достаточно скромное значение: в среднем по этой группе стран норма накопления составляла 29,9% (данные за 2014 г.), в т.ч. в Индии – 30,8%, у Китая – 44,3%. Фактически норма накопления в России лишь немногим выше среднего значения для экономически развитых стран (20,6%). Однако и при сравнении со странами этой группы очевидно отставание России не только от высокотехнологичной Южной Кореи (29,2%), но и Канады и Австралии (23,8% и 27,3%, соответственно), чей сырьевой потенциал придает дополнительную значимость их сравнению с российской экономикой. С учетом этого повышение нормы накопления в среднесрочном периоде может рассматриваться в качестве вполне оправданного приоритета, достижение которого будет способствовать созданию благоприятных макроэкономических условий для выхода на устойчиво высокие темпы экономического роста на временном горизонте до 2025 г.

Однако к реализации данного приоритета следует подходить с осторожностью. Во-первых, сама по себе высокая норма накопления не гарантирует высоких темпов роста. Среди стран с развивающимися рынками есть как успешные примеры обеспечения экономического роста при доле инвестиций в ВВП на уровне порядка 20–25%, так и примеры очевидных «провалов развития» при существенно более высоких значениях этого показателя. Так, норма накопления в Бангладеш (28,6%) и Буркина Фасо (32,0%) существенно выше российского уровня, но ощутимого влияния на успехи в сфере экономического развития это не оказало. А Бразилия или Турция, имеют более низкие показатели нормы накопления, чем Россия (20,2% и 20,1% соответственно), однако достижения этих стран в сфере экономического развития трудно отрицать. При всей убедительности макроэкономических моделей, показывающих позитивное влияние инвестиций на экономический рост, характер этого влияния далеко не линеен.

Во-вторых, возникает вопрос об источниках средств для «инвестиционного рывка». Повышение нормы накопления при прочих равных условиях предполагает снижение доли потребления в ВВП, что как минимум в краткосрочной перспективе означает ухудшение уровня жизни населения. В российских условиях, где реальные располагаемые доходы населения в последние годы устойчиво снижались, а падение реальных потребительских расходов населения (в постоянных ценах 2011 г.) за период со второго квартала 2014 г. по второй квартал 2016 г. составило 12,9%, это означало бы возложение дополнительного экономического бремени на плечи рядовых граждан. Дальнейшее снижение этих показателей способно не только усугубить последствия продолжающегося экономического кризиса через

сжатие потребительского спроса, но и создать серьезные риски для социально-политической стабильности.

В-третьих, немаловажно помнить, что высокая доля инвестиций в ВВП в ряде развивающихся экономик (прежде всего в Китае) обусловлена спецификой роли государства в их политической и экономической системе. Показатели нормы накопления на уровне 35% и выше в современном мире достижимы лишь в экономиках, где государство обладает достаточной свободой рук для проведения в жизнь собственных инвестиционных приоритетов без оглядки на потребительские приоритеты населения.

Представляется, что в текущих условиях первоочередное значение для российской экономики имеет не количественное форсирование инвестиций, а радикальное повышение их качества с ориентацией на рост технологического уровня и экономической эффективности производственных мощностей, а также создание высокопроизводительных рабочих мест. При этом государственная поддержка инвестиций должна быть обусловлена четкими критериями роста эффективности (например, в терминах достижения конкретных ориентиров повышения производительности труда, ресурсо- и энергоэффективности), которые могут получить формальное закрепление в рамках определения условий поддержки конкретных инвестиционных проектов: выполнение соответствующих условий позволяет претендовать на поддержку, невыполнение влечет за собой ее отзыв. Переход к использованию соответствующих принципов поддержки инвестиций будет способствовать долгосрочному повышению конкурентоспособности российских компаний, не зависящему от таких переменных факторов, как динамика мировой конъюнктуры или колебания валютного курса. Данный сценарий с учетом имеющихся возможностей повышения эффективности в российской экономике (в первую очередь в несырьевых ее отраслях) способен в среднесрочной перспективе привести и к повышению доли инвестиций в ВВП – правда, ориентиром при этом будут выступать не Китай и Индия, а скорее Малайзия и Австралия (с нормой накопления 25–27%).

От импортозамещения к экспортному развитию

В то время как дискуссии о содержании новых подходов к поддержке инвестиционного процесса пока далеки от завершения, оценка роли внешнеэкономических факторов в развитии отраслей национальной экономики в 2016 г. была принципиально пересмотрена. Уже к началу года стало очевидно, что в условиях сжатия внутреннего спроса импортозамещение, являвшееся в 2014–2015 гг. знаковым приоритетом экономической политики правительства, неспособно выступать в качестве драйвера промышленного роста. Напротив, экспортные несырьевые отрасли, ориентированные на емкие зарубежные рынки (в первую очередь химия и нефтехимия), демонстрировали опережающую динамику развития. В 2016 г. соответствующая тенденция продолжилась. Лидером экспортоориентированного роста вновь оказалось химическое производство, которое по итогам трех кварталов года показало рост на 4,6% (в т.ч. выпуск пластмасс в первичных формах – на 5,2%), а также производство пластмассовых изделий (включая полимерные плиты, листы, пленку и ленты), выросшее на 7,8%. Значительный потенциал развития экспорта продемонстрировал и ряд товаров продовольственной группы: так, стоимостные объемы экспорта пшеницы и меслина в январе–сентябре 2016 г. увеличились на 16,1%.

В то же время перспективы расширения экспортоориентированного производства сталкиваются в настоящее время с двумя серьезными ограничениями. Первое из них связано с динамикой валютного курса рубля. Рост ценовой конкурентоспособности российской продукции на внешних рынках был во многом обеспечен ослаблением валютного курса

рубля, который с середины 2014 г. к началу 2016 г. обесценился по отношению к доллару США более чем в 2 раза (если во втором квартале 2014 г. за доллар давали в среднем 34,97 руб., то в первом квартале 2016 г. – уже 74,59 руб., причем в моменте курс доллара превышал 85 руб.). В результате российские экспортеры получили возможность успешно осваивать внешние рынки, о поставках на которые еще несколько лет назад трудно было даже мечтать. Наиболее яркая «история успеха» связана с взрывным ростом поставок продовольствия в Китай, который к середине 2016 г. стал крупнейшим импортером соответствующих товаров из России (753 млн. долл. по итогам первого полугодия), обогнав по этому показателю Турцию (727 млн. долл.).

В то же время по мере восстановления мировых цен на нефть валютный курс рубля начал укрепляться. В начале декабря котировки доллара США впервые с октября 2015 г. упали ниже 61 руб. Свой вклад в такое развитие событий внесла политика ЦБР, который до конца года удерживал значение ключевой ставки на уровне 10%. Такая политика, продиктованная стремлением к сдерживанию инфляционных тенденций, сделала российский рубль мишенью для финансовых операций, связанных с игрой на разнице процентных ставок (*carry trade*). В условиях, когда центральные банки большинства ведущих стран сохраняли процентные ставки на минимальном уровне, высокие процентные ставки в России делали привлекательным приобретение российских облигаций нерезидентами, что обусловило растущий спрос последних на рублевые активы и стало дополнительным фактором роста валютного курса рубля. Укрепление рубля, в свою очередь, создает значительные риски для производств, экспортный потенциал которых в последние годы был обусловлен фактором низкого валютного курса.

Другое ограничение экспортоориентированного роста связано с неустойчивой динамикой внешних рынков. Наиболее остро действие данного фактора почувствовали российские металлурги, экспортные поставки которых в последние годы устойчиво снижались. В 2016 г. перелома в данной сфере не произошло: экспорт черных металлов сократился в январе–сентябре на 14,7% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, экспорт меди и алюминия упал более чем на 22%, никеля – на 32,6%. Для сравнения, совокупный объем российского экспорта сократился на 22,8% (главным образом за счет падения экспорта сырой нефти на 25,0%, нефтепродуктов – на 38,5% и природного газа – на 31,1%). Негативную динамику демонстрировал и экспорт ряда других традиционных товаров российского несырьевого экспорта, включая продукцию химических и нефтехимических производств. Так, экспорт синтетического каучука сократился за рассматриваемый период на 12,5%, азотных удобрений – на 15,2%, калийных удобрений – на 40,0%. Высокая зависимость от колебаний внешнего спроса делает крайне рискованной пассивную стратегию ориентации на внешние рынки и требует реализации активных мер, направленных на обеспечение экспортной экспансии российской промышленности.

В 2016 г. в данной сфере были приняты важные решения. В начале года была сформирована Группа РЭЦ, в состав которой вошли АО «Российский экспортный центр», Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций (ЭКСАР) и АО РОСЭКСИМБАНК. Данная структура призвана стать институциональной платформой предоставления комплексных услуг российским компаниям-экспортерам, включая реализацию принципа «одного окна» во взаимодействии с профильными министерствами и ведомствами по вопросам предоставления финансовой и нефинансовой поддержки экспорта, осуществление кредитования и страхования экспортных операций, а также координацию деятельности по поддержке экспортных проектов, осуществляемой торговыми представительствами России за рубежом. В конце ноября 2016 г. был утверждён паспорт приоритетного проекта «Системные меры развития международной кооперации и экспорта», заказчиком которого выступило Министерство экономического развития России. Миссия

данного проекта, рассчитанного до конца 2025 г., состоит в создании комплексных механизмов поддержки экспорта, специально ориентированных на потребности компаний среднего бизнеса. Это в полной мере соответствует как объективным проблемам развития экспортной деятельности в России (где компании среднего размера, в отличие от крупных и крупнейших компаний, в большинстве случаев не имеют финансовых возможностей и лоббистского потенциала для самостоятельного решения проблем, связанных с выходом на внешние рынки), так с преобладающими в мировой практике подходами к поддержке экспорта, в соответствии с которыми максимальный потенциал имеет вывод на внешние рынки новых средних компаний (в т.ч. представляющих высокотехнологичные отрасли), которые в перспективе могут занять позиции глобальных лидеров.

Кроме того, в течение года активно обсуждалось использование двусторонних и многосторонних торговых соглашений для устранения барьеров на пути российского экспорта. При том, что такая стратегия полностью соответствует мировой практике и безусловно заслуживает поддержки, в первой половине года отмечались тревожные признаки того, что при обсуждении планов заключения соответствующих соглашений на первый план выходили геополитические, а не экономические мотивы. В первую очередь это было связано с тем, что после заключения в 2015 г. под эгидой США соглашения о создании Транстихоокеанского партнерства (ТТП) в российских политических элитах получила популярность идея о необходимости реализации альтернативных региональных проектов с участием России, среди которых, в частности, предлагалось создание зоны свободной торговли стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и подписание соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и АСЕАН. К концу года интенсивность дискуссий вокруг соответствующих проектов несколько ослабла. С одной стороны, планы избранного президента США Д.Трампа отказаться от ратификации соглашения о ТТП и свернуть переговоры о создании Трансатлантического торгово-инвестиционного партнерства с ЕС снижают актуальность «геополитического ответа» на американские инициативы. С другой стороны, очевидная незаинтересованность ряда стран ШОС и АСЕАН в заключении соглашений о свободной торговле с ЕАЭС, а также осознание сложности ведения многосторонних переговоров (с которыми, в частности, ранее столкнулся Китай в ходе переговоров с АСЕАН о создании зоны свободной торговли) обуславливает необходимость поиска альтернативных решений в данной сфере.

В этих условиях на первый план выходят перспективы двусторонних соглашений России и ЕАЭС с отдельными странами-партнерами. Спектр таких соглашений может быть достаточно широк – от соглашений в сфере поощрения и защиты инвестиций, которые Россия может заключать самостоятельно (соответствующие вопросы не переданы в компетенцию ЕАЭС) и неpreferенциальных соглашений с участием ЕАЭС (в настоящее время активно обсуждаются перспективы такого соглашения с Китаем) до полномасштабных соглашений о свободной торговле, подобных тому, которое было подписано в 2015 г. между ЕАЭС и Вьетнамом (вступило в силу 5 октября 2016 г.). Первоочередными кандидатами на заключение таких соглашений в ближайшие годы являются Южная Корея, Сингапур и Израиль. Интенсификация процесса разработки и заключения таких соглашений может сыграть роль важного фактора, способного не только открыть новые рынки для российского экспорта, но и укрепить международные экономические позиции страны в условиях сохраняющегося санкционного противостояния с ведущими развитыми странами.

График 1. Темпы прироста российской и мировой экономики, %

2. МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: УСКОРЕНИЕ РОСТА

В первой половине текущего десятилетия мировая экономика росла темпом 3,5% в год (2011-2015 гг.). В 2017 г. по прогнозу ИМЭМО прирост мирового ВВП составит 3,8%, по прогнозу МВФ – 3,4%. В дальнейшем до конца десятилетия и по прогнозу ИМЭМО, и по прогнозу МВФ, мировая экономика будет расти темпом 3,7-3,8%.

Прогноз МВФ о росте мировой экономики в 2017 г. на 3,4%, на наш взгляд, - минимальная возможная оценка, и дело здесь не только в том, что «более высокие доходы от экспорта нефти предоставляют некоторое облегчение ее экспортерам». На наш взгляд, возрастут темпы роста экономики США и развитых стран, в целом (несмотря на Brexit). Темпы роста Китая вряд ли упадут ниже 6%, Индия сохранит высокие темпы роста (более 7%), экономики Бразилии и России выйдут на положительные значения. Вся группа стран – развивающихся и с переходной экономикой – также покажет более высокие темпы роста, чем в 2016 г.

Надежную основу для долгосрочного глобального развития и роста создает научно-технический прогресс. Так было в прошлом, в еще большей степени НТП будет определять будущее развитие. Уже сейчас хорошо видны основные сферы, в которых будут происходить революционные изменения: агропромышленный комплекс, добывающая промышленность (в первую очередь, энергетика), обрабатывающая промышленность и вся сфера услуг. Главную роль будет играть проникновение информационных технологий (ИТ) во все сферы жизни. Это, во-первых, приводит к коренному изменению, как производства, так и потребления, резко повышая эффективность и производительность труда; во-вторых, создаются сетевые структуры, исключая всех возможных посредников и непосредственно связывающие производителя и потребителя товаров и услуг. В перспективе такими посредниками, которые будут исключены из жизни, станут многие функции государства. Экология является одним из факторов, определяющих будущее развитие. Как правило, создание экологических технологий приводит к комплексному эффекту: в ходе формирования «зеленой» экономики одновременно со снижением давления на окружающую среду повышается эффективность использования всех видов ресурсов, включая трудовые. Одним из примеров революционных изменений, в самом начале которых мы находимся, являются изменения в энергетике. Речь идет и о добыче первичных энергоресурсов (ПЭР), их транспортировке, хранении, производстве электроэнергии, а также их потреблении.

Главным результатом этих изменений является отсутствие ресурсных ограничений развития и роста мировой экономики, то есть нехватки трудовых ресурсов, обрабатываемых земель, капитала, сырьевых и энергоресурсов.

В 2017 г. мы увидим первые результаты действия вышеуказанных факторов.

Серьезное воздействие на мировую экономику окажут действия новой администрации США. Во-первых, сфера энергетики. Планируемые новой администрацией шаги скорее всего приведут к росту добычи как конвенциональных, так и не конвенциональных нефти, газа и угля в США, к снижению их импортной зависимости и в перспективе к полной самообеспеченности американской экономики. Сокращение импорта США приведет к росту предложения на мировых рынках, даже если будет достигнуто соглашение о замораживании добычи странами-экспортерами нефти. Но и это замораживание, если и случится, будет не всеобщим. Такие страны, как Ирак, Иран, Ливия и Нигерия, скорее всего, получат возможность увеличивать собственную добычу, а совокупный потенциал прироста добычи на уже разрабатываемых месторождениях в этих странах превышает 10 млн. барр/день. В результате, превышение спроса над предложением на мировом рынке сохранится на более

длительный срок, чем предполагалось ранее, что предопределил практически нулевую вероятность роста цен выше уровня в 60-65 долл./барр. в ближайшие годы.

Во-вторых, меры, традиционные для республиканской повестки дня (снижение налогов, дерегулирование, упрощение всей налоговой системы, сокращение госаппарата, рост инвестиций в инфраструктуру, большее внимание развитию собственной промышленности и защите внутреннего рынка), скорее всего, приведут к увеличению до 3-4% в год и так не маленьких для развитых стран темпов роста и относительно низким темпам роста импорта. Это означает сокращение возможностей для дальнейшего роста экспорта в США их крупнейших торговых партнеров – ЕС, Японии, Китая. В III и IV кварталах 2008 года и I и II кварталах 2009 года США сократили импорт почти на 1 трлн. долл. Такое снижение спроса на продукцию основных торговых партнеров США оказалось одним из важнейших факторов кризисных явлений в их экономиках в те годы. В настоящее время падение импорта маловероятно, но и рост импорта, соответствующий росту ВВП США, вряд ли возможен. Как следствие, возможно некоторое замедление роста экономики в этих странах и снижение спроса на сырье на мировых рынках, что непосредственно отразится на экономике России.

В целом, рост мировой экономики, как мы уже отмечали, ускорится, так как темпы роста экономики США компенсируют некоторое замедление в странах-партнерах.

В 2017 г. мы прогнозируем рост экономики США в 2,5% (прогноз МВФ 2,2%).

В 2016 г. экономика стран ЕС возрастет на 1,7%, а в 2017 г., по нашей оценке, этот рост сократится до 1,5%, что в первую очередь объясняется снижением прогноза развития экономики Великобритании. Начало и ход переговоров по «брекзиту» могут привести к снижению темпов прироста экономики Великобритании с 1,9% в 2016 г. до 0,9% в 2017 г. Экономика Еврозоны, по нашему прогнозу, в 2017 г. сохранит темпы прироста на уровне 2016 года – 1,6%.

Группа развивающихся стран и стран с переходной экономикой, по нашей оценке, ускорит свой рост с 5,0% в 2016 г. до 5,2% в 2017 г.

В 2017 году продолжится замедление экономики Китая до 6,3% (оценка МВФ 6,2%) после 6,6% в 2016 г.

Индийская экономика продолжит расти высокими темпами. В 2017 г. ВВП Индии возрастет также как и в 2016 г. на 7,6%. Экономика Бразилии после падения производства в 2016 г. на 3,0%, увеличится в 2017 г. на 1,0%.

Российская экономика в 2017 г. по нашему прогнозу также возрастет на 1,0%.

На экономику Китая, Индии, Бразилии и России в 2017 г. придется 31,3% мирового ВВП (по ППС) и 54,4% ВВП группы развивающихся стран и стран с переходной экономикой.

Как мы уже писали ранее, общая тенденция, которая наметилась в мировой экономике, и, на наш взгляд – это долгосрочная тенденция: в предстоящие годы развитые страны будут расти более высокими темпами, а развивающиеся и страны с переходной экономикой – более низкими, чем в первом десятилетии этого века.

Самой болезненной проблемой для всех стран мира остается безработица. Хотя во многих странах безработица продолжает снижаться и уже достигла докризисных значений - например в Японии, Германии, многих других странах Европы. В США уровень безработицы снижается и достиг 4,6% в ноябре 2016 г.. В 2017 г., на наш взгляд, снижение

продолжится, но в любом случае безработица в США уже находится в пределах многолетних значений 4–6%.

В Европейском союзе безработица снизилась до 8,6%, а в Еврозоне до 10,0% (2016 г.). В Германии безработица снизилась до 4,4% – самого низкого показателя после объединения Германии. В Японии безработица снизилась до 3,0% и находится также в пределах многолетних значений 3-4%.

Несколько лет экономического роста обеспечили такое снижение безработицы и продвижение в решении основных экономических проблем. В 2016 г. впервые за послекризисный период во всех развитых странах наблюдался экономический рост. В 2017 г. также во всех странах мы прогнозируем экономический рост и его ускорение до 2,0% против 1,9% в 2016 г.

В 2016 г. под сомнение было поставлено развитие глобализации. Эта точка зрения базировалась на ускоренном развитии процессов регионализации, соответствующей оценке «брекзита», победой Трампа на выборах, усилением позиций анти-глобалистов в европейских странах. На наш взгляд, глобализация - объективный процесс мирового развития. Этот процесс развивается неравномерно и с разной скоростью. Регионализация является одним из проявлений глобализации, составной частью ее развития. В 2017 г. развитие мировой экономики подтвердит такую точку зрения. Великобритания и ЕС сумеют найти взаимоприемлемый вариант «брекзита», который в перспективе обеспечит устойчивое развитие обеих сторон (примеры – Норвегия, Швейцария).

Реальные шаги новой администрации США вряд ли приведут к отмене соглашения о Транс-Тихоокеанском партнерстве (ТТП) и к прекращению переговоров по Транс-Атлантическому торгово-инвестиционному партнерству (ТАИП). Также трудно представить выход США из Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА). Вероятнее всего, новая администрация будет добиваться более приемлемых для США поправок к этим соглашениям.

Мировая торговля, на наш взгляд, в 2017 г. будет расти опережающими темпами. В 1991–2000 гг. темпы прироста глобальной торговли товарами в 2,3 раза превышали темпы прироста глобального ВВП (по среднегодовому курсу национальных валют к доллару). В 2001-2010 гг. это соотношение возросло – до 3,5 раза. В посткризисный период 2011–2015 гг. это соотношение резко сократилось из-за падения мирового экспорта во всех регионах мира. Более того, в 2015 г. мировая торговля даже сократилась.

В 2017 г. опережающий рост объема внутреннего рынка в ведущих странах с развивающейся экономикой (ребалансировка спроса с внешних рынков на внутренние) и некоторый рост цен на энергоресурсы и другие виды сырья восстановят рост мировой торговли темпами примерно в 2 раза превышающими рост мирового ВВП.

График 2. Темпы прироста мировой экономики, прогноз МВФ и ИМЭМО, %

Таблица 1. Темпы прироста ВВП, %

	Оценка МВФ		Оценка ИМЭМО			
	2016	2017	по ППС		по курсу долл.	
			2016	2017	2016	2017
Весь мир	3,1	3,4	3,6	3,8	2,9	3,3
Развитые страны	1,6	1,8	1,9	2,0	1,6	1,9
США	1,6	2,2	1,7	2,5	1,7	2,5
Япония	0,5	0,6	0,5	0,7	0,5	0,7
Зона евро	1,7	1,5	1,6	1,6	1,6	1,6
ЕС 28	1,9	1,7	1,7	1,5	1,7	1,5
Германия	1,7	1,4	1,8	1,9	1,8	1,9
Франция	1,3	1,3	1,2	1,4	1,2	1,4
Италия	0,8	0,9	0,8	0,9	0,8	0,9
Великобритания	1,8	1,1	1,9	0,9	1,9	0,9
Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой	4,2	4,6	5,0	5,2	5,1	5,4
Китай	6,6	6,2	6,6	6,3	6,6	6,3
Индия	7,6	7,6	7,6	7,6	7,6	7,6
Бразилия	-3,3	0,5	-3,0	1,0	-3,0	1,0
Россия	-0,8	1,1	-0,5	1,0	-0,5	1,0

Таблица 2. Развитие мировой экономики, в ценах и по среднегодовому курсу национальных валют к долл. США 2015 г.*

	Общий объем ВВП, млрд. долл.			Доля в мировом ВВП, %			ВВП на душу населения, тыс. долл.		
	2015	2016	2017	2015	2016	2017	2015	2016	2017
Весь мир	73 598,8	75 740	78 200	100,0	100,0	100,0	10,0	10,2	10,4
Развитые страны	45 291,9	46 000	46 900	61,5	60,7	59,9	40,0	40,5	41,1
США	18 036,7	18 350	18 800	24,5	24,2	24,0	56,1	56,7	57,7
Япония	4 124,2	4 150	4 175	5,6	5,5	5,3	32,5	32,7	32,9
Зона евро	11 556,3	11 740	11 930	15,7	15,5	15,2	34,3	34,8	35,2
ЕС 28	16 300,4	16 580	16 830	22,1	21,9	21,5	32,0	32,4	32,8
Германия	3 365,3	3 430	3 490	4,6	4,5	4,5	41,3	42,1	42,9
Франция	2 420,2	2 450	2 490	3,3	3,2	3,2	36,2	36,5	36,8
Италия	1 815,8	1 830	1 850	2,5	2,4	2,4	29,9	29,9	29,9
Великобритания	2 858,5	2 910	2 940	3,9	3,8	3,8	43,9	44,4	44,5
Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой	28 307,0	29 740	31 300	38,5	39,3	40,1	4,6	4,7	4,9
Китай	11 181,6	11 920	12 670	15,2	15,7	16,2	8,2	8,7	9,2
Индия	2 073,0	2 230	2 400	2,8	2,9	3,1	1,6	1,7	1,8
Бразилия	1 772,6	1 720	1 740	2,4	2,3	2,2	8,5	8,2	8,2
Россия	1 326,0	1 320	1 335	1,8	1,7	1,7	9,2	9,1	9,2

* Данные за 2016 и 2017 гг. рассчитаны по прогнозируемым нами темпам прироста ВВП и затем округлены.

Таблица 3. Развитие мировой экономики, долл. США в ценах и по ППС 2015 г.*

	Общий объем ВВП, млрд. долл.			Доля в мировом ВВП, %			ВВП на душу населения, тыс. долл.		
	2015	2016	2017	2015	2016	2017	2015	2016	2017
Весь мир	114 136,6	118 290	122 800	100,0	100,0	100,0	15,5	15,9	16,4
Развитые страны	50 158,2	51 110	52 110	43,9	43,2	42,4	44,3	45,0	45,7
США	18 036,7	18 350	18 800	15,8	15,5	15,3	56,1	56,7	57,7
Япония	4 843,3	4 870	4 900	4,2	4,1	4,0	38,1	38,4	38,6
Зона евро	13 578,2	13 800	14 020	11,9	11,7	11,4	40,3	40,9	41,4
ЕС 28	19 343,6	19 680	19 970	16,9	16,6	16,3	38,0	38,5	39,0
Германия	3 860,1	3 930	4 000	3,4	3,3	3,3	47,4	48,3	49,2
Франция	2 665,9	2 700	2 740	2,3	2,3	2,2	39,9	40,2	40,6
Италия	2 175,3	2 195	2 210	1,9	1,9	1,8	35,8	35,8	35,8
Великобритания	2 702,0	2 750	2 780	2,4	2,3	2,3	41,5	42,0	42,1
Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой	63 978,4	67 180	70 690	56,1	56,8	57,6	10,3	10,7	11,2
Китай	19 695,7	21 000	22 320	17,3	17,7	18,2	14,4	15,3	16,2
Индия	7 998,3	8 600	9 250	7,0	7,3	7,5	6,1	6,5	6,9
Бразилия	3 198,9	3 100	3 140	2,8	2,6	2,6	15,4	14,8	14,9
Россия	3 724,9	3 710	3 745	3,3	3,1	3,0	25,8	25,7	25,8

* Данные за 2016 и 2017 гг. рассчитаны по прогнозируемым нами темпам прироста ВВП и затем округлены.

Таблица 4. Вклад в прирост ВВП, в ценах и по ППС 2015 г.

	2016			2017		
	Доля в мировом ВВП, %	Темпы прироста ВВП, %	Вклад в прирост ВВП, процентные пункты	Доля в мировом ВВП, %	Темпы прироста ВВП, %	Вклад в прирост ВВП, процентные пункты
Весь мир	100,0	3,6	3,6	100,0	3,8	3,8
Развитые страны	43,2	1,9	0,84	42,4	2,0	0,85
США	15,5	1,7	0,27	15,3	2,5	0,39
Япония	4,1	0,5	0,02	4,0	0,7	0,03
Зона евро	11,7	1,6	0,19	11,4	1,6	0,19
ЕС 28	16,6	1,7	0,29	16,3	1,5	0,25
Германия	3,3	1,8	0,06	3,3	1,9	0,06
Франция	2,3	1,2	0,03	2,2	1,4	0,03
Италия	1,9	0,8	0,02	1,8	0,9	0,02
Великобритания	2,3	1,9	0,04	2,3	0,9	0,02
Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой	56,8	5,0	2,80	57,6	5,2	2,97
Китай	17,7	6,6	1,14	18,2	6,3	1,12
Индия	7,3	7,6	0,53	7,5	7,6	0,55
Бразилия	2,6	-3,0	-0,08	2,6	1,0	0,03
Россия	3,1	-0,5	-0,02	3,0	1,0	0,03

3. МИРОВАЯ ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА

В финансовой конъюнктуре 2017 г. возможна реализация трех сценариев. Первый (вероятность 30 – 35%) - «сглаживание» роста мировой экономики и динамики глобальных финансов после острой нестабильности 2008 – 2015 гг.¹ с отдельными всплесками системных рисков.²

Второй сценарий (вероятность – 55 – 60%) – рост волатильности мировой экономики и глобальных финансов до «предгрозовых» значений (в связи с ожидаемыми резкими движениями в экономической и финансовой политике США («трампономика»), ухудшением финансового положения развивающихся экономик.³

Третий сценарий (вероятность – 10 – 15%) – резкое, «штормовое» усиление в 2016 г. волатильности в одной из проблемных точек глобальных финансов⁴. Или обострение геополитических рисков, переходящих в финансовые (Ближний Восток, Россия - Запад, региональные конфликты в Восточной Азии). За этим – цепная реакция системного риска, финансовые инфекции, новые горизонты избыточной волатильности и рецессий.

Как и в 2009 – 2016 гг., глобальные финансы будут отличаться большой хрупкостью, находясь «на развилке» - либо снижение рисков и рост, либо усиление разбалансированности и кризис.

К 2017 г. в основном сгладится стимулирующий эффект «денежных смягчений» в тех развитых экономиках, которые в начале 2010-х гг. придерживались такой политики (табл. 5). Сократятся различия в темпах роста между ними (кроме США) и странами, которые были консервативны в финансовой политике. В США будет предпринята попытка нового рывка (снижение налогов, дерегулирование, инфраструктурные инвестиции), которые могут быть во многом нивелированы повышением ставки ФРС и укреплением доллара США). Сохранится дисбаланс в «скоростях» между развитыми и развивающимися экономиками (при снижении темпов роста в Китае и «разгоне» Индии).

¹ Мировой финансовый кризис 2008 – 2009 гг., европейский долговой кризис 2010 – 2013, 2015 гг., укрепление доллара США после 2008 г., падение мировых цен на сырье как на «финансовый товар» в 2011 – 2015 гг., мыльные пузыри на рынках акций США и Китая 2015 г.

² В 2014 - 2016 г. – падение фунта стерлингов к доллару США и евро примерно на 30%, в 2016 г. приступы волатильности в ценах на нефть.

³ Для сырьевых стран - низкие цены на топливо, металлы, продовольствие, возникающее влияние тренда к сжатию углеводородной экономики; для «мастерских мира» - торможение спроса на их продукцию, замораживание деиндустриализации развитых стран (или даже поворот вспять к возврату в них производства), ревальвация юаня, как искусственно ослабленной валюты, если она произойдет.

⁴ Пара «доллар – евро», цены на сырье, рынок акций США, финансовая система Китая, развивающиеся рынки Латинской Америки, России и СНГ, государственные долги стран ЕС, регулятивные риски глобальных банков и т.п.

Таблица 5. Прогноз динамики ВВП с учетом воздействия фактора финансовой политики

Группа стран / Страна	Изменение индекса потребительских цен, %					
	2011	2012	2014	2015	2016*	2017*
Мир	4,2	3,5	3,4	3,2	3,1	3,4
Развитые экономики, в т.ч.	1,7	1,2	1,9	2,1	1,6	1,8
Экономики «денежных смягчений»						
США	1,6	2,2	2,4	2,6	1,6	2,2
Великобритания	1,5	1,3	3,1	2,2	1,8	1,1
Япония	-0,5	1,7	-0,1	0,5	0,5	0,6
Экономики «сдержанной денежной политики» / более жестких бюджетных ограничений						
Еврозона	1,6	-0,9	1,1	2,0	1,7	1,5
Германия	3,7	0,7	1,6	1,5	1,7	1,4
Нидерланды	1,7	-1,1	1,4	2,0	1,7	1,6
Франция	2,1	0,2	0,6	1,3	1,3	1,3
Испания	-1,0	-2,6	1,4	3,2	3,1	2,2
Греция	-9,1	-7,3	0,7	-0,2	0,1	2,8
Экономики ребалансирования						
Развивающиеся экономики, в т.ч.	6,3	5,3	4,6	4,0	4,2	4,6
Развивающиеся экономики Азии	7,9	7,0	6,8	6,6	6,5	6,3
Китай	9,5	7,9	7,3	6,9	6,6	6,2
Индия	6,6	5,6	7,2	7,6	7,6	7,6
Латинская Америка, в т.ч.	4,6	3,0	1,0	-0,1	-0,6	1,6
Бразилия	3,9	1,9	0,1	-3,8	-3,3	0,5
Мексика	4,0	4,0	2,2	2,5	2,1	2,3
Экономики денежных ограничений и бегства капитала						
СНГ	4,7	3,5	1,1	-2,8	-0,3	1,4
Россия	4,0	3,5	0,7	-3,7	-0,8	1,1

* прогноз МВФ

Источник: IMF World Economic Outlook Database October 2016, Gross domestic product, constant prices, percent of GDP.

В 2017 г. будут продолжать действовать финансовые механизмы замедления роста на развивающихся рынках: а) выход из режима «финансового форсажа» Китая,⁵ вероятность укрепления юаня под давлением США (одна из позиций «трампономики» - возобновление обвинений Китая в валютном манипулировании, искусственном ослаблении юаня по отношению к доллару); б) сжатие доходов в сырьевых экономиках под влиянием укрепления доллара США и падения мировых цен на сырье; в) рестриктивная политика денежных и финансовых властей, разбалансирование финансовых систем (Латинская Америка, постсоветские страны), санкции (Россия и связанные с ней страны СНГ).

Первый и второй сценарии динамики глобальных финансов объединяет несколько общих трендов.

Первый - реструктуризация глобальных финансов под воздействием циклической динамики доллара США и выхода Китая из режима форсажа.

Второй – торможение инфляции (кроме проблемных зон), несмотря на повсеместное желание денежных властей увеличить ее для «подогрева» экономик; сверхнизкий процент.

Третий – постепенный рост государственных долгов, «мины», встроенной в глобальные финансы.

Четвертый - продолжение финансового развития и финансовой глобализации.

В отличие от первого сценария во втором должна повыситься волатильность глобальных финансов, как следствие «трампономики» и многолетних трендов накопления рисков в отдельных сегментах финансов, сохранения сейсмически активных, ярких предкризисных зон.

В этой ситуации в 2017 г. может возникнуть пятый тренд – рост волатильности и еще более яркие ее вспышки, чем в 2012 – 2016 гг.

Реструктуризация глобальных финансов: курсы валют, цены на сырье

Посткризисная реструктуризация глобальных финансов происходит под воздействием циклического укрепления доллара США.

В 2017 г. продолжится многолетнее укрепление доллара США по отношению к евро и другим мировым валютам (с ожидаемым пиком в 2018 – 2019 гг.).

Следствие укрепления доллара – «перетряска» всей системы соотношений курсов валют, сложившихся в 2000-е годы. В 2017 г. продолжится осторожный рост доли доллара в глобальных финансах и сжатие – шаг за шагом - доли евро и других мировых валют (в отличие от обратной тенденции 2000-х гг.). В частности, будет постепенно расти доля доллара США как валюты, в которой номинированы активы, как резервной валюты (62 – 65% международных резервов),⁶ средства сбережений, в качестве наличности, имеющей хождение по всему миру.⁷

⁵ Снижение нормы инвестиций, накопление рисков и проблемных активов, «мыльные пузыри», турбулентность в случаях избыточного финансового «стимулирования»

⁶ Claims in U.S.Dollars, Allocated Reserves, IMF COFER

⁷ От 60% до 70% 100-долларовых купюр находятся вне США (2010 – 2011). 55% 50-долларовых банкнот и 60% 20-долларовых банкнот – за рубежом (2010). От 350-400 до 580 млрд. долларовой наличности находилось за рубежом (2009 – 2010 гг.). Источники: Rebecca Hellerstein, William Ryan. Cash Dollars Abroad. Federal Reserve Bank of New York Staff Reports. February 2011; Half of UK banknotes 'held overseas or used for black market'

Особая история – юань, находящийся в режиме управляемого валютного курса. Доллар в 2010 – 2013 гг. слабел по отношению к юаню, одновременно укрепляясь к евро и другим валютам. В 2014 – 2016 гг. возобновилась обратная тенденция (предполагаемая цель Китая – стимулирование экономики). Эта страна – второй по значимости торговый партнер США.

В связи с циклическим укреплением доллара в 2010 – 2016 гг. произошли глубокие изменения всей системы мировых цен на сырье, как финансового товара.⁸ С марта 2012 г. цена на нефть «Брент» снизилась в 2,7 раза (октябрь 2016 г.), цены на природный газ (NYMEX) с февраля 2014 г. в 2,0 раза, цены на медь (LME) с февраля 2011 г. в 1,7 раза, цены на алюминий (LME) с апреля 2011 г. в 1,6 раза, цены на золото (COMEX) с сентября 2011 г. в 1,6 раза, цены на пшеницу (CBOT) с июля 2012 г. в 2,2 раза.

В тяжелое положение попали сырьевые экономики. В 2017 г. в них продолжится накопление долгов, сокращение международных резервов и экспорта капитала, ухудшение финансового состояния. Обратные тенденции – для экономик, импортирующих сырье, в первую очередь, индустриальных стран.

Прогноз на 2017-2020 гг.: «сильный доллар» и «низкие цены на сырье» с очень сильным воздействием на структуру глобальных финансов и экономическую ситуацию в крупнейших экономиках мира.

Торможение инфляции

До середины 1990-х годов уровень мировой инфляции составлял двузначную величину, временами достигая почти 40% (1992 – 1993 гг.). К концу 1990-х гг. он снизился до 5 – 6%, в 2000-х гг. – до 4 – 5%, в 2010-х гг. – до 3 – 4%. Прогноз на 2017 г. мировая инфляция – в пределах 3 – 4% (табл. 2), рост инфляции в еврозоне благодаря политике «денежного смягчения».

В октябре 2014 г. МВФ оценивал инфляцию в США в 2015 г. в 2,1%, в Великобритании – в 1,8%, в Германии – в 1,2%, в Японии – 2,0%. В реальности она оказалась существенно ниже. В октябре 2015 г. МВФ прогнозировал рост цен в США в 2016 г. на 1,15%, в Великобритании – на 1,5%, в Германии – на 1,2%, в Японии – на 0,4%. Во всех странах, кроме США, инфляция ниже. Судьба прогноза МВФ на 2017 г. может оказаться такой же.

(BT.com, 15 September 2015, Bank of England Report); Ruth Judson. Crisis and Calm: Demand for U.S. Currency at Home and Abroad from the Fall of the Berlin Wall to 2011. Board of Governors of the Federal Reserve System International Finance Discussion Papers IFDP 1058 November 2012

⁸ С начала 2000-х гг. нефть, газ, металлы, продовольствие стали финансовыми товарами. Их мировые цены формируются на биржах товарных деривативов (Нью-Йорк, Лондон, Чикаго, зерновые биржи Канзас-Сити, Миннеаполиса). Резко выросла доля финансовых спекулянтов и институциональных инвесторов, играющих с товарами. Фундаментальные факторы (запасы, спрос, производство, технологии, геополитика) имеют второстепенное значение. Цены на сырье формируются в долларах. Преобладающая часть расчетов за них – тоже в долларах. Инвесторы свободно переходят из доллара в нефть, из нефти в облигации, из облигаций в металлы и т.д. В итоге, цены на сырье синхронизировались с долларом. Ослабление курса доллара к евро (это ключевая валютная пара) ведет, при прочих равных, к росту цены активов на рынках, к тому, что рост цен становится компенсацией падающего доллара. Усиление доллара связано с отрицательными движениями в стоимости активов. Наблюдается устойчивая корреляция цен товарных и финансовых активов. Подробно об этом см.: Миркин Я.М., Жукова Т.В., Кудинова М.М., Бахтарева К.Б., Левченко А.В. Международная практика прогнозирования мировых цен на финансовых рынках (сырье, акции, курсы валют). М.: Магистр, 2014. С.11 – 40

Таблица 6. Инфляция*

Группа стран / Страна	Изменение индекса потребительских цен, %					
	2011	2012	2014	2015	2016*	2017*
Мир	5,1	4,1	3,2	2,8	2,9	3,3
Развитые экономики, в т.ч.	2,7	2,0	1,4	0,3	0,8	1,7
Экономики «денежных смягчений»						
США	3,1	2,1	1,6	0,1	1,2	2,3
Великобритания	4,5	2,8	1,5	0,1	0,7	2,5
Япония	-0,3	-0,1	2,8	0,8	-0,2	0,5
Экономики «сдержанной денежной политики» / более жестких бюджетных ограничений						
Еврозона	2,7	2,5	0,4	0,1	0,3	1,1
Германия	2,5	2,1	0,8	0,1	0,4	1,5
Нидерланды	2,5	2,8	0,3	0,2	0,1	0,9
Франция	2,3	2,2	0,6	0,1	0,3	1,0
Испания	3,2	2,4	-0,1	-0,5	-0,3	1,0
Греция	3,1	1,0	-1,4	-1,1	-0,1	0,6
Экономики ребалансирования						
Развивающиеся экономики, в т.ч.	7,1	5,8	4,7	4,7	4,5	4,4
Развивающиеся экономики Азии	6,5	4,6	3,5	2,7	3,1	3,3
Китай	5,4	2,6	2,0	1,4	2,1	2,3
Индия	9,5	9,9	5,9	4,9	5,5	5,2
Латинская Америка, в т.ч.	5,2	4,6	4,9	5,5	5,8	4,2
Бразилия	6,6	5,4	6,3	9,0	9,0	5,4
Мексика	3,4	4,1	4,0	2,7	2,8	3,3
Экономики денежных ограничений и бегства капитала						
СНГ	9,7	6,2	8,1	15,5	8,4	6,3
Россия	8,4	5,1	7,8	15,5	7,2	5,0

* прогноз МВФ

Источник прогнозных данных: IMF World Economic Outlook Database October 2015,
Inflation, average consumer prices, Percent change.

Как и раньше, инфляция в развивающихся странах будет в несколько раз выше, чем в развитых. Зоны особенно высокой инфляции 2017 г. - постсоветское пространство и Латинская Америка, нефтяные экономики. Велика вероятность нового всплеска инфляции в СНГ.

Сверхнизкий процент

С 1970-х гг. снижался «глобальный» уровень процента. После кризиса 2008 – 2009 гг. возникла новая идеология банковского дела, в которой отрицательный процент признается законным, функция банков - не прирост капитала, а надежное хранение ликвидности. Инвестор должен платить банкам за эту услугу вместо того, чтобы рассчитывать на процент, на рост своих вложений.

В 2017 г. эта тенденция продолжится. Длительность времени, в течение которого ФРС не повышала свою ставку (декабрь 2008 г. – ноябрь 2015 г.), не имеет прецедентов. Увеличение ставки в декабре 2015 г. имело минимальные, самые осторожные размеры. Наиболее вероятный сценарий 2017 г. - повышение ставки, если оно произойдет в декабре 2016 – 2017 гг., будет носить больше формальный характер, обозначающий вектор политики ФРС. Рост ставки будет минимальным, чтобы не создать избыточной волатильности на финансовых рынках и не форсировать укрепление доллара.

Второй сценарий, менее вероятный – более активные действия ФРС в 2017 г. (заметный рост ставки) в ответ на разогрев экономики США, если он начнет проявляться уже в первый год президентства Дональда Трампа.

Постепенный рост государственных долгов

Развитые экономики. Рост доходной базы и сокращение потребности в деньгах для финансового смягчения, наряду с успехами повсеместно принятых программ оздоровления бюджетов будут продолжать оказывать стабилизирующее влияние на государственные долги развитых экономик (табл. 7).

Развивающиеся экономики. В 2017 г. продолжат «разгоняться», пусть и с разной скоростью. Будут расти государственные долги и ухудшаться финансовое положение этих экономик, особенно полностью зависящих от экспорта сырья и мировых цен на него (Россия, Казахстан, Азербайджан, Нигерия, Венесуэла, Бразилия и т.д.).

В меру реиндустриализации группы развитых стран и торможения спроса на продукцию «мастерских мира», будет наращиваться госдолг в этой группе развивающихся стран. Особенно это станет заметным в Китае, если произойдет укрепление юаня по отношению к доллару США.

Таблица 7. Динамика суверенного долга (валовой долг)

Группа стран / Страна	Суверенный долг / ВВП, %							
	1995	2007	2010	2012	2014	2015	2016*	2017*
Развитые экономики, в т.ч.	73	74	99	106	104	104	107	108
«Большая семерка»	76	82	113	121	119	118	122	123
США	71	64	95	102	105	105	108	108
Великобритания	45	44	78	85	88	89	89	89
Япония	91	183	216	238	249	248	250	253
Европейский Союз	68	59	79	85	88	87	86	86
Еврозона	72	66	86	91	94	92	92	91
Германия	56	65	82	79	75	71	68	66
Нидерланды	76	45	63	66	68	65	64	62
Франция	55	64	82	90	95	96	97	98
Италия	109	100	115	123	133	133	133	133
Испания	63	36	62	85	99	99	100	100
Греция	99	107	148	160	180	177	183	185
Развивающиеся экономики, в т.ч.	н/д	35	39	37	41	44	47	49
Развивающиеся экономики Азии	н/д	35	42	40	43	46	48	51
Китай	21	35	37	34	40	43	46	50
Индия	70	74	67	69	68	69	68	67
Латинская Америка, в т.ч.	н/д	47	49	48	51	56	57	59
Бразилия	н/д	65	65	62	63	74	78	82
Мексика	46 (1996)	38	42	43	49	54	56	56
СНГ	н/д	9	14	14	19	22	24	24
Россия	н/д	9	11	12	16	16	17	18

* прогноз

Источник: IMF World Economic Outlook Database October 2015, General government gross debt, percent of GDP. Данные на конец периода, округлены до целых чисел

В 2017 г. риски суверенных долгов будут по-прежнему высоки, особенно в Южной Европе и Латинской Америке. Постепенно нарастают риски того, что на рубеже 2020-х гг. вернутся долговые кризисы развивающихся экономик, подобные началу 1980-х и 1990-м гг. В 2017 г. более 40 юрисдикций будут иметь суверенные долги свыше 70% ВВП; более 30 стран, в т.ч. G-7 (без Германии) – выше 80% ВВП.

Риски коллапса государственного долга США в 2017 г., как и раньше, минимальны (США – эмитент мировой резервной валюты, покрытие госдолга на две трети – за счет внутреннего финансового рынка США, а также ФРС).

Продолжение финансового развития и финансовой глобализации

За последние 20 лет глобальная экономика значительно продвинулась в своем финансовом развитии. Проявилась закономерность роста финансовой глубины мировой экономики (financial deepening, «financialization»). Как и в XX в., рост финансового оборота и финансовых активов по большинству стран опережал динамику реальной экономики. Усилилась ее насыщенность деньгами, финансовыми инструментами и институтами – не в рамках «мыльных пузырей», «отрыва финансовой надстройки от реального основания», «разбухания фиктивного капитала» и т.п. (всё это обычные, побочные знаки развития, регулируемые в меру макропруденциального надзора) - а в силу возникновения всё более развитых, диверсифицированных, сложных финансовых систем, обеспечивающих лучшие, чем в прошлом, условия для инвестиций.

Кризис 2008 – 2009 гг. приостановил этот процесс на несколько лет. После чего он начался вновь. В посткризисный период в большинстве стран выросла **монетизация экономики** (это ключевой индикатор финансового развития). В 2016 г. больше 85% развитых стран (в 2009 г. – примерно 75%) имеют монетизацию выше 80% ВВП.⁹

И, наоборот, около 65% стран (в 2009 г. – примерно 70% стран) с развивающейся и переходной экономикой имеют «финансовую глубину» ниже 60% ВВП (в том числе и Россия).

Тенденция роста финансовой глубины продолжится и в 2017 г.

Продолжится **финансовая глобализация**, будет интенсифицироваться движение капиталов между странами. Индикатор «Международная инвестиционная позиция (Активы) / ВВП» по группе стран G-20¹⁰ составил в 2007 г. 123,2%, затем в момент кризиса и бегства капиталов упал в 2008 г. до 107,1%. В 2009 г. восстановился до 117,9% и, наконец, вернулся в 2014 г. на уровень 2007 г. (123,3%). В 2015 г. этот показатель составил 127%, в 2016 г. колебался, по оценке, в пределах 126 – 130% ВВП стран G-20. Прогноз на 2017 г. – 128 – 132%.

⁹ Рассчитано по IMF IFS 2000 – 2017, World Economic Outlook Database October 2016

¹⁰ Данные на конец года. В G-20 входит Европейский Союз, поэтому с целью исключения двойного счета исключались страны, как напрямую входящие в G-20, так и являющиеся членом ЕС. Индикаторы рассчитаны по IMF IFS и IMF World Economic Outlook Database

Вместе с тем рынок деривативов, который был самым динамичным сегментом финансового рынка до кризиса 2008 – 2009 гг., приторможен, его динамика скачкообразна (табл. 4). Растут преимущественно рынки биржевых деривативов (регуляторы отдают предпочтение именно им). Причины: подавление центральными банками ссудного процента и его волатильности (процентные деривативы – самая крупная и «энергичная» часть рынка деривативов). Указанные тренды будут продолжены и в 2017 г.

Таблица 8. Динамика глобального рынка деривативов*

Показатель	2008	2010	2014	2015	2016 (июнь)
Биржевые фьючерсы (процентные, валютные), открытый интерес, трлн. долл.	18,9	21,1	25,6	25,1	25,2
Биржевые опционы (процентные, валютные), открытый интерес, трлн. долл.	34,1	41,1	32,0	38,4	42,5
Внебиржевые деривативы,** глобальный рынок, по нарицательной стоимости, непогашенные контракты, трлн. долл.	598,1	601,0	628,0	493,0	544,1
Внебиржевые деривативы,** глобальный рынок, по валовой рыночной стоимости, непогашенные контракты, трлн. долл.	35,3	21,3	20,8	14,5	20,7

*BIS Statistics Explorer, Global OTC Derivatives Market, Exchange-traded Derivatives Statistics

**Процентные, валютные, на акции, товарные, кредитные дефолтные свопы

4. ЭКОЛОГИЯ

Изменение климата

Глобальная проблема изменения климата остается одним из главных приоритетов международной экологической повестки дня, опережая рейтинги проблем обеспечения пресной водой, стихийных бедствий и продовольственной безопасности. Так, например, Германия, председательствующая в G-20 в 2017 г., объявила действия в области изменения климата главным фокусом своего президентства.

В последние годы формирование международного режима регулирования деятельности государств по сохранению глобального климата представляло собой крайне динамичный процесс, и эта тенденция сохранится в перспективе. Серьезный прорыв заключался в том, что менее чем за один год после принятия Парижского соглашения в рамках Конвенции ООН по изменению климата, оно вступило в силу (4 ноября 2016 г.), придя на смену своему предшественнику - Киотскому протоколу. Это произошло в результате ратификации соглашения странами-членами, на долю которых приходится не менее 55 процентов от глобальных выбросов парниковых газов. По данным на начало декабря 2016 г. Парижское соглашение ратифицировали 116 стран из 197 сторон климатической конвенции. Среди них главные эмитенты – Китай (20.1% от глобальных выбросов парниковых газов), США (17.9), ЕЭС (9.9), Индия (4.1), Япония (3.8), Бразилия (2.5), Канада (1.9), Австралия (1.5) и большинство развивающихся стран; Россия (7.5), подписавшая это соглашение в апреле 2016 г., пока его не ратифицировала. Практическая имплементация этого международного договора начнется с 2020 г. после интенсивной подготовительной работы.

Инновационные подходы

Новый многосторонний международный режим в области изменения климата, введенный в действие Парижским соглашением, характеризуется рядом инновационных подходов к решению проблемы климатических изменений.

Главные особенности нового международного режима заключаются в: 1) обеспечении глобальности действий всех государств по сохранению климата, в частности по сокращению выбросов парниковых газов; 2) сочетании национальных обязательств стран-участников как в сохранении климата, так и в адаптации к последствиям климатических изменений; 3) наличии «общих, но дифференцированных подходов» для стран-участников в зависимости от национальных особенностей; 4) применении принципа добровольности и гибкости обязательств; 5) разработке инновационных инструментов климатического финансирования с 2020 г. развивающихся стран как неопременного условия для обеспечения глобального подхода к решению проблемы климатических изменений.

В связи с тем, что особенность решения проблемы изменения климата заключается в необходимости участия всех государств без исключения в осуществлении конкретных мер по сохранению климата (неудачи киотского процесса были в том числе связаны с тем, что количественные обязательства по сокращению выбросов парниковых газов были закреплены только за развитыми странами) главным условием ее решения в рамках Парижского соглашения становится глобальный характер действий государств, в том числе и развивающихся стран.

Сокращение выбросов и адаптация

Особенность Парижского соглашения по сравнению с предшествующим международным климатическим режимом заключается во включении в него, наряду с предотвращением изменения климата, положений по международному регулированию деятельности по адаптации к последствиям климатических изменений. Последнее становится новым равновеликим сегментом международного режима наряду с регулированием снижения выбросов парниковых газов.

Поскольку отдельные регионы и страны все чаще будут испытывать негативные последствия климатических изменений – наводнений, экстремальных погодных явлений, волн жары, засух, лесных пожаров, распространения инфекционных болезней, таяния ледников и разрушения вечной мерзлоты, береговой эрозии и подъема уровня моря и т.д., адаптация к новым рискам становится неизбежной.

Согласно Парижскому соглашению национальные обязательства сторон включают предоставление периодической отчетности о действиях в области адаптации, будущим стратегиям и планам, а также мерам по их имплементации; предусматривается оценка последствий и ответных действий в особо уязвимых районах, обмен накопленным опытом и хорошими практиками. Осуществление мер по предотвращению возможного ущерба посредством создания систем раннего предупреждения, готовности к чрезвычайным ситуациям, комплексной оценки и управления рисками, страхования рисков входит в число приоритетов. В совокупности все это составит важный компонент стратегий экологически устойчивого развития, защиты населения, экономики, экосистем от неблагоприятных последствий изменения климата. Адаптационные меры теперь все чаще увязываются в рамках стратегического планирования с обеспечением социально-экономического развития и повышением качества жизни.

Принцип гибкости и добровольности

Другая важная особенность Парижского соглашения заключается в том, что в отличие от Киотского протокола, им не предусматриваются международные количественные нормы по снижению выбросов парниковых газов для стран-членов. Соответственно, он не устанавливает количественные национальные обязательств и квоты по сокращению выбросов.

Дизайн нового режима основывается на принципе регулирования «снизу-вверх», вместо применявшегося ранее Киотским протоколом принципа «сверху-вниз», который, впрочем, до сих пор широко используется большинством природоохранных международных соглашений (стандарты и нормы устанавливаются на международном уровне для их имплементации странами-членами).

В Парижском соглашении используется, как предполагается, более действенный и гибкий подход - принцип добровольности принимаемых странами национальных целей снижения выбросов, а также планов действий по их достижению. Соглашением предусматриваются «общие, но дифференцированные подходы в зависимости от национальных особенностей» и экономического развития. Государства сами устанавливают для себя уровень предполагаемых национально-определяемых вкладов в глобальную климатическую деятельность (ст.3); индивидуально выбранные показатели будут использоваться в качестве национальных целей каждым из участников. Они включают в себя национальные стратегии и планы, предполагаемые количественные сокращения выбросов и меры в рамках

глобальных климатических действий на период 2025-2035 гг. В них содержатся данные о планируемом снижении выбросов, адаптационных программах, возможностях и потребностях в климатическом финансировании и оказании международной помощи.

Гибкость подхода Парижского соглашения состоит в том, что количественные показатели, представленные в национальных планах, не входят в состав международного соглашения и не закрепляются в качестве международно-правовой нормы с соответствующими количественными национальными обязательствами. Они могут пересматриваться и уточняться странами каждые пять лет, при условии регулярной отчетности и осуществлении мер по достижению заявленных целей. Парижское соглашение не предусматривает механизма принудительных обязательств или санкций за невыполнение поставленных национальных целей; вместо этого предполагается использование инструментов поддержки и поощрения.

Гибкость нового подхода должна позволить вовлечь более широкий круг стран, и в первую очередь развивающихся, в осуществление конкретных действий по сохранению глобального климата, предпринимаемых в зависимости от национального контекста. Такой подход может оказаться более действенным и позволит сделать шаг вперед к достижению амбициозной цели этого соглашения - удержать повышение средней температуры приземного слоя атмосферы к 2100 году в пределах 2 градусов С по сравнению с доиндустриальной эпохой, а по возможности, стремиться к более низкому уровню выбросов, дающему возможность ограничить рост температуры на 1.5 градуса С¹¹.

Национальные обязательства

Совокупность основных национальных обязательств согласно Парижскому соглашению будет состоять в предоставлении в международный секретариат и создаваемый им единый реестр: 1) стандартной отчетности и результатов инвентаризации антропогенных выбросов парниковых газов и их абсорбции поглотителями; 2) данных о разработке национальных стратегий, осуществлении мер по достижению предполагаемых национально-определяемых вкладов в сокращение выбросов и отчетности по их соблюдению (ст.4-6); 3) информации о последствиях изменения климата, рискам; 4) информации о фактических и планируемых мерах по адаптации к ним (ст.7-8); 5) данных о финансовой и научно-технической помощи развивающимся странам, или их потребностей в международном финансировании для укрепления национального потенциала в области глобального изменения климата и устойчивого развития (ст. 9, 10). Такой пакет национальных обязательств составляет базу для регулярной отчетности каждой из сторон, а также для разработки национальных стратегий по выполнению Парижского соглашения и выполнению конкретных действий странами-участниками.

Исходя из особенностей инновационного дизайна Парижского соглашения, основанного на принципах гибкости и добровольности, международно-правовому контролю и верификации подлежат такие национальные обязательства участников как отчетность и выполнение заявленных ими климатических стратегий и целей. Еще одно его отличие от Киотского протокола заключается в отсутствии дифференциации участников по группам – на страны, входящие в Приложение 1 (развитые) и Приложение 2 (развивающиеся), как это было в рамках последнего: все участники должны предоставить национальные планы снижения выбросов.

¹¹ Согласно имеющимся оценкам, считается, что более значительный рост температуры в долгосрочной перспективе может привести к необратимым последствиям для экосистем и человека.

Международная финансовая и научно-техническая помощь

Механизмы климатического финансирования, используемые в рамках Парижского соглашения, представляются серьезной инновацией, а термин «климатическое финансирование» теперь стал широко употребляемым в международном переговорном процессе. Вопросы международной финансовой и научно-технической помощи развивающимся странам - один из главных факторов, определивших положительную динамику в разработке и быстром вступлении в силу Парижского соглашения.

Климатическое финансирование и предоставление финансовой (ст.9) и научно-технической (ст.10) помощи развивающимся странам - критические элементы в дизайне нового международного режима: мобилизация финансирования было главным условием участия в нем развивающихся стран, без вклада которых в решение этой глобальной проблемы, он был бы несостоятелен. В соответствии с закрепленными в Парижском соглашении принципами «общей но дифференцированной ответственности» на развитые страны накладывается обязательство по оказанию помощи развивающимся странам в реализации конкретных мер по достижению целей климатической конвенции.

Помощь развивающимся странам будет предоставляться по двум главным направлениям: 1) сохранение климата (снижение выбросов); 2) адаптация к негативным последствиям климатических изменений и снижением рисков для социально-экономического развития. В соответствии с последними данными ОЭСР, на меры по адаптации до сих пор направляется непропорционально низкая доля в глобальном климатическом финансировании, составляющая не более 16% от его общего ежегодного уровня. Согласно имеющимся оценкам, к 2020 г. объем ежегодной международной помощи развивающимся странам на меры по снижению выбросов, адаптации, предоставлению технологий и научно-технической поддержки может составить около 100 млрд долл.

Будет продолжено формирование международного финансового механизма и институтов по предоставлению климатической помощи развивающимся странам. Наряду с уже задействованным в этом процессе Глобальным Экологическим Фондом (ГЭФ), климатическое финансирование будет осуществляться по каналам четырех специально созданных для этих целей международных фондов - Специального Фонда по изменению климата (Special Climate Change Fund), Зеленого климатического фонда (Green Climate Fund), Фонда по Адаптации (Adaptation Fund) и Фонда для наименее развитых стран (Least Developed Countries Fund). Эта система будет дополнена оперативными финансовыми органами климатической конвенции, обслуживающими работу ее финансовых механизмов.

Одна из особенностей «гибкого подхода», используемого в рамках Парижского соглашения, состоит в том, что климатическая помощь развивающимся странам не ограничивается ее представлением исключительно через международные климатические фонды: выбор опций стран гораздо шире и определяется приоритетами стран-доноров. Поскольку основным принципом здесь является диверсификация источников, то климатическое финансирование предполагает подключение совокупности государственных и частных источников, мобилизуемых на различных уровнях - местном, национальном, региональном и международном.

Так, предусматривается широкий диапазон возможных форм и инструментов международного финансирования: от официальной многосторонней и двухсторонней государственной помощи развитию, вклада в финансирование проектов по линии различных государственных фондов, международных агентств и банков, до прямых инвестиционных

проектов для промышленного развития и частных инвестиций. В рамках климатического финансирования будут учитываться все эти потоки, в том числе климатические компоненты реализуемых проектов в странах-реципиентах – от проектов в области энергетики, до проектов по снижению риска природных бедствий.

Уже сейчас они включают не только отраслевые проекты, связанные со снижением выбросов парниковых газов, но и поддержку программ устойчивого развития, предоставление ресурсосберегающих технологий, подготовку кадров и обучение специалистов, консультативные услуги, меры по снижению риска природных бедствий, оказание оперативной помощи в чрезвычайных ситуациях, развитие систем оповещения и мониторинга, транспортной инфраструктуры и т.д. Будет продолжена работа по разработке и согласованию единого формата предоставления информации и финансовой отчетности. Предусматривается разработка облегченной процедуры доступа к климатическому финансированию наименее развитых стран.

«Зеленое Финансирование» для устойчивого развития

Зеленое финансирование становится новым важным вектором в динамике процессов глобализации и национальной политики в области экологически устойчивого развития. Основная цель - увеличить вклад финансового сектора в экологически устойчивый экономический рост. Так, одним из примечательных итогов последнего Саммита G20, который проходил 4-5 сентября в китайском Ханчжоу, стало включение в повестку дня в качестве самостоятельного пункта вопроса о «зеленом финансировании». Этот шаг был инициирован Китаем, председательствующим в G20 в 2016 г., и с первых шагов подготовки саммита был назван организаторами в числе приоритетов¹².

В специальном Докладе по «зеленому финансированию», принятому в рамках G20 в сентябре 2016 г., оцениваются перспективы и основные тенденции, рассматриваются понятия, масштабы развития и цели этого механизма, существующие вызовы для увеличения его объемов, а также рекомендации и инструменты для преодоления этих вызовов. Согласно Докладу «зеленое финансирование» можно определить как финансирование инвестиций, которое обеспечивает положительные эффекты для окружающей среды в более широком контексте экологически устойчивого развития.

В качестве примера приводятся сокращение загрязнения окружающей среды (вода, земля, воздух), уменьшение выбросов парниковых газов, повышение энергоэффективности, адаптация к последствиям изменения климата. «Зеленое финансирование» может включать широкий круг финансовых институтов и видов активов, а также как частное, так и государственное финансирование. В рамках предлагаемой программы рассматриваются три возможных источника частных «зеленых инвестиций»: банки, рынки облигаций, институциональные инвесторы.

В коммюнике по результатам встречи министров финансов и управляющих ЦБ стран G20 в июле 2016 г., где впервые был представлен Доклад, подчеркивалось, что для поддержания глобального экологически устойчивого экономического роста необходимо расширение

¹² В ходе подготовки к саммиту G20 по инициативе Китая в январе 2016 года была создана Рабочая группа по изучению вопросов «зеленого финансирования» (*Green Finance Study Group-GFSG*) под председательством Народного Банка Китая и Банка Англии при поддержке Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), выполняющей роль секретариата. Группе было поручено подготовить проект Доклада по вопросам «зеленого финансирования», который был обсужден на июльской встрече министров финансов и управляющих ЦБ и одобрен на саммите G20 в сентябре 2016 г.

масштабов «зеленого финансирования». При этом важно, что «зеленое финансирование» не только способствует улучшению состояния окружающей среды, но и позволяет мобилизовать больше инвестиций для развития зеленых отраслей и тем самым увеличивает потенциал роста мировой экономики.

Китай и «Зеленое Финансирование»

Инициатива Китая в рамках G20 находится в полном соответствии с его внутренней политикой последних лет в этой области. Будучи крупнейшей развивающейся страной, Китай неоднократно призывал все страны приступить к реализации Глобальной стратегии в области устойчивого развития до 2030 года, принятой в рамках ООН, и, в свою очередь, включил шаги по ее имплементации в национальные средне- и долгосрочные планы. Наряду с геополитической составляющей, важную роль в политике Китая играют и социально-экономические аспекты, связанные с ростом загрязнения окружающей среды, в том числе внутри страны. Немаловажным положительным фактором выступает двустороннее климатическое партнерство Китая и США, активизировавшееся в 2015 году.

КНР стремится стать мировым лидером в области продвижения «зеленого финансирования» на собственной территории. В преддверии начала саммита были опубликованы Директивы по созданию национального механизма «зеленого финансирования», который бы стимулировал частные инвестиции в зеленую экономику и ограничивал финансирование отраслей, загрязняющих атмосферу. Одновременно в Директивах предусматривается государственная поддержка в форме субсидирования процентов по кредиту через систему рефинансирования и предоставления гарантий, а также создания специального фонда «зеленого финансирования».

По некоторым оценкам китайских экспертов, для финансирования зеленых проектов, таких как восстановление и защита окружающей среды, развитие возобновляемой энергетики, повышение энергоэффективности и других потребуется около 600 млрд. долл. ежегодно, и только 15% этой суммы может быть профинансировано из государственных источников. Поэтому необходимо стимулировать участие частного капитала в этом процессе.

Китай лидирует в области выпуска зеленых облигаций. По имеющимся оценкам, за семь месяцев 2016 года Китай выпустил зеленых облигаций на сумму 120 млрд. юаней (около 18 млрд. долл.), что составляет около 40% мирового выпуска за тот же период. Китай стал первой страной, где приняты инструкции по кредитованию с учетом экологической составляющей проекта.

Конечно, выраженная в итоговом заявлении стран G20 поддержка рекомендаций сводного Доклада Рабочей группы (GFSG) по стимулированию «зеленого финансирования» не больше, чем заявление о намерениях. Однако оно свидетельствует вместе с другими недавними международными инициативами в этой области о растущем признании необходимости для глобального мира взаимодействия и сотрудничества государств по обеспечению устойчивого развития, включающего тесно взаимосвязанные экономическую, экологическую и социальную компоненты.

5. ПРОГНОЗ КОНЬЮНКТУРЫ ОСНОВНЫХ РЫНКОВ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА

Нефть и газ

Мировые достоверные ресурсы нефтяного сырья на начало 2016 г.¹³ составили 1697,6 млрд барр., из которых на страны Ближнего Востока пришлось 47,3% (в том числе, %: Саудовская Аравия - 15,7, Иран - 9,3, Ирак - 8,4, Кувейт - 6,0, ОАЭ - 5,8 и Катар - 1,5), Западного полушария - 33,4 (в том числе Венесуэла - 17,7, Канада - 10,1, США - 3,2), Африки - 7,6 (в том числе Ливия - 2,8, Нигерия - 2,2), Европы и Евразии (включая страны бывшего СССР) - 9,1 (в том числе Россия - 6,0, Казахстан - 1,8, Норвегия - 0,5, Азербайджан - 0,4 и Великобритания - 0,2), Азиатско-Тихоокеанского региона - 2,5 (в том числе Китай - 1,1, Индия и Вьетнам - по 0,3, Австралия, Индонезия и Малайзия - по 0,2). Доля государств ОПЕК в мировых достоверных ресурсах нефтяного сырья составила 71,4%, Мировые нефтяные ресурсы в 2015 г. продолжили снижение, сократившись на 2,4 млрд барр. (0,14%) к 2014 г.

Соответственно, и мировая обеспеченность текущей добычи достоверными ресурсами нефти снизилась, составив на конец 2015 г. 50,7 года (2014 г. - 52,5), в том числе в Северной Америке - 33,1 (США - 11,9, Мексика - 11,5, Канада - более 100 лет); Центральной и Южной Америке - более 100 лет (Венесуэла - более 100, Эквадор - 40,4, Перу - 34,3, Тринидад и Тобаго - 18,1, Бразилия - 14,1); Европе и Евразии - 24,4 (Казахстан - 49,3, Россия - 25,5, Узбекистан - 25,3, Азербайджан - 22,8, Румыния - 19,5, Италия - 14,7, Норвегия - 11,3 и Великобритания - 8,0); на Ближнем Востоке - 73,1 (Иран - более 100 лет, Ирак - 97,2, Кувейт - 89,8, ОАЭ - 68,7, Саудовская Аравия - 60,8, Катар - 37,1); в Африке - 42,2 (Ливия - более 100, Ю.Судан - 64,9, Чад - 52,4, Нигерия - 43,2, Судан - 39,2, Габон - 23,5); в Азиатско-Тихоокеанском регионе - 14,0 (Вьетнам - 33,3, Австралия - 28,3, Бруней - 23,8, Индия - 18,0, Малайзия - 14,2, Китай и Индонезия - примерно по 12,0), Обеспеченность нефтяными ресурсами стран Евросоюза составила всего лишь 10,1 года; ОЭСР - 29,7, ОПЕК - 86,8 года.

Мировые ресурсы природного газа распределены еще более неравномерно, чем нефтяные - всего три государства (Россия, Иран и Катар) имеют 48,6% (17,3+18,2+13,1) его мировых достоверных запасов, на страны ОПЕК приходится примерно 54%. По состоянию на конец 2015 г. мировые достоверные ресурсы газа составили 186,9 трлн куб. м (снижение к концу 2014 г. - 0,1 трлн куб. м или 0,05%).

Мировая обеспеченность текущей добычи достоверными ресурсами газа составила 52,8 года, в том числе Северная Америка - 13,0 (США - 13,6, Канада - 12,2, Мексика - 6,1); Центральная и Южная Америка - 42,5 (Венесуэла - более 100, Перу - 33,1, Бразилия - 18,5, Боливия - 13,5); Европа и Евразия - 57,4 (Казахстан - 75,7, Азербайджан - 63,2, Россия - 56,3, Украина - 34,7, Польша - 23,1, Узбекистан - 18,8, Норвегия - 15,9, Нидерланды - 15,7, Италия - 7,3, Дания - 6,7, ФРГ - 5,4, Великобритания - 5,2); Ближний Восток - более 100 лет; Африка - 66,4 года (Ливия и Нигерия - более 100,

¹³ См.: BP Statistical Review of World Energy, June 2016. PP.6,20 // www.bp.com/statisticalreview.

Алжир – 54,3, Египет – 40,5); Азиатско-Тихоокеанский регион – 28,1 года (в том числе Вьетнам – 57,9, Австралия – 51,8, Индия – 50,9, Индонезия - 37,8, Китай – 27,8, Мьянма – 27,0, Бруней – 21,7, Малайзия – 17,1, Папуа-Новая Гвинея - 14,3, Пакистан – 12,9 года. Обеспеченность текущей добычи ресурсами природного газа в Евросоюзе составила 10,8, ОЭСР – 15,1 года.

Ситуация с запасами свидетельствует о накопившихся проблемах в отрасли. Низкие цены на нефть и, соответственно, газ, негативно сказываются не только на инвестициях в добычу, но и существенно тормозят геологоразведку.

Санкционные ограничения не оказали на производственный потенциал нефтяной и газовой промышленности России существенного воздействия. Среднесуточная добыча нефти в России достигла рекордного уровня, составив в сентябре 2016 г. более 11 млн баррелей, причем в добыче традиционной нефти обеспеченность отечественными технологиями достигла 80-95%. В условиях санкций была проведена приватизация 19,5% акций российской нефтяной компании «Роснефть».

В газовой промышленности России к осенне-зимнему периоду 2016-2017 гг. максимальная потенциальная суточная производительность увеличена до рекордного уровня в 801 млн куб. м, оперативный резерв газа российских ПХГ доведен до 72 млрд куб. м. Что же касается поставок природного газа в страны Европы, то в 2016 г. они достигли рекордного уровня – более 170 млрд. куб. м..

Существенно в 2016 г. продвинулось сотрудничество мировых экспортеров газа. Так, на 18-й Министерской встрече Форума стран - экспортеров газа (ФСЭГ, Доха, 17.11.2016 г.), где присутствовали представители России, Алжира, Боливии, Венесуэлы, Египта, Экваториальной Гвинеи, Ирана, Ливии, Нигерии, Катара, Тринидада и Тобаго, ОАЭ (а также делегаты стран-наблюдателей, в том числе: Азербайджана, Ирака, Нидерландов, Норвегии, Омана и Перу) была одобрена Долгосрочная стратегия, где изложены видение, миссия и стратегические цели ФСЭГ.

Дополнительные перспективы для развития мирового рынка сжиженного природного газа (СПГ) открылись с завершением реконструкции Панамского канала, через который теперь могут проходить суда крупного размера и грузоподъемности. Эта новая возможность сделала рентабельной поставку СПГ из континентальной части США в Китай, при этом сократив срок поставки примерно на треть, до 20 дней.

В 2016 г. сохранялся низкий уровень цен на углеводородные товары. Так, при средней спотовой цене на нефть (APSP)¹⁴ около 43 долл./барр. (85,0% к 2015 г.) средняя импортная цена на газ, поставляемый в Европу (франко-граница) составила около 158 долл./1000 куб. м (60,0%). За 2016 г. цены на газ в США (Генри Хаб, Луизиана) практически не изменились, составив 90 долл./1000 куб. м (96,0% к 2015 г.), и снизились в Японии, которая импортировала СПГ (cif) в среднем по 245 долл./1000 куб. м (65,0% к 2015 г.).

¹⁴ Average Petroleum Spot Price – средняя ежедневных цен по сортам Brent, Dubai и WTI в равных долях.

К постепенной стабилизации мирового рынка углеводородов добавилась и тенденция сближения уровней цен на импортируемые нефть и газ. Так, если в 2011 г. средняя цена на импортируемый в ФРГ природный газ составляла 10,49 долл./MBtu (cif) или 57% к цене на нефть, поступающую в страны ОЭСР (18,56 долл./MBtu (cif), то в 2013 г. эта величина достигла 59%, в 2015 г. – 75% (для импортируемого в Японию СПГ (cif) величины оказались еще более значительными – 79, 97 и 118% соответственно¹⁵.

Участие России в переговорном процессе с ОПЕК по проблеме заморозки добычи нефти стабилизировало рынок, более существенное влияние на ценовую ситуацию может оказать соглашение ОПЕК об ограничении уровня добычи нефти, которое было достигнуто впервые с 2008 г.¹⁶. Участниками договоренности являются 11 стран-членов (за исключением Ливии, Нигерии и Индонезии), которые с 1 января 2017 г., и в течение полугода с предполагаемым последующим продлением, наметили снижение суммарного производства до 32,5 млн барр./сут. При условии соблюдения договоренностей их поддержала Россия (0,3 млн. барр./сут), в таком же размере оценивалась и договоренность с другими нефтедобывающими странами. Соглашение между ОПЕК и 11 нефтедобывающими странами, включая Россию, было подписано 10 декабря 2016 г..

В 2017 г. продолжится перестройка мировых рынков нефти и газа. Потребление нефти вырастет на 1,2 млн. барр. в сутки. Если ОПЕК и другим странам, подписавшим соглашение о сокращении добычи, удастся снизить добычу в соответствии с договоренностью на 1,8 млн. барр./д (1,2 млн. ОПЕК, 0,6 млн. другие страны), то к середине 2017 г. удастся уравновесить спрос с предложением и тем самым стабилизировать цены на нефть. При внешней прозрачности принятых решений, их реализация полна неопределенности.

Рост спроса более или менее понятен – по всем прогнозам, как мы уже указали, это 1,2 млн. барр./д. Хотя и здесь возможны варианты, так как на наш взгляд это верхняя граница возможного спроса, то есть он может оказаться и несколько ниже. Со стороны предложения неясно в течение какого периода страны-участницы будут снижать свою добычу. Скорее всего каждая из них будет вести отсчет от максимального уровня добычи в 2016 г.

Совершенно неясна возможность проверки действий каждой страны. Известно, что страны-члены ОПЕК стабильно превышали квоты добычи на 1,5-2 млн. барр./д. Если в течение нескольких первых месяцев 2017 г. не произойдет видимого снижения добычи, то это перечеркнет все соглашение. Очень важный фактор – на сколько увеличат добычу страны, не присоединившиеся к соглашению, так как рост их добычи может нивелировать сокращение по соглашению.

Отдельный вопрос – добыча нефти в США. Во-первых, в 2016 г. стало ясно, каковы реальные издержки добычи сланцевой нефти. При снижении цены до 40 долл. за барр. в США начался рост числа действующих скважин и соответственно, добыча сланцевой нефти. По некоторым оценкам, при цене более 55 долл. за баррель в США добыча возрастет на 1 млн. барр./д.

¹⁵ Рассчитано по: BP Statistical Review of World Energy, June 2016. P.27.

¹⁶ См.: 171st meeting of the OPEC Conference, Austria, 30.11.2016 // www.opec.org/opec_web/en/multimedia/350.htm.

На ситуацию с добычей в США уже в 2017 г. существенное влияние может оказать политика избранного президента США Д. Трампа. Объявленное им намерение снизить налоги, отменить ограничения на производство углеводородов, включая разработку шельфа, строительство нефтепроводов может привести к дополнительному росту добычи конвенциональной нефти, что еще больше снизит импорт США и соответственно, увеличит ресурсы нефти на мировом рынке.

В целом добыча нефти в странах, не входящих в ОПЕК, возрастет в 2017 г. на 0,3 млн. барр./д., без учета возможного роста добычи в США. Таким образом, не исключена вероятность, что даже при выполнении соглашения и снижении добычи на 1,8 млн. барр./д. в других странах добыча возрастет на 1,3-1,5 млн. барр./д.. Это будет означать, что сохранится избыток предложения нефти на мировом рынке. Как результат – большая неопределенность в ценах на нефть. Скорее всего, нижняя граница цены – 40 долл. за баррель. Есть большая вероятность, что верхняя граница – 60-65 долл. за баррель – при такой цене добыча нефти во-многих странах резко возрастет. Первые полгода 2017 г. покажут степень дисциплины стран, подписавших соглашение по снижению добычи, что соответственно определит и реальный уровень цен в течение всего года.

В 2016 году стало ясно, что запасов нефти достаточно для обеспечения любого вероятного спроса на нефть и что пика добычи нефти из-за нехватки ее запасов не будет. Пик добычи вероятно придется на 2030-2040 гг. и связано это будет с переломом тенденций потребления нефти, то есть начнется снижение ее мирового потребления.

Исходя из этого, ситуацию на рынке будут определять, как это и было всегда, спрос и предложение, а они, в свою очередь, - инвестиции в разведку, добычу, переработку, транспортировку нефти.

Ситуация на рынке газа складывается примерно таким же образом, как на рынке нефти. В результате мероприятий правительства Д. Трампа рост добычи природного газа в США в 2017 г. ускорится, что также приведет к росту самообеспеченности. Вполне вероятен рост экспорта газа из США, что также окажет понижающее давление на цены на газ.

В целом в 2017 г. мир еще на шаг продвинется к созданию единого мирового рынка газа.

Таблица 9. Достоверные запасы, добыча и внутренний спрос на нефтяное сырье, млн. барр./сут (2016 г. – оценка, 2017 г. – прогноз)

	Запасы ¹⁾	Добыча ²⁾			Спрос ³⁾		
	2015	2015	2016	2017	2015	2016	2017
Мир, всего	1 697,6	91,7	91,9	92,0	95,0	96,3	97,5
ОПЕК	1 211,6	38,2	38,6	37,5	8,9	9,0	9,0
Саудовская Аравия	266,6	12,0	12,1	11,5	3,8	3,9	3,9
Иран	157,8	3,9	3,7	3,8	1,9	2,0	2,0
Ирак	143,1	4,0	4,3	4,4	0,6	0,5	0,5
Кувейт	101,5	3,1	3,1	2,7	0,5	0,5	0,5
ОАЭ	97,8	3,9	3,9	3,5	0,9	0,9	0,8
США	55,0	12,7	13,0	13,2	19,4	19,9	20,0
Канада	172,2	4,4	4,4	4,4	2,3	2,4	2,4
Мексика	10,8	2,6	2,5	2,4	1,9	1,8	1,8
Западная Европа	11,6	3,8	3,7	3,7	12,6	12,8	13,2
Великобритания	2,8	0,9	0,9	0,8	1,5	1,5	1,4
Норвегия	8,0	1,9	1,9	1,8	0,2	0,2	0,2
Россия	102,4	10,9	10,9	10,6	3,1	3,2	3,2
Китай	18,5	4,3	4,3	4,2	11,9	11,9	12,0

¹⁾ На конец года, млрд барр.

²⁾ С учетом газоконденсата.

³⁾ С учетом бункеровки авиационного и судового топлива, а также топлива НПЗ, топливного этанола и биодизельного топлива.

Таблица 10. Мировые цены на нефть, фоб, долл./барр.

	2015	2016 ²⁾	2017
"Корзина" нефтей ОПЕК (ORB) ¹⁾	49,5	40,5	44-54
Брент (Brent, 38.0 ⁰ API)	52,4	43,6	47-57
Юралс (Urals, Med, 36.1 ⁰ API)	51,9	42,2	46-56

¹⁾ ORB (OPEC Reference Basket) - среднеарифметическая цены 14 сортов нефти ОПЕК.

²⁾ Оценка.

Металлы

Сталь

В развитии мировой металлургии в 2016 году в целом сохранялись все признаки нестабильности, связанные с завершением длительного цикла, который определялся в основном динамичным ростом китайской экономики. Позитивные тенденции умеренных темпов роста, которые постепенно укрепляются в мировой экономике, оказались недостаточными для реального оживления металлургического производства. После краткосрочного периода подъема в 2011-2012 гг. металлургия вновь оказалась под воздействием негативных факторов, среди которых нужно выделить низкий уровень инвестиций, наличие избыточных мощностей и геополитические конфликты. Эти факторы по-прежнему будут определять сокращение спроса на металлопродукцию и связанное с ним снижение цен на основные виды сортамента, что, в свою очередь, вызывает снижение цен на рынке железорудного сырья.

По предварительной оценке World Steel Association (по 66 странам мира), мировое производство стали в 2017 году скорее всего сократится примерно на 2-2,5%. по сравнению с прошлогодним уровнем (табл. 11). При этом впервые за последние 16 лет стагнирует производство в четырех странах восточноазиатской пятерки (за исключением Индии) – Китае, Японии, Корее, Тайване

Таблица 11. Динамика производства и потребления стали в 2015-2017 гг., млн.т.

	Производство			Потребление		
	2015	2016	2017	2015	2016	2017
Мир всего	1623	1645	1615-1630	1506	1500	1465-1490
Азия*	1075	1070	1060-1080	900	890	870-890
Китай	804	800	770- 790	675	670	640-660
Америка**	160	155	155-170	170	160	160-175
США	80	85	80-90	96	100	100-110
Европа***	202	200	200-210	157	160	160-170
ЕС	169	166	165-170	145	153	150-160
СНГ	105	102	100-105	54	50	50-55
Россия	71,4	71	70-72	42	39	38-40

** Япония, Китай, Республика Корея, Индия, Тайвань; ** Северная и Латинская Америка;

*** Европа без стран СНГ.

Источник: World Steel Association (WSA)

На мировом рынке по-прежнему сохраняется дисбаланс между спросом и предложением, а наличие избыточных производственных мощностей является важным лимитирующим фактором развития металлургического бизнеса. Эта проблема остается одной из самых острых для многих стран. На недавней встрече министров финансов G-20 в г. Чэнду было отмечено, что, во-первых, реальных механизмов ликвидации избыточных мощностей, учитывающих интересы всех стран, пока не видно, и, во-вторых, ведущие мировые экономики намерены совместно добиваться сокращения избыточных мощностей по производству стали, в том числе отслеживая государственные субсидии, искажающие рыночные отношения. Однако при всех сценариях желательно, чтобы цены на металлопродукцию не опускались ниже определенного уровня, и поддерживали рентабельность на минимальном уровне, или хотя бы минимизировали убытки.

Завершается эра сверхбыстрого роста металлургии **Китая**. В последние годы страна все чаще сталкивается с необходимостью сокращения избыточных мощностей, объем которых оценивается примерно в 350-400 млн. т., которые в основном образовались в начале 2000-х годов, когда Китай получил право на проведение Пекинской Олимпиады 2008г., и в стране была принята грандиозная программа промышленного и инфраструктурного строительства. В результате в середине прошлого десятилетия выплавка стали в стране выросла на 15%.

В условиях мирового кризиса 2008-2009 гг. значительная часть этих мощностей оказалась невостребованной. В черной металлургии, например, было введено столько сталеплавильных мощностей, что даже миллионы квадратных метров нового строительства и выпуск свыше двух десятков миллионов автомобилей (23,7 млн. в 2015 г.) не способны поглотить весь объем производства стали.

Перепроизводство стали «выталкивает» китайские компании на мировой рынок. За последний год китайский экспорт (в том числе демпинг) стальной металлопродукции превысил 120 млн.т, что серьезно деформировало мировые цены..

Смена экономической модели тормозит рост в промышленном секторе и ведет к закрытию металлургических заводов и угольных шахт, продукция которых не востребована. Реструктуризация национальной металлургии, по данным Госсовета КНР, направлена на закрытие избыточных мощностей - до 150 млн.т стали в течение пяти лет и сокращение при этом около 400 тысяч занятых в металлургии и почти 1,2 млн человек в угольной отрасли. Кроме того, правительство стимулирует слияния и поглощения металлургических компаний в целях оптимизации управления активами и снижения затрат за счет экономии на масштабах.

Важнейшим фактором реформ госсектора является повышение доходности госкомпаний путем частичной либерализации и введения рыночных механизмов в процесс управления. Они смогут привлекать частный, в том числе иностранный капитал, причем либерализация затронет даже оборонную промышленность.

Госкомиссия по развитию и реформам упростила для китайских компаний доступ к зарубежным займам и облегчила возможность для размещения облигаций. Чтобы стимулировать структурные изменения в отрасли, руководство страны отменило действовавший с 2005 года запрет для иностранных инвесторов на приобретение контрольных пакетов акций китайских металлургических компаний. Хотя в нынешней ситуации, это решение вряд ли окажется привлекательным для иностранцев, так как китайская металлургия, скорее всего, прошла свой «золотой век», и ей приходится сегодня решать целый комплекс проблем: заметное падение внутреннего спроса, дефицит энергоресурсов, обострение экологической ситуации. В то же время потенциал китайской металлургии по-прежнему велик (шесть китайских компаний находятся в первой десятке

мировых металлургических лидеров), и страна в обозримой перспективе, безусловно, будет определять динамику развития мировой металлургии.

При этом руководство страны активно препятствуют экспорту сравнительно простой продукции первых переделов (слитки, чугуны, слябы, заготовка), поощряя вывоз более дорогой и конкурентной металлопродукции. При этом основой растущего экспорта, несмотря на протекционистские меры на глобальном рынке, является высокая конкурентоспособность китайской металлопродукции как за счет цены, так и за счет качества и разнообразия сортамента. Так, в 2015г. разница в рыночной цене листового проката Китая и Японии составляла 50-60 долл./т. Цены Китая за холоднокатаные стальные рулоны не превышали 345-350 долл/т, в странах ЕС – 460 долл/т. При этом китайские экспортеры диверсифицируют направления поставок: сортовой и плоский прокат – в страны Южной Азии и Африки, стальные нефтегазовые трубы – в США и страны Центральной Америки, металлопродукцию для автопрома – в страны Европы и Южную Корею.

Экономическая ситуация в **странах ЕС** диктует необходимость усиления промышленной политики для сохранения конкурентоспособности на мировом рынке. Это особенно актуально для черной металлургии, которая сталкивается с серьезными проблемами, такими как хронический избыток мощностей, нехватка сырья, а также растущие издержки и энергозатраты. Сюда можно добавить падающий спрос на металлопродукцию, растущий демпинг китайской стали, необходимость повышения инвестиций в так называемые «зеленые технологии», неизменно высокий уровень социальных затрат. В результате металлургические компании для того, чтобы сбалансировать спрос и предложение на рынке вынуждены сокращать производственные мощности.

В настоящее время более 90% спроса на металлопродукцию на рынках ЕС генерируют пять отраслей: строительство (34%), автомобильная промышленность (18%), машиностроение (14%), производство метизов (14%) и труб (19%). С учетом значимости металлургического комплекса для экономики ЕС, важнейшими составляющими «Плана действий по стали» являются, в частности, программы «Устойчивое строительство» и «Автомобили 2020».

В настоящее время рынок металлопродукции в ЕС ниже докризисного уровня почти на 30%. При мощностях по производству стали около 210 млн.т потребление металлопродукции в странах ЕС не превышает 150 млн.т. Хотя в 2007-2014 гг. в странах ЕС были ликвидированы избыточные мощности по производству почти 20 млн.т стали и сокращено около 85 тысяч рабочих мест, этого оказалось недостаточно, и подготовленный в 2014 году Еврокомиссией «План действий по стали» практически не выполняется, так как каждая компания старается решать вопросы о закрытии производства, пытаясь избежать социальных конфликтов.

При этом важнейшая задача металлургического бизнеса Европы – сохранение эффективной и прибыльной металлургии исключительно за счет концентрации на производстве продукции с высокой добавленной стоимостью, а также на инновационных технологиях и разработках, что требует значительных инвестиционных затрат.

Долгосрочный характер проблем европейской металлургии неизменно вызывает озабоченность руководства Союза. Наиболее радикально мнение Вольфганга Эдера, главы Steel Association, который считает, что с учетом общемировых тенденций главным условием стабилизации европейской металлургии и повышения ее конкурентоспособности является двукратное сокращение производственных мощностей в ближайшие 15 лет.

Альтернативой закрытию избыточных мощностей могло бы стать прямое субсидирование, как это было в 80-е годы, хотя по большому счету финансовая поддержка со стороны

правительств и тогда не решила проблем металлургического сектора. Сейчас же она прямо запрещена правилами ЕС.

В обозримой перспективе в металлургии Евросоюза будут по-прежнему сохраняться противоречия между ростом регулятивных издержек, связанных с введением различных государственных нормативных актов (экология, энергоэффективность, социальная сфера) и инвестиционными возможностями бизнеса. Поэтому сохранится неопределенность в решении главных проблем отрасли.

Российская металлургия завершила 2016 год в состоянии рецессии. Важнейшие факторы сокращения металлопотребления (почти на 9%): снижение инвестиционной активности в экономике страны, уменьшение спроса конечных потребителей вследствие сокращения реальных доходов, рост тарифов и стоимости услуг естественных монополий, рост стоимости импортных комплектующих.

Как показали результаты опроса ведущих металлургических и торговых компаний, основные угрозы для российской металлургии связаны с неблагоприятным положением, сложившимся в российской экономике. Отрасль столкнулась с кризисом перепроизводства или, вернее, недопотребления. Очевидно, что дисбаланс между спросом на сталь и объемом металлургических мощностей не может быть устранен только за счет уменьшения предложения. Ситуация во многих металлопотребляющих отраслях: автопроме (падение за первое полугодие на 25%), железнодорожном машиностроении (-45%) и в строительстве (-12%), остается весьма напряженной. Заметно упал спрос на трубы большого диаметра, который весьма динамично – на 40% рос в 2015 году. Сегодня основные надежды металлургов связаны с развитием металлоемких отраслей ВПК, а также масштабными проектами типа строительства Керченского моста, а также стадионов и инфраструктуры к чемпионату мира 2018 г. Безусловно, необходимо усиление спроса, но этого можно добиться только при оживлении инвестиционного процесса в реальном секторе.

В то же время в условиях рецессии количество намеченных инвестиционных проектов существенно сократилось. По данным некоммерческого партнерства «Русская сталь», если в 2014 г. общий объем инвестиций металлургических компаний составил около 118 млрд. руб., то в 2015 г. – не более 70 млрд. руб. Большинство компаний по инерции достраивали действующие производственные цепочки путем ввода в эксплуатацию ранее приобретенного оборудования, вводя точечные усовершенствования в отдельных переделах. Из крупных проектов стоит отметить проект завода «Тулачермет-сталь» компании «ПМХ», кредитуемый Газпромбанком на сумму 42 млрд руб. Многие компании за счет собственных ресурсов продолжают реализацию антикризисных программ, направленных на расширение продукции с более высокой добавленной стоимостью. Магнитогорский металлургический комбинат, например, совершенствует выпуск холоднокатаного листа для автопрома. Трубная металлургическая компания наращивает производство высококачественных труб с премиальными соединениями. Новолипецкий металлургический комбинат реализует комплекс проектов по повышению эффективности производства и снижению перedelных затрат.

На мировых рынках «плохие новости» идут главным образом из Китая. Снижение спроса на сталь в этой стране при наличии избыточных металлургических мощностей обрушило цены на основные виды металлопродукции и железорудное сырье, которые осенью 2015 года достигли минимального уровня за последние двадцать лет.

Дополнительные трудности для российских компаний создают новые торговые барьеры на экспортных рынках. По данным Минэкономразвития, за последнее время против российской стали было введено в общей сложности 28 защитных мер. Так, были резко повышены

пошлины на ввоз горячекатаных рулонов и толстолистового проката в США. На рынках ЕС еще более жесткие ограничения установлены в отношении российских стальных труб и электротехнической стали. Антидемпинговые процедуры запущены в Турции, Индии, Иране, Мексике и ряде других стран.

Кроме того, заметно снизилась эффективность зарубежных активов, приобретенных отечественными компаниями в предыдущие годы в условиях растущего рынка. За последние три года «Норильский Никель», «Северсталь», «Мечел» были вынуждены продать свои зарубежные предприятия в Австралии, США, Африке и Европе, потеряв на этих сделках около 7 млрд. долл. Главными причинами этих неудач можно назвать стратегические просчеты менеджмента компаний, который не смог предложить эффективные бизнес-модели для модернизации приобретенных предприятий, многие из которых являлись технически устаревшими, а проекты модернизации этих предприятий в нынешних условиях оказались чрезмерно затратными. Кроме того, российские собственники, работающие в относительно благоприятном предпринимательском климате и имеющие определенные привилегии на родине, не сумели приспособиться к управлению бизнесом в жестких конкурентных условиях зарубежного рынка.

Правительство вновь вынуждено было запустить программу антикризисных мер. Из 18 проектов, включенных в правительственную программу по импортозамещению в черной металлургии, треть позиций приходится на продукцию, которая в нашей стране не выпускается. В этом списке находятся отдельные виды труб нефтегазового сортамента, в том числе из хромоникелевых сплавов и нержавеющей сталей, полуфабрикаты с защитными покрытиями, метизы, ферросплавы и т.д.

По мнению бизнеса, необходима государственная поддержка защиты российских экспортеров в рамках процедур ВТО. Требуется более оперативная и эффективная защита внутреннего рынка, в том числе от недобросовестных поставщиков металла из стран ЕАС. С этой целью желательно введение соответствующих изменений в законодательство Евразийского экономического союза. Сюда же относятся и поставки металлопродукции в обход защитных торговых мер, в частности через особую экономическую зону в Калининградской области. Например, китайская продукция, пройдя Калининградскую ОЭЗ после небольшой обработки (гибка, профилировка и т.д.) беспошлинно экспортируется в РФ.

Подводя итоги, следует сказать, что на смену тяжелого 2016 года пришел не менее сложный 2017 год. В целом большинство прогнозов развития российской промышленности в 2017 году пессимистичны, поэтому и реальных предпосылок для улучшения рыночной ситуации и преодоление рецессии в металлургии пока не видно. По самым осторожным оценкам, объем металлопотребления может показать незначительный прирост, но возвращение на докризисный уровень будет весьма длительным. Эффект дешевого рубля дает временную передышку отрасли. Экспорт хотя и остается достаточно серьезным драйвером, но не сможет полностью компенсировать действие негативных факторов особенно в условиях значительного снижения мировых цен на металлопродукцию. Инвестиции частного сектора останутся на низком уровне и не способны обеспечить обновление мощностей, а также повышение производительности труда и капитала. Хотя нельзя не отметить, что эти негативные факторы частично нейтрализуются благодаря масштабной модернизации, проведенной российскими компаниями в предшествующий период.

Это обстоятельство обеспечивает российской металлопродукции сравнительно низкий уровень себестоимости наиболее ликвидных видов продукции и, как следствие, неплохую конкурентоспособность на мировых рынках, а также надежду на посткризисный рост в обозримой перспективе.

Алюминий

Мировое производство первичного алюминия в 2016 году в отличие от черной металлургии продемонстрировало умеренный прирост в пределах 2,5%, несмотря на рост стоимости электроэнергии и глинозема. (табл. 12). Главными факторами, определяющими динамику рынка, являются разнообразие металлопродукции и расширение сфер ее применения. При этом отмечается растущий дефицит металла, в особенности в США и странах ЕС, продолжающийся невысокий рост производства в Китае в сочетании с устойчивым ростом мировой производственной активности. По предварительным оценкам, рост потребления в транспортной отрасли составил около 5%. в строительстве – 3%, в электротехнической промышленности - 4% (без учета Китая). При этом уровень мировых запасов алюминия снизился до 4,975 млн.т, что является самым низким показателем с января 2009 года. Дефицит металла на рынке составил около 1,2 млн.т.

Эти обстоятельства способствовали росту средних цен на Лондонской бирже металлов до 1660 долл. за т, которая стабильно сохранялась на протяжении всего года.

Таблица 12. Производство и потребление первичного алюминия 2015-2017 гг., тыс. т.

	Производство			Потребление		
	2015	2016	2017	2015	2016	2017
Северная Америка	4470	3670	3600-3700	6450	6780	7200-7350
США	2700	2750	2700-2800	5600	5650	5600-5700
Китай	30640	32100	34000-36000	29000	31000	32000-32500
Индия	2380	2600	3000-3150	1790	1900	1950-2100
Прочие страны Азии	1100	1350	1400-1500	6000	6260	6300-6400
Ближний Восток	5430	5480	5400-5550	1300	1390	1400-1550
Европа	4380	4400	4400-4550	8790	9080	9200-9400
Россия	3600	3670	3600-3750	780	850	860-880
Весь мир	56900	58300	60500-62000	56400	59500	61500-62900
Мир (без Китая)	26260	26200	26500-26600	27000	28500	29500-30400

Источник: International Aluminium Institute (IAI)

Проблема избыточных мощностей, по-видимому, не имеет столь острого значения, как в черной металлургии, за исключением Китая, где в нынешнем году начата реализация государственной программы, направленной на восстановление баланса спроса и предложения на внутреннем рынке, которая предусматривает закрытие избыточных мощностей и сокращение лишних запасов. При этом руководство страны сталкивается с сопротивлением местных властей, не желающих терять рабочие места и налоговые поступления даже в условиях постоянного роста стоимости электроэнергии и глинозема, а также ужесточения экологического законодательства. Так, за 2016 год в стране были сокращено около 1 млн. т. мощностей электролизеров при одновременном вводе новых мощностей в объеме около 3,7 млн.т. При этом Китай по-прежнему сохраняет место ведущего экспортера (более 1 млн.т первичного металла), что позволяет ему практически контролировать ситуацию на мировом рынке.

В целом важнейшим позитивным фактором развития мировой алюминиевой отрасли остается стабильный рост потребления металла, что обеспечивает достаточно устойчивые позиции российского монополиста - Объединенной компании РУСАЛ. За счет снижения производственных издержек, а также разумной структурной политике (компания сократила за последние два года 200 тыс.т нерентабельных мощностей) за 2016 год компании удалось снизить себестоимость тонны алюминия в среднем до 1325 долл. (при среднегодовой цене LBM 1660 долл. за т), что заметно повысило конкурентоспособность компании на мировом рынке..

В связи с этим, по словам президента компании Олега Дерипаски, ОК РУСАЛ продолжит реализацию амбициозных планов по развитию внутреннего рынка и созданию перерабатывающих мощностей, несмотря на девальвацию рубля, высокую ставку банковского кредита и рецессию российской экономики.

Компания ОК РУСАЛ, в частности, предложила программу по увеличению переработки алюминия до 2,1 млн.т в год к 2021 году и до 2,5 млн.т к 2024 году. Это должно дать около 70 тысяч новых рабочих мест, почти трехкратное увеличение экспортной выручки и рост душевого потребления алюминия с сегодняшних 8 кг до 14 кг к 2021 г. и до 18 кг к 2024 г., что соответствует современному среднеевропейскому показателю.

Основным лимитирующим фактором является неготовность российской промышленности к потреблению алюминиевых полуфабрикатов, для чего необходимы соответствующие инвестиции, а также меры по развитию рынка и ограничению импорта. Главные потенциальные отраслево-потребители: автопромышленность, строительство, вагоностроение, производство буровых труб, производство упаковки.

Для практической реализации программы ОК РУСАЛ выступил с инициативой по формированию в Красноярском крае Особой экономической зоны - «Алюминиевой долины», как одного из ключевых проектов недавно созданной Ассоциации «Объединение производителей, поставщиков и потребителей алюминия». Планируется, что «Алюминиевая долина» будет обладать особым юридическим статусом, таможенными и налоговыми преференциями.

Целью создания «Алюминиевой долины» является развитие потенциала отечественных предприятий по глубокой переработке алюминия и укрепление позиций России на мировом рынке. Характерно, что идея «Алюминиевой долины» вызвала большой интерес китайских промышленников, которые отметили территориальную близость предприятий высокой переработки к производителям первичного металла, доступ к источникам гидроэлектроэнергии, а также большой потребительский потенциал рынка России и стран СНГ.

В целом главные тенденции мирового рынка алюминиевой промышленности, включая неустойчивый баланс производства и потребление металла, сохранятся в 2017 году.

Минеральные удобрения

После нескольких лет сокращения объемов потребления, в 2016 году во всех сегментах мирового рынка минеральных удобрений появились обнадеживающие тенденции. Общее потребление удобрений по сравнению с 2015 годом возросло на 1,9 % и достигло 186 млн.т. В 2017 году ожидается прирост спроса на азотные удобрения - 2,2 %, фосфорные - 2,2 %, калийные - 2,4 % (табл. 13).

Таблица 13. Потребление минеральных удобрений, млн.т.

	2014	2015	2016 (оценка)	2017
Азотные	110,1	110,1	111,7	114,2
Африка	3,9	3,9	4,5	5,2
Америка	22,3	20,1	21,8	22,2
Азия	67,5	65,1	68,1	69,1
Европа	15,2	14,0	15,4	15,7
Океания	1,2	1,0	1,8	2,0
Фосфорные	40,8	40,6	41,4	42,3
Африка	1,5	1,5	1,7	1,7
Америка	11,2	11,2	11,3	11,8
Азия	23,3	23,1	23,6	24,0
Европа	3,5	3,4	3,5	3,5
Океания	1,3	1,3	1,3	1,3
Калийные	31,8	31,9	32,7	33,5
Африка	0,6	0,7	0,7	0,8
Америка	11,5	11,2	11,5	11,7
Азия	15,2	15,4	15,8	16,1
Европа	4,1	4,2	4,3	4,4
Океания	0,4	0,4	0,4	0,5
Всего	182,7	182,6	185,8	190,0

Источник: The World Fertilizer Trends and Outlook to 2019. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Roma 2016

Важную роль в формировании позитивной тенденции сыграл рост цен на продукты питания. По данным FAO соответствующий ценовой индекс в сентябре 2016 года (170,9) достиг максимума с сентября 2015 года (155,3).

Во II и III кварталах спрос на удобрения поддержал рост сезонного спроса в Азии (Индия и Пакистан) и Латинской Америке (Бразилия).

Однако говорить о стабильно позитивной динамике спроса на удобрения в ближайшее время преждевременно. Цены на сырьевые продовольственные товары не достигли уровня пятилетней давности и, по оценке FAO, останутся ниже этой планки в ближайшие пять лет. Сохраняются макроэкономические и политические риски. Страны, чье благополучие в решающей мере зависит от цен на углеводороды (Южная Африка, Россия) вынуждены сокращать поддержку и субсидирование аграрного производства. Определенную роль на рынке удобрений играет государственная политика развития. В Аргентине, например, на потребление удобрений влияет регулирование квот на экспорт зерновых и сои. В Китае сдерживать динамику потребления минеральных удобрений может проводимая в настоящее время корректировка продовольственной программы: отказ от наращивания запасов кукурузы и соответствующего культивирования и удобрения почв. В Евросоюзе вводятся все более жесткие экологические стандарты, развиваются альтернативные методы обогащения почв питательными элементами, в том числе и на основе органических удобрений.

В 2017 – 2020 гг среднегодовые темпы прироста потребления удобрений, по оценкам IFA, вновь могут сократиться до 1,6%. В натуральном выражении потребление удобрений в 2020 г. будет на уровне 200 млн.т. Основными драйверами роста останутся страны Африки (среднегодовые темпы прироста 3,6 %), Латинской Америки (2,9 %), Южной Азии (2,9%).

Прогноз объемов потребления минеральных удобрений осложняется значительной волатильностью цен. Цены карбамида на Балтике опускались до 180 долл/т в первой половине 2016 г. Это было ударом по китайским производителям и экспортерам азотных удобрений, поставки которых при ценах ниже 200 долл/т убыточны. Производство и экспорт из страны сократились на 25% по сравнению с 2015 годом, что позволило сбалансировать мировые цены на уровне 200 – 205 долл/т (Балтика) и 220 – 225 долл/т (Китай).

Цены на фосфорные удобрения ежеквартально снижаются уже полтора года. В первом квартале 2015 года средняя цена на диаммонийфосфат была на уровне 483 долл/т, в четвертом – 419 долл/т и к концу первого полугодия 2016 г снизилась до 360 долл/т.

Основные потребители калийных удобрений – Китай и Индия – подписали первые спотовые контракты лишь в августе 2016 года после напряженного периода ожиданий и переговоров. Белорусская калийная компания договорилась о поставках в Китай по цене 219 долл/т. В Индию белорусы, Israel Chemicals и североамериканский трейдер Canpotex поставят продукцию по цене 227 долл/т. Тогда как в первом полугодии 2015 года средние цены составляли 242 долл/т.

Значительную волатильность цен на рынке удобрений может вызвать аграрная политика крупных игроков - Китая и Индии.

Китай в марте 2015 года начал программу « zero – growth fertilizers and pesticides» , рассчитанную до 2020 года. В стране установлен верхний предел ежегодного прироста потребления удобрений - не выше 1%, тогда как последние 30 лет этот показатель был на

уровне 5%.¹⁷ Для производителей удобрений введен 13% - ный налог с продаж (value added tax on fertilizer sales, VAT).¹⁸

Правительством поставлена многоуровневая сложная задача – создать разветвленную дистрибьютерскую сеть, систему обучения фермеров, освоить метод точного соблюдения оптимальных количеств внесения питательных веществ в соответствии с возделываемыми культурами и характером почв. Таким образом предполагается на 40% повысить эффективность использования минеральных удобрений, снизить издержки производства, цены сельскохозяйственного сырья и аграрной продукции в стране, свести к минимуму экологическую нагрузку на почвы.

В **Индии** проводится тестирование новой системы поддержки аграриев. От субсидий на закупки удобрений « по питательному веществу » предполагается переход к прямым персональным финансовым выплатам на личный счет фермера через банк (Direct Benefit Transfer to farmers on a pilot scale, DBT). Цель реформы - исключить возможность неконтролируемого расходования средств, привлечь в аграрный сектор безработных городских жителей и таким образом хотя бы частично решить проблему бедности в стране.

Количественно оценить влияние реформ на общую динамику рынка сложно. Но поскольку эти страны - крупнейшие потребители минеральных удобрений, очевидно, что в 2017 г и даже до конца десятилетия они в той или иной мере сдержат динамику потребления.

Неопределенность спроса и снижение цен представляют определенную угрозу рынку, создают риск неуправляемого демпинга. Сохранять роль регуляторов предложения и цен лидерам отрасли помогает приобретение крупных долей в зарубежных проектах, позволяющих влиять на производственную и торговую политику потенциальных конкурентов.

Компания Mosaic стала одним из регуляторов на латиноамериканском рынке после приобретения в году 35% предприятия по добыче фосфатной руды в « Miski Mayo Mine» (Перу, 2011г) и дистрибьюторской сети компании Archer Daniels Midland Company (ADM) в Бразилии и Парагвае (2014 г).

В 2013 г. подписано соглашение Mosaic с Saudi Arabian Mining Company о формировании совместного предприятия «Wa'ad Al – Shamal Joint Venture» по разработке рудника и строительству двух заводов по производству фосфатных удобрений мощностью 3,5 млн.т в год. Доля Mosaic в проекте и реализации продукции – 25%.

На калийном рынке неустойчивое равновесие может нарушить появление нового крупного игрока – Китая. Компания China National Petroleum Corporation (CNPC) в 2011 году заложила основу масштабной добычи калийных солей на северо – западе страны из пластовых вод Цинхайского месторождения. Потенциал месторождения – более 157 млн. т калийной руды. Полное освоение месторождения даст возможность Китаю не только обеспечить собственные потребности, но и выйти на мировой калийный рынок в качестве экспортера.

Учитывая возможность появления сильного конкурента и связанные с этим риски, канадские компании PotashCorp и Agrium в первой половине 2016 года объявили о слиянии. Новая компания будет крупнейшим производителем удобрений с объемом продаж 20,6 млрд. долл и EBITDA в США 4,7 млрд. долл. В ее состав, в числе других войдут иностранные активы PotashCorp, расположенные в Чили, Израиле, Иордании, Китае (табл. 14).

¹⁷ China target zero growth in chemical fertilizer use in 2020, reports Xinhua. The Economic Times. 21.10.2016.

¹⁸ 84 IFA Annual Conference, Moscow, 30 May – 1 June 2016. Fertilizer Outlook 2016 – 2020. P.1

Таблица 14 .Зарубежные активы Potash Corp

	SQM, Чили	ICL, Израиль	APC, Иордания	Sinofert, Китай
Мощности Potash Corp	2,3 млн.т	6,0 млн.т	2,4 млн.т	-
Доля Potash Corp в проекте	32%	14%	28%	22%
Представительство в Совете Директоров	3 члена из 8	-	3 члена из 13	2 члена из 7
Рыночная стоимость активов Potash Corp ¹	2,2млрд. долл	1,3млрд. долл	0,6млрд. долл	0,3 млрд. долл

по состоянию на 31 декабря 2015 года.

В **России** ежегодно производится в среднем 22 млн. тонн удобрений, из которых около 13 млн тонн (70%) идет на экспорт. Минеральные удобрения отечественного производства обеспечивают 13% мирового экспорта по стоимости и примерно 15% по тоннажу. В структуре российского экспорта основную часть составляют азотные удобрения - 36% , по 28% приходится на калийные и смешанные и всего 8% на фосфорные удобрения. Основными рынками сбыта уже долгое время остаются Бразилия (19%) , Китай (12%), США (10%), Украина (5%) и Индия (3%).

Снижение спроса на внешнем рынке не могло не повлиять на российские компании. По данным таможенной статистики отечественный экспорт удобрений в натуральном выражении в первой половине 2016 года сократился на 11%. В стоимостном выражении экспорт азотных удобрений по сравнению с первым полугодием 2015 года сократился на 12%, калийных – на 44%.

Возвращение к динамике и объемам продаж прошлых лет в ближайшей перспективе маловероятно.

Снижение продаж на внешнем рынке повернули компании лицом к отечественным аграриям. Проблему нехватки средств у фермерских хозяйств отчасти помогло решить государственное субсидирование процентной ставки по кредитам. В 2015 году российские фермеры закупили минеральных удобрений на 25% больше, чем в 2014 году. В январе – октябре 2016 года было закуплено удобрений на 13 % больше чем за соответствующий период 2015 года – 2,5 млн.т в пересчете на действующее вещество. Все заявки на поставки удобрений в настоящее время удовлетворены.

В 2017 году в результате мер господдержки площадь посевных площадей в России предполагается увеличить на 350 тыс. га, что закономерно приведет к росту потребности в минеральных удобрениях. Таким образом, внутренний рынок может стать растущим каналом сбыта. Для координации интересов производителей и потребителей удобрений, мониторинга цен на определенные виды продукции, оптимизации сезонных тарифов естественных монополий, в марте 2016 года было подписано соглашение о сотрудничестве между Российской ассоциацией производителей удобрений (РАПУ) и Агропромышленным союзом России

Лесобумажные товары

В России по-прежнему главными экспортно-ориентированными отраслями лесопромышленного комплекса остаются заготовка деловой древесины¹⁹ хвойных пород, производство хвойных пиломатериалов²⁰, клееной фанеры, древесной целлюлозы, бумаги и картона. На эти рынки в 2015 году пришлось 75,6% стоимости мирового экспорта всех видов лесобумажной продукции, производимых мировым лесопромышленным комплексом. В России этот показатель в 2015 году был по-прежнему выше – 85,3%.

Конъюнктура мировых рынков лесобумажной продукции в 2016 году сохраняла сложившиеся в последние годы позитивные тенденции. В Северной Америке и Европе отмечались рост в жилищном строительстве, увеличение потребления деловой хвойной древесины и продукции деревообработки. В то же самое время совокупное потребление пиломатериалов, древесных листовых материалов и бумажно-картонной продукции в 2016 году все еще отставало от уровня исторических максимумов, достигнутых в предкризисном 2007 году. Азиатский регион отличается от североамериканского и европейского: по потреблению хвойной деловой древесины в 2016 году наблюдается некоторое отставание от уровня 2007 года, а по всем остальным крупным товарным группам имеется опережение (по лиственной деловой древесине, пиломатериалам, древесным листовым материалам, волокнистым полуфабрикатам, бумаге и картону).

В Российской Федерации ситуация в 2016 году оказалась достаточно благоприятной: во-первых, благодаря переориентации на внутренний рынок; во-вторых, из-за резкого снижения курса рубля. Поэтому уровни производства и потребления 2016 года в основном превышали уровни 2007 года.

Улучшение конъюнктуры на рынках труда и облегчение финансирования привели в развитых странах к росту цен на жилье и объема капиталовложений в жилищное строительство. Особенно хорошо обстояли дела в секторе строительства США. После многих лет сокращения объем инвестиций в строительство в зоне евро возрос. Это было вызвано ростом реальных доходов населения и низкими ставками по ипотечным кредитам. Однако в ряде стран, в том числе в Португалии, Испании и Финляндии, высокий уровень задолженности домохозяйств по-прежнему оказывает сдерживающее воздействие на инвестиции в строительство. В зоне евро в целом цены на жилье выросли, однако в ряде стран, включая Францию, Финляндию, Грецию и Италию, они продолжают снижаться.

Такие политические инициативы, как План действий ЕС «Правоприменение, управление и торговля в лесном секторе» (ПУТЛС), процедуры, требующие проявления должной осмотрительности с целью соблюдения положений принятого в США Закона Лейси (ввел уголовную ответственность за ввоз в страну продукции растительного происхождения, полученной незаконным путем) и Постановления ЕС по древесине (ПЕСД), а также расширение во всем мире сертифицированных лесов свидетельствует о том, что сектор лесных товаров играет одну из ведущих и инновационных ролей в развитии «зеленой»

¹⁹ Включает пиловочник, фанерные кряжи, балансы для целлюлозно-бумажной промышленности и прочие виды круглого леса, используемого как сырье для промышленной переработки и в строительстве.

²⁰ Включает доски, брусья, шпалы и другую продукцию лесопиления.

экономики. Оценка Плана действий ПУТЛС ЕС показала, что он способствовал повышению эффективности организации управления лесами во всем мире и сокращению импорта незаконных лесоматериалов странами Европы.

Все более важную роль в новой функции отраслей лесопромышленного комплекса ведущих лесопроизводящих и лесопотребляющих стран мира начинает играть концепция «зеленой экономики», которая становится важным фактором экономического роста. С проведением в жизнь этой концепции эксперты связывают новую роль отраслей по заготовке и переработке древесного сырья, делающую этот комплекс отраслей одним из двигателей экономического и социального прогресса. В 2016 году было много свидетельств того, что принципы «зеленой экономики» переходят из разряда идей в реальные дела.

В Китае сектор жилищного строительства столкнулся с серьезными трудностями после длительного периода активного роста. В сфере жилищного строительства этой страны со второго полугодия 2014 года наблюдались признаки перепроизводства, когда предложение на рынках новых жилищ стало превышать платежеспособный спрос. Руководство КНР стало предпринимать антикризисные меры. В частности, было оказано воздействие на банковский сектор Китая для снижения ставки по ипотечному кредиту. Несмотря на это, пока что, в сфере лесозаготовок и уровне спроса на хвойную деловую древесину сохранились негативные тенденции: стагнация либо даже возможное некоторое снижение спроса на древесное сырье для нужд строительства в 2017 году. Закупки подешевевшего российского леса являются хорошей возможностью для китайских строителей, стремящихся снизить издержки строительства и повысить привлекательность жилья на рынке недвижимости.

В Японии в последние годы динамика ВВП, как фактора спроса на хвойную деловую древесину, характеризовалась существенной нестабильностью (краткосрочные периоды некоторого роста чередовались с годами спада либо стагнации).

В мировой целлюлозно-бумажной промышленности продолжает действовать тенденция снижения спроса на бумагу. Постоянный рост использования электронных и компьютерных технологий, а также Интернета ведет к снижению спроса на бумагу. Это долговременный тренд, сдерживающий спрос на древесину хвойных пород, используемую в технологиях производства химической целлюлозы и древесной массы, применяемых для изготовления бумаги. В этом же направлении действует расширение производства макулатурной бумаги, экономящей древесное сырье. Определенное противодействие этим технологическим факторам, сдерживающим рост спроса на хвойное древесное сырье, оказывают инновации в области производства биотоплива на базе древесины, что создает новый, бурно развивающийся рынок сбыта для хвойной древесины и отходов ее заготовки и переработки.

Структурные изменения в мировой целлюлозно-бумажной промышленности в последние годы продолжались с широким размахом, что проявлялось в сокращении потребления бумаги и картона, в том числе за последние 4 года в Северной Америке на 10%, в Европе – на 5%. В 2016 году потребление газетной бумаги в Северной Америке было на 50% меньше, чем 10 годами ранее.

Новой тенденцией на мировых рынках целлюлозно-бумажной продукции является нарастающий спрос со стороны традиционных бумагопроизводящих районов (в первую

очередь, стран Европы) на волокнистые полуфабрикаты, производимые в странах Южной Америки по относительно низким ценам, что влечет за собой замещение целлюлозы, вырабатываемой в странах Северной Америки, Европы и СНГ из хвойной древесины, на южноамериканскую крафт-целлюлозу из эвкалиптовой древесины.

Южной Америке удалось привлечь большие объемы инвестиций, в том числе со стороны бумажных компаний, базирующихся в регионе ЕЭК ООН (Северная Америка, Европа, СНГ). Инвесторов привлекают низкие производственные издержки высокопродуктивных лесных плантаций, полностью механизированные лесозаготовительные технологии, новые заводы с использованием новейших технологических процессов и эффектом на масштабе производства, близость портов для отгрузки продукции. Как следствие, Бразилия, Чили и Уругвай за последние 15 лет резко увеличили экспорт целлюлозы. Бразилия экспортирует за рубеж 2/3 своей производимой целлюлозы, а в Чили и Уругвае степень экспортной ориентации их целлюлозного производства еще выше. В настоящее время в страны региона ЕЭК ООН поступает до 50% экспорта целлюлозы из трех южноамериканских стран. Эта зависимость, видимо, будет нарастать, поскольку, в частности, Бразилия планирует увеличить свои производственные мощности по целлюлозе на 40% к 2018 году. Все эти тенденции будут создавать давление на европейских и североамериканских продуцентов целлюлозы и древесной массы, принуждая их к дальнейшему укрупнению бизнеса и предприятий, а также к сокращению производства собственных волокнистых полуфабрикатов.

Основные региональные различия в динамике рынков хвойной деловой древесины, скорее всего, сохранятся и в 2017 году.

В России можно ожидать в 2017 году более динамичного роста производства и экспорта хвойной деловой древесины, чем в США, в том числе благодаря низкому курсу рубля. Кроме того, государство проводит политику повышения отдачи отечественных лесных ресурсов: активные инвестиции суммарным прогнозируемым объемом в 12,5 млрд. долл. США в строительство новых предприятий, вырабатывающих продукцию с относительно высокой добавленной стоимостью при сдерживании вывоза необработанного леса за рубеж. Инвестиции в строительство новых лесоперерабатывающих предприятий в России, ее вступление в ВТО, нарастание внутреннего спроса на лесоматериалы, а также близость экспортных рынков, потребляющих большие объемы круглого леса, явились благоприятными факторами для наращивания производства продукции ЛПК, в том числе хвойной деловой древесины, а также бумаги и картона.

Вступление России в ВТО и принятие ею на себя экспортных квот на еловый и сосновый круглый лес создают новые возможности для цивилизованного участия на рынках хвойной деловой древесины. Этому благоприятствует переход России из разряда страны догоняющей по уровню своих экспортных цен в страну – «лидера цен» на мировом рынке хвойной деловой древесины, задающую тон в ценообразовании на этом рынке. Этому же способствует участие России в процедурах сертификации отечественных лесов и продукции российского ЛПК.

В 2017 году мировой рынок хвойных пиломатериалов может вырасти на 0,3-0,5%, клееной фанеры – на 0,2-0,4%, но может снизиться емкость рынка древесной целлюлозы (на 1,0-1,2%), бумаги и картона (на 1,2%).

По нашей оценке, мировые заготовки хвойной деловой древесины в 2017 году возрастут. Можно ожидать повышения темпов прироста производства и потребления этой древесины (до 1,2%).

В промышленно-развитых странах мира в 2017 году и в последующие годы следует ожидать продолжения процесса структурной перестройки целлюлозно-бумажной промышленности. Эта перестройка подразумевает переориентацию на жизнеспособные сегменты рынка бумажно-картонной продукции, а также на изделия, получаемые путем так называемого «рифайнинга древесной биомассы» и нанотехнологической переработки древесного сырья. Усилится процесс переноса производственных мощностей, в первую очередь из стран Европы, в привлекательные для капитала страны Южной Америки (Бразилию, Чили др.) для снижения себестоимости бумажно-картонной продукции.

В целлюлозно-бумажной промышленности Китая, вышедшего на первое место в мире по производству бумаги и картона, в последние годы происходили изменения, существенные для ситуации на национальных рынках древесного сырья и древесных волокнистых полуфабрикатов. Во-первых, происходила глубокая структурная перестройка отрасли, направленная на закрытие старых, малых и неэффективных производственных мощностей по производству бумаги и картона из недревесного сырья (бамбука, хлопкового линтера и др.) при развитии современных крупных целлюлозно-бумажных комбинатов, использующих в качестве сырья древесное сырье. Это объективно поощряет рост спроса Китая на древесные виды сырья для целлюлозно-бумажных предприятий. Во-вторых, можно отметить появление новой тенденции в импортной политике: Китай стал активнее закупать на мировом рынке товарную целлюлозу (то есть полуфабрикат) вместо необработанной древесины в форме балансов или технологической щепы.

Китай не мог остаться в стороне от общемировых веяний снижения потребления бумажной продукции, которое началось с 2015 года. В 2016 г. произошло сокращение на 1,6 – 1,7%, а сохраняться в 2017 году, по нашим оценкам, сокращение составит 0,9%.

Динамика среднемировых цен на главных экспортных рынках лесобумажной продукции России в 2017 году будет различаться по странам и товарным группам. Можно ожидать слабого роста экспортных цен на древесное сырье и умеренного роста экспортных цен на продукцию деревообработки (пиломатериалы, клееную фанеру) в условиях некоторого оживления спроса на эти товары. Мировые цены на бумагу и картон в 2017 году продолжат снижение, которое отмечалось в мире в 2011-2016 годах. По нашему прогнозу, среднемировые экспортные цены (в скобках российские) на рынке деловой древесины хвойных пород в 2017 году составят 95,00 долл. США за куб. м (83,00) против 85,94 (78,1) в 2015 году, на рынке бумаги и картона – 800,00 долл. США за т (500,00) против 845,78 (555,00) в 2015 году.

Краткосрочные перспективы, складывающиеся на мировых рынках хвойной деловой древесины, а также бумаги и картона, благоприятствуют упрочению положения России на

мировых рынках кругляка хвойных пород. За последний год на этих рынках произошло заметное ослабление позиций Канады, США и Новой Зеландии, как главных конкурентов России на китайском и европейском рынках. Россия последовательно проводит политику сдерживания экспорта необработанной древесины и развития лесоперерабатывающих производств на своей территории. Такая политика дала за последние годы свои результаты: более чем двукратное сокращение экспорта хвойной древесины сопровождалось активизацией строительства деревообрабатывающих предприятий на ее территории. В этом принял активное участие иностранный капитал, заинтересованный в использовании российских лесных ресурсов, в том числе из Финляндии и Китая. Были построены мощности по производству пиломатериалов, клееной фанеры, древесных плит и др., в том числе у границы России с Китаем.

Россия может продолжить экспансию на мировом рынке хвойной деловой древесины, на котором она способна выступать в роли «лидера» в сфере ценообразования.

Таблица 15. Мировая заготовка и потребление деловой древесины хвойных пород, млн. куб.м

	Производство			Потребление		
	2015	2016	2017	2015	2016	2017
Мир	1034,6	1045,7	1058,7	1033,1	1049,5	1064,9
Азия	69,8	71,8	73,9	109,1	111,7	114,6
Китай	25,7	26,3	27,0	56,0	58,0	60,0
Япония	18,8	19,2	19,5	21,7	22,2	22,5
Европа	426,1	434,2	441,5	414,9	425,1	433,9
Великобритания	8,5	8,9	9,2	8,7	9,0	9,4
Германия	36,7	39,6	40,0	42,1	45,2	46,2
Россия	126,5	131,5	134,0	114,6	119,0	122,4
Финляндия	42,9	42,5	44,5	43,4	43,4	45,2
Франция	16,9	17,3	17,6	15,8	16,6	17,0
Швеция	63,9	63,8	64,4	67,7	67,6	68,3
Северная Америка*	389,5	391,2	394,0	377,7	379,4	382,3
Канада	126,1	126,1	126,1	123,4	123,4	123,4
США	263,4	265,1	267,9	254,3	256,1	258,9

* исключая Мексику.

Таблица 16. Мировое производство и потребление бумаги и картона, млн. т.

	Производство			Потребление		
	2015	2016	2017	2015	2016	2017
Мир	401,0	394,0	390,8	398,4	388,8	385,5
Азия	185,9	179,6	177,4	192,4	182,6	179,8
Китай	108,8	107,0	106,0	108,4	106,6	105,6
Япония	26,5	26,1	26,0	26,9	26,7	26,5
Европа	104,0	104,1	104,6	90,4	91,7	92,2
Великобритания	4,4	4,0	4,1	9,1	8,8	8,9
Германия	22,5	22,8	22,8	20,1	20,6	20,6
Россия	8,0	8,1	8,2	6,4	6,1	6,0
Финляндия	10,4	10,0	9,9	0,8	0,8	0,8
Франция	8,2	8,3	8,3	8,8	8,7	8,7
Швеция	10,4	10,4	10,6	1,2	1,1	1,2
Северная Америка*	83,0	82,7	81,9	75,9	75,5	74,7
Канада	11,1	10,8	10,6	5,6	5,3	5,0
США	71,8	71,7	71,2	70,3	70,2	69,6

* исключая Мексику.

6. СОСТОЯНИЕ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ОСНОВНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Страны Европейского Союза

В 2016 г. ряд знаковых событий, а также продолжающееся развитие важных по значению процессов оказали серьезное влияние на экономическую динамику в ЕС по крайней мере на весь 2017 г., а в некоторых случаях и последующие несколько лет.

Прежде всего можно отметить июньский референдум в Великобритании, где большинство населения высказалось за выход из ЕС. Хотя новое правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии во главе с Т. Мэй затягивает начало переговоров об условиях, на которых страна скорее всего уже неизбежно покинет ЕС к концу текущего десятилетия, в 2017 г. должны проясниться по меньшей мере общие параметры взаимоотношений Великобритании с остающимися 27 странами-членами ЕС. Специфика ситуации в том, что приведший страну к референдуму о выходе из ЕС премьер-министр Д. Кэмерон накануне голосования добился от ЕС максимально возможных уступок для Великобритании. Ради недопущения негативного с точки зрения имиджа европейского интеграционного проекта шага по выходу из него хотя бы одной страны-участницы руководство Германии и других влиятельных государств ЕС пошло на беспрецедентный компромисс, однако это не помогло. Теперь перед Великобританией стоит дилемма – «жесткий Брекзит», когда страна действительно покидает общее европейское пространство свободного движения товаров, услуг, людей и капитала, либо «мягкий Брекзит», когда фактически страна остается в этом пространстве, но лишается политических прав влиять на дальнейшее развитие интеграционного проекта (что-то близкое к норвежской модели взаимодействия ЕАСТ-ЕС).

С экономической точки зрения второй вариант предпочтителен, но ставит Великобританию в унижительное положение, а главное электорат голосовал против каких-либо ограничений суверенитета страны (поскольку в ЕС Соединенному Королевству надо было приходиться к компромиссам с другими странами-членами), равно как и против свободы движения людей (прежде всего мигрантов из других стран ЕС). Выбор «жесткого Брекзита», даже с какими-то частными исключениями, в лучшем случае приведет к резкому замедлению экономической динамики в Великобритании. Это будет связано с переносом части подразделений ТНК на континент или (из-за влияния языкового фактора) в соседнюю Ирландию, ростом издержек британского бизнеса по преодолению торгового протекционизма ЕС, ослаблением научно-технического потенциала страны вследствие исключения из полноценного формата взаимодействия по программе ЕС «Горизонт 2020 и т.д. Негативное воздействие, хотя не такое сильное, будет оказано и на остающиеся в ЕС страны, причем первые результаты будут видны уже в 2017 г. из-за упреждающей реакции бизнеса. За пределами 2017 г. негативный эффект от «жесткого Брекзита» только усилится, вплоть до развала самого Соединенного Королевства, если Шотландия будет повторно голосовать за независимость, а Северная Ирландия потребует объединения с Республикой Ирландией (напомним, что население этих

частей Соединенного Королевства с большим перевесом проголосовало за сохранение членства в ЕС).

Вместе с тем подчеркнем, что в 2017 г. вряд ли стоит ожидать ускоренной трансформации самой европейской модели интеграции под влиянием «Брекзита» (как предсказывали летом 2016 г. некоторые эксперты). Соответственно не будет большого влияния на экономическое развитие ЕС со стороны немногочисленных инициатив по укреплению единства остающихся в интеграционном проекте государств. Для ЕС намного важнее сейчас преодолеть миграционный кризис, который в последнее время осложняется участвовавшими террористическими актами в крупных европейских городах.

Дело в том, что ЕС не удалось надолго переломить ситуацию с притоком беженцев с Ближнего Востока и других регионов, охваченных вооруженными конфликтами. В третьем квартале 2016 г. ситуация постепенно стала приближаться к пиковым показателям второго полугодия 2015 г. (см. график).

График 3. Количество новых просителей политического убежища в ЕС в 2014-2016 гг.

По итогам трех кварталов 2016 г. в ЕС въехало 950 тыс. просителей политического убежища, причем почти 600 тыс. направились в Германию, а в маленькую Австрию прибыло 33 тыс. чел., в экономически проблемную Грецию – почти 30 тыс.²¹ Больше половины беженцев прибывают из трех стран – Сирии, Афганистана и Ирака. Это создает серьезные проблемы для их культурной адаптации в европейский социум. Дополнительно надо отметить, что в

²¹ Eurostat Newsrelease. №181 – 22 September 2016. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7662180/3-22092016-AP-EN.pdf/22f5de3b-b5a8-4195-82fe-3072a4a08146>; Eurostat Newsrelease. №254 – 15 December 2016. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7773598/3-15122016-BP-EN.pdf/30f7b06b-1634-44dd-964c-13a5f9c436eb>.

крупнейшем реципиенте мигрантов с Востока – Германии помимо нарастания напряженности между немцами и приезжими скорее всего обострятся противоречия между ставшей уже традиционной общиной турок и массово прибывающими арабами. Этнокультурные проблемы среди прочего способствуют росту право-популистских настроений в обществе, однако для 2017 г. мы пока не видим для ЕС серьезных экономических последствий электоральных успехов соответствующих партий.

Еще один новый важный фактор экономического развития ЕС связан с меняющейся внешней средой. С одной стороны, победа Д. Трампа в США явно притормозит процесс подписания соглашения о создании Трансатлантического торгово-инвестиционного партнерства. С другой стороны, происходящие изменения международно-политической обстановки могут ослабить накал «войны санкций» ЕС и России. Вместе с тем не слишком предсказуемы для ЕС последствия изменения ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, хотя для 2017 г. они в любом случае не успеют стать чрезвычайно значимыми. Пока для экономики ЕС куда более значимыми оказываются сравнительно невысокие темпы роста ВВП в развивающихся странах. Так, уже в течение нескольких лет в Германии, на которую приходится свыше 1/5 экономики ЕС-28 и четверть экономики ЕС без учета Великобритании, динамика ВВП определяется ростом внутреннего спроса (за счет низкой безработицы и быстрого увеличения зарплат, в том числе благодаря введению в 2015 г. минимальной почасовой оплаты труда). Совместный прогноз ведущих германских экономических институтов во главе с расположенным в Берлине Германским институтом экономических исследований (DIW) на 2017 г. вообще прогнозирует новое явление для ФРГ – отрицательный вклад чистого экспорта в динамику ВВП (-0,1% против 1,5% для внутреннего потребления²²; заметим, что наши оценки более оптимистичные).

По нашим оценкам в целом ВВП ЕС вырастет в 2017 г. на 1,5%, что окажется на 0,2 процентных пункта ниже ожидаемых итогов 2016 г. Однако в основном это будет связано с резким замедлением динамики ВВП в Великобритании по причине подготовки к «Брекзиту». Что касается зоны евро, то мы прогнозируем сохранение динамики ВВП на уровне 1,6% (см. табл. 1). Худшая ситуация будет в Италии, а среди малых стран – по-видимому, в Финляндии.

Из позитивных трендов можно отметить сохранение тенденции на снижение безработицы. Лишь в Германии, вопреки прогнозам как Еврокомиссии, так и немецких экономических институтов, мы ожидаем начало негативного влияния миграционного кризиса, а также снижающейся конкурентоспособности некоторых отраслей германской экономики. Хотя ФРГ останется в тройке лидеров ЕС по самому низкому уровню безработицы, мы не склонны считать реалистичным немецкий прогноз падения показателя до 4%. Наибольшие успехи по снижению безработицы в 2017 г. способны показать страны Южной Европы, где сейчас показатели все еще исчисляются двузначными числами. Это несомненно будет позитивно сказываться на динамике личного потребления и в целом росте ВВП (тем не менее, в 2017 году Испания вряд ли повторит неожиданно высокие для страны темпы экономического роста 2016 года – как из-за растущих цен на углеводороды, так и некоторого замедления позитивной динамики на рынках труда).

²² Gemeinschaftsdiagnose. Herbst 2016. Abgeschlossen in Berlin am 27. September 2016. URL: https://www.diw.de/documents/dokumentenarchiv/17/diw_01.c.543475.de/gdherbst2016_langfassung.pdf.

Таблица 17. Прогноз динамики ВВП и уровня безработицы в ЕС в 2016-2017 гг., %

	Доля в ВВП ЕС	Динамика ВВП		Безработица	
		2016	2017	2016	2017
Германия	20,6	1,8	1,9	4,4	4,5
Франция	14,8	1,2	1,4	10,0	9,8
Италия	11,1	0,8	0,9	11,5	11,0
Испания	7,4	3,1	2,4	19,7	18,0
Нидерланды	4,6	1,7	1,7	6,1	6,0
Бельгия	2,8	1,3	1,4	8,0	7,9
Австрия	2,3	1,4	1,4	5,9	6,0
Зона евро – 19	71,2	1,6	1,6	10,1	9,8
Великобритания	17,5	1,9	0,9	4,9	5,3
Швеция	3,0	3,0	2,4	6,8	6,5
Польша	2,9	3,1	3,2	6,2	5,9
Дания	1,8	1,0	1,4	6,1	6,0
ЕС-28	100,0	1,7	1,5	8,6	8,6

Еще один позитивный прогноз для ЕС на 2017 г. – исчезновение угрозы дефляции. Рост потребительских цен в интеграционной группировке явно превысит 1%. По прогнозам Еврокомиссии, в 2017 г. монетарная политика в еврозоне останется содействующей росту ВВП. Фискальная политика также не будет слишком рестриктивной.

Наконец, необходимо отметить роль теневого сектора экономики стран ЕС. Как показывает ведущий специалист в этой теме австриец Ф. Шнайдер, с начала XXI века значение теневого сектора экономики в странах ЕС неуклонно сокращается. Например, за 2003-2013 гг. показатель уменьшился по ЕС в целом и в частности в Германии на 4 процентных пункта – соответственно до 18,4% и 13%.

Худшая ситуация наблюдается в Румынии, Болгарии и Литве, но и там показатели за 10 лет уменьшились, по оценкам Ф. Шнайдера, соответственно с 33,6 до 28,4%, с 35,9 до 31,2% и с 32 до 28%.

Похожая ситуация складывалась и в Хорватии, которая в 2013 году стала 28-м членом ЕС (падение доли теневой экономики с 32,3 до 28,4%). В самой благополучной в этом отношении Австрии показатель уменьшился с 10,8% до 7,5%²³.

Вместе с тем совершенно очевидно, что отмеченное сокращение показателей связано во многом лишь с выходом бизнеса «из тени». Если в среднем ежегодно выводится из тени порядка 0,4% ВВП ЕС, то флуктуации в этой динамике вполне могут влиять на изменение официально регистрируемых изменений реального объема ВВП интеграционной группировки на 0,1-0,2 процентных пункта. При этом даже любой внимательный турист может заметить, что масштабы нелегального и полуправового бизнеса, а также искусственной накрутки добавленной стоимости в странах-членах ЕС встречаются почти повсеместно.

Из интересных для России примеров, поскольку именно в 2016 г. ведущие московские музеи стали перенимать итальянский «опыт», можно назвать спекуляцию билетами во флорентийские или миланские картинные галереи. При этом имеет место как вполне законная почти двукратная накрутка цен под видом интернет-посредничества и обязательных взносов на благотворительность, так и явно криминальные индийско-российско-итальянские цепочки проведения туристов вне очереди под видом отставших экскурсантов.

Есть и много других схем накрутки ВВП, отчасти уже хорошо описанных в научной литературе. В этой связи пересмотр показателей экономической динамики (в том числе на целый ряд лет назад) на несколько десятых процентных пункта является для стран ЕС распространенной практикой. При этом в условиях, когда прирост ВВП в год в большинстве государств-членов не достигает даже 2%, это вносит существенные искажения в общие представления о хозяйственных процессах в ЕС.

²³ Schneider F. Size and Development of the Shadow Economy of 31 European and 5 other OECD Countries from 2003 to 2013: A Further Decline. April 5, 2013. URL: http://www.econ.jku.at/members/schneider/files/publications/2013/shadeceurope31_jan2013.pdf.

Соединенные Штаты Америки

В 2016 году в американской экономике продолжался рост, сопровождаемый положительными тенденциями на рынке труда и в жилищном секторе. США находятся в восходящей фазе экономического цикла, экономика продолжает стабильный рост, однако темпы роста по-прежнему не превышают докризисных. Прошедший год стал десятым годом подряд, в котором ВВП рос менее, чем на 3% в год. Однако позитивные изменения в экономике, в особенности положительная динамика на рынке труда, позволили ФРС в декабре 2015 г. повысить целевой уровень ставки по федеральным фондам с минимального значения 0-0,25%, где она находилась с декабря 2008 г. до 0,25-0,5%.

В первом квартале ВВП вырос на 0,8%, во втором – на 1,4%, в третьем – на 3,2%. Годовой рост ВВП в 2016 г. составит около всего 1,6%, что ниже, чем в предыдущие четыре года (см. таблицу). В первом квартале наибольший вклад в рост ВВП внесли потребительские расходы населения, инвестиции в жилищное строительство, государственные расходы на уровне штатов и муниципалитетов. В то же время, снизились инвестиции в оборудование, товарно-материальные запасы и уменьшились федеральные расходы, в основном за счет уменьшения расходов на оборону. Во втором и третьем кварталах потребительские расходы и экспорт возросли больше, чем в первом, однако произошло сильное падение инвестиций в жилищное строительство – на 7,7% и 4,4% соответственно, и упали в абсолютном выражении и расходы штатов и муниципалитетов. Инвестиции в оборудование уменьшались четыре квартала подряд – с четвертого квартала 2015 г. по третий квартал 2016 г.

Наиболее стабильным сегментом ВВП в настоящее время являются потребительские расходы, поквартальная динамика которых остается положительной с конца 2009 г. Потребительские расходы выросли в 2015 г. на 3,2%, впервые с 2005 г. превысив трехпроцентный рубеж. Во втором и третьем кварталах 2016 г. их рост составил 4,3% и 2,8% соответственно. Рост потребительских расходов подкрепляется ростом доходов. Реальные располагаемые доходы населения возросли в 2015 г. на 3,5%, а в расчете на душу населения – на 2,7%. В первом квартале 2016 г. рост реальных располагаемых доходов населения составил 2,1%, во втором – 2,9%, а в третьем – 2,7%. Однако медианные реальные доходы домохозяйств в 2015 г. не достигли докризисного уровня, составив 56 516 долл. в год, в то время как в 2007 г. этот же показатель составлял 57,423 долл. Отсутствие роста реальных доходов значительного числа домохозяйств, стало одним из факторов недовольства политикой администрации Б.Обамы, повлиявшим на результаты президентских выборов.

Ситуация на рынке труда в 2016 г. изменилась мало, хотя там тоже наблюдается положительная динамика. В ноябре количество занятых в экономике выросло на 178 тыс. чел., а с января по ноябрь в среднем ежемесячно количество занятых увеличивалось на 180 тыс. чел., что несколько меньше, чем в 2015 г. (229 тыс. чел.). Уровень безработицы в течение года стабилизировался и колебался в диапазоне 4,6-5%, достигнув 4,6% в ноябре. Таким образом, американская экономика приблизилась к естественному уровню

безработицы, который, по оценкам членов Федерального комитета по открытым рынкам ФРС США (FOMC)²⁴, на сентябрь 2016 г. составил 4,5-5%.

Однако ситуация на рынке труда далека от идеальной. Доля экономически активного населения по-прежнему низка и примерно соответствует уровню 1977-78 гг.: в ноябре 2016 г. этот показатель составил 62,7%, что, однако чуть выше, чем 62,5% годом ранее. Общее количество занятых в экономике составило в ноябре 59,7% всего взрослого населения, что далеко от предкризисного максимума 2006 г. в 63,4%.

Динамика промышленного производства, как и в 2015 году, демонстрирует нестабильность. В первом и втором кварталах 2016 г. произошло снижение объема промышленного производства на 1,7% и 0,8% соответственно, и лишь в третьем квартале этот показатель вырос на 2%. Снижение в первом и втором кварталах было особенно сильно в добывающей промышленности – на 15,4% и 14,8% соответственно. Уровень промышленного производства по-прежнему находится под воздействием снижения цен на нефть, которое повлекло за собой уменьшение объемов производства в энергетик, и, в свою очередь, спроса на оборудование, металлы и другие промышленные товары. Последствия укрепления курса доллара и неопределенность на внешних рынках негативно влияют на уровень промышленных инвестиций в целом. Отсутствие доверия, определенности и видения перспектив у бизнеса также является важным негативным фактором.

Коэффициент использования производственных мощностей в октябре 2016 г. составил 75,3%, что на 4,7 п.п. меньше среднего многолетнего значения 1972-2015 гг. (80%).

Ситуация на автомобильном рынке продолжает оставаться оптимистичной. Продажи автомобилей в 2015 г. выросли на 5,7% по сравнению с предыдущим годом и достигли рекордного значения 17,5 млн., превысив предыдущий абсолютный максимум 2000 года. В 2016 г. продажи остаются на высоком уровне, и ожидается примерно такой же годовой объем продаж, как и в 2015 г. В сентябре 2016 г. продажи в годовом выражении составили 17,8 млн. автомобилей, а в октябре – 18,02 млн. Стабильно высокий уровень продаж обусловлен, в первую очередь, низкими ценами на бензин, низкими процентными ставками и, возможно, некоторым увеличением занятости.

Важной характеристикой экономической ситуации в США продолжает оставаться сочетание долго сохраняющегося высокого уровня корпоративных прибылей с низкими инвестициями. Корпоративные прибыли остаются рекордно высокими и держатся на уровне выше 2 трлн. долл. с 2012 года. В 2015 г. корпоративные прибыли составили почти 2,1 трлн. долл., а в I-II кварталах 2016 г. они колебались на уровне около 2 трлн. долл.

По оценке компании Moody's, нефинансовые компании США, входящие в составляемые этой компанией рейтинги, к концу 2016 г. доведут свои зарубежные запасы наличных средств до 1,77 трлн. долл. (в сравнении с 1,68 трлн. долл. на конец 2015 г.). При этом большая часть этих средств как генерируется, так и хранится за пределами США. Корпоративные запасы наличных средств за последние десять лет возросли более чем в два раза, при этом на долю технологических компаний приходится почти половина наличных средств, приходящихся на

²⁴ https://www.federalreserve.gov/faqs/economy_14424.htm

все американские нефинансовые компании²⁵. Так, запасы наличных средств компании Apple, по оценке Moody's, к концу 2016 г. превысят 250 млрд. долл., что соответствует более 14% всех запасов наличности нефинансовых компаний.

В 2016 г. происходил стабильный рост жилищного строительства и продаж новых домов. Продажи новых домов для одной семьи в сентябре 2016 г. выросли на 3,1% и достигли 593 тыс. в годовом выражении, а по сравнению с тем же месяцем предыдущего года увеличились на целых 29,8%. О восстановлении рынка жилищного строительства свидетельствует тот факт, что его ключевой показатель – объем запуска строительства нового жилья, – держится на уровне выше 1 млн. в годовом выражении с начала 2016 г. В октябре 2016 г. этот показатель вырос на 25,5% по сравнению с сентябрем и составил 1,323 млн., что является самым высоким значением с августа 2007 г. По сравнению с октябрем 2015 г. рост данного показателя в сентябре 2016 г. составил 23,3%.

В то же время, доля домохозяйств, имеющих собственное жилье, остается ниже критического уровня 65%, который считается «исторически нормальным»: во втором квартале 2016 г. этот показатель достиг 62,9% – самого низкого значения за 50 лет. Причинами являются медленный рост доходов и опережающий динамику доходов рост цен на жилье, которые росли в течение всего 2016 года. Ведущий сводный индекс цен на жилье в 20 крупных городах S&P CoreLogic Case-Shiller Index увеличился в августе 2016 г. на 5,1% по сравнению с августом предыдущего года. Медианная цена продажи нового дома в сентябре составила 313,5 тыс. долл., по сравнению с 307,6 тыс. годом ранее. Средняя цена продажи нового дома выросла соответственно с 367,8 тыс. долл. в сентябре 2015 г. до 377,7 тыс. долл. в сентябре 2016 г.

Основной проблемой американской экономики является недостаточный уровень инвестирования, обусловленный слабым спросом. Наблюдается недоиспользование производственных мощностей в промышленности, хранение прибылей в виде наличных средств вместо инвестирования, сохранение резерва рабочей силы на рынке труда. Поскольку американская экономика находится в фазе подъема, неполное использование производственных резервов в разных секторах объясняется не циклическими факторами. Текущий период характеризуется медленным ростом производительности труда, который составил в среднем за десятилетний период с 2006 г. по 2015 г. 1,26% в год. Для ускорения роста производительности необходимо возникновение новых потребностей в экономике и формирование соответствующего им спроса. Для достижения этой цели необходимо поощрение конкуренции, предпринимательства и инноваций и снятие излишних регуляторных ограничений. С другой стороны, к настоящему моменту мы наблюдаем явное исчерпание инструментов монетарной политики для стимулирования экономики. Низкая ставка рефинансирования и три раунда количественного смягчения помогли вывести экономику США из кризиса, но не могут дать ей импульс для ускорения темпов роста. Таким образом, несмотря на продолжающийся экономический рост и явные улучшения на рынке труда и жилищном рынке, в экономике США накопился ряд серьезных проблем, требующих принятия решительных мер и смены вектора проводимой экономической политики.

²⁵ Moody's Investors Service. https://www.moodys.com/research/Moodys-US-corporate-cash-pile-led-by-tech-sector-to--PR_357576

Неожиданное для многих избрание президентом Д.Трампа явилось лишь констатацией этой необходимости. Победа на президентских выборах Д.Трампа, который является несистемной фигурой, несмотря на то, что формально он баллотировался от республиканской партии, стала главным политическим событием прошедшего года, которое, безусловно, будет определяющим при прогнозировании дальнейшего экономического развития США.

В основе периодически происходящей смены экономической политики лежат потребности экономики, обусловленные ее циклическим развитием. Избиратели США достаточно чувствительны к этим потребностям. Длительное противостояние президента и конгресса вместе с обострением межпартийных противоречий в самом конгрессе сделали фактически невозможным принятие любых решений по ключевым вопросам экономической политики в последние шесть лет. При этом с точки зрения рядового избирателя парадоксальным образом произошло и чрезмерное сближение двух партий из-за их неспособности идти на компромиссы, необходимые для принятия решений, и чрезмерной концентрации на политических проблемах, имеющих большее значение для Вашингтона, но не для страны в целом. В результате отторжения электоратом обеих правящих партий, в ходе президентской кампании 2016 г. неожиданно для большинства экспертов сначала был выдвинут от республиканской партии, а затем и одержал победу «внесистемный» кандидат Д.Трамп, который построил свою предвыборную кампанию на критике политики Вашингтона в целом.

Однако избрание Д.Трампа демонстрирует и существование значительных брешей в экономической политике Б.Обамы, вызывавших недовольство той части избирателей, голоса которых определили избрание Д.Трампа. Несмотря на то, за Д.Трампа проголосовало 48% избирателей с доходом 50 тыс. долл. в год и выше (за Х.Клинтон – 47%), а доля таких избирателей составила 64% от общей численности избирателей, решающую роль в победе Д.Трампа сыграли белые представители нижней части среднего класса, в основном без высшего образования. Их напрямую затронули структурные проблемы на рынке труда, поскольку именно эта категория теряла работу из-за сокращения рабочих мест на территории США²⁶, как из-за вывода рабочих мест за рубеж, так и роста производительности труда. Многие из тех, кому удалось сохранить работу, находились вне зоны роста доходов: например, за десять лет с 2005 г. по 2015 г. средняя почасовая заработная плата в автомобильной промышленности упала с 22,14 до 21,5 долл. В то же время, в связи с проведением реформы здравоохранения, стоимость медицинской страховки для многих представителей нижней части среднего класса увеличилась. Все это определило голосование за Д.Трампа этой части населения. Эта категория избирателей, как правило, голосовала за представителей демократической партии, и в ходе предвыборной кампании, видимо, автоматически была зачислена штабом Х.Клинтон в ее сторонники. В результате их проблемам не было уделено должного внимания. Однако именно их голоса стали в итоге решающими для итогов выборов.

Анализ результатов выборов демонстрирует раздел страны еще по одному экономическому критерию. По данным Института Брукингса, американские избиратели четко разделились в зависимости от уровня деловой активности и вклада в экономику округов, в которых они проживают. За Х.Клинтон проголосовали всего 472 округа, но вклад этих округов в

²⁶ С 2000 г. занятость в промышленности снизилась на 5 млн. человек – с 17,3 млн. до 12,3 млн. человек.

американский ВВП составляет 64%. Д.Трампа получил голоса 2584 округов, на долю которых приходится производство всего 36% ВВП страны. Х.Клинтон выиграла выборы почти во всех крупных городских округах, а за Д.Трампа голосовали жители многочисленных небольших, слабо экономически развитых округов²⁷. Эти данные указывают на существование большого разрыва в уровне жизни населения в экономически развитых и отсталых округах и являются еще одним подтверждением того, что социальные проблемы существенной части населения долгое время не получали должного внимания.

Важнейшим фактором, способным повлиять на переход к качественно иным темпам роста, является само ожидание экономическими субъектами долгосрочного экономического роста. В настоящее время в американской экономике нет уверенности как бизнеса, так и потребителей в долгосрочных перспективах экономики. Отсутствие этого доверия является одним из ключевых факторов, негативно влияющих на экономическую ситуацию. Для того, чтобы переломить такое отношение, надо полностью сменить экономическую политику, как и полностью обновить кадровый состав тех, кто эту политику будет проводить. Обещания Д.Трампа дать бизнесу больше свободы, освободить его от излишнего налогового бремени и избытка регулирования, а также ожидание большей определенности в отношениях президента с конгрессом стали причиной того, что фондовый рынок отреагировал в целом положительно на его избрание. Банки, финансовые компании и бизнес ожидают позитивных перемен. Прежде всего это касается ослабления регулирования и налоговой реформы, а также обещанного роста расходов на оборону и масштабных инвестиций в инфраструктуру, призванных создать рабочие места и оживить деловую активность.

Пока трудно судить, какие из заявленных планов Д.Трампа воплотятся в жизнь и в каком именно виде, поскольку в ходе предвыборной борьбы он сделал много заявлений и обещаний, выполнить которые вряд ли будет возможно, и они, скорее всего, будут корректироваться. Однако уже сейчас можно обозначить контуры его будущей экономической политики. Основными элементами экономической программы Д.Трампа являются дерегулирование, крупные инвестиции в инфраструктурные проекты и налоговая реформа. Он собирается снизить налоги для всех категорий налогоплательщиков и значительно упростить налоговую систему, сделав ее более понятной и удобной. Предполагается снижение налога на корпоративную прибыль с 35% до 15%, а также ряд мер по уменьшению оттока корпоративных прибылей за рубеж и поощрению репатриации прибылей. В настоящее время трудно точно сказать, какие именно налоговые ставки будут введены, поскольку Д.Трампом и его командой делались разные заявления по этому поводу, к тому же изменения в налоговой системе должны утверждаться конгрессом. Однако общая установка на снижение налогов, как для корпораций, так и для физических лиц, особенно для среднего класса, была выражена достаточно ясно. Есть основания полагать, что налоговая реформа Д.Трампа будет поддержана республиканским конгрессом.

Д.Трампа также заявил о планах инвестировать 1 трлн. долл. в инфраструктуру в течение 10 лет и значительно увеличить расходы на оборону. При этом он не собирается сокращать расходы на социальные программы, считая, что дерегулирование, инвестиции и снижение

²⁷ https://www.brookings.edu/blog/the-avenue/2016/11/29/another-clinton-trump-divide-high-output-america-vs-low-output-america/?utm_medium=social&utm_source=facebook&utm_campaign=metro

налогов должны в конечном счете привести к росту доходов бюджета. Однако, по оценке Центра налоговой политики (Tax Policy Center), если обещания Д.Трампа по снижению ставки налогов претворятся в жизнь, это приведет к увеличению федерального долга на 7,2 трлн. долл. в течение десяти лет. Эта часть планов избранного президента может столкнуться с противодействием в конгрессе, поскольку большинство республиканцев выступают за сокращение социальных программ и настороженно относятся к идее увеличения расходной части бюджета.

Д.Трамп также обещал возродить угольную промышленность и вернуть миллионы рабочих мест в обрабатывающей промышленности. Однако эти его обещания скорее были направлены на привлечение социально забытого электората, чем основаны на экономической реальности. Упадок угольной промышленности США лишь отчасти вызван введением законодательных требований по установке очистных сооружений, которые Д.Трамп в принципе может и отменить. Главными причинами трудного состояния отрасли является низкий спрос на уголь за счет роста производства нефти и газа, а также высокие издержки производства. Вряд ли Д.Трамп сможет как-то повлиять на эти факторы. То же касается и сокращения рабочих мест в обрабатывающей промышленности, которое происходит из-за объективных процессов автоматизации и роста производительности труда, а вновь создаваемые там рабочие места предъявляют более высокие требования к квалификации занятых в отрасли работников.

Возрождение строительства, особенно в связи с масштабными инвестициями в инфраструктуру, должно, по плану избранного президента, способствовать созданию новых рабочих мест. После краха рынка жилищного строительства в 2008-2009 гг. строительную отрасль покинули около 30% занятых в ней работников. По состоянию на сентябрь 2016 г. в строительстве было открыто 221 тыс. вакансий, что сравнимо с показателями 2007 года. Это указывает на хорошие перспективы для занятости строительных рабочих, потерявших работу в кризис, или бывших промышленных рабочих. С другой стороны, крупные инфраструктурные проекты должны положительно сказаться на компаниях, производящих строительное оборудование, сталелитейных и подобных компаний, таких как Caterpillar, John Deere, U.S. Steel.

Другие планы Д.Трампа включают сокращение и повышение эффективности работы государственного аппарата, рост собственной добычи энергоносителей, отмену или пересмотр отдельных положений закона Додда-Франка о реформе финансовых рынков и защите потребителей финансовых услуг, который он резко критиковал во время избирательной кампании. После избрания Д.Трамп уже не говорит о полной отмене закона, а лишь об отмене той его части, которая касается ограничений выдачи кредитов. Однако пока не очень понятно, о какой именно части закона идет речь. Что касается реформы здравоохранения «Обамакэр», Д.Трамп, до избрания обещавший полностью отменить эту реформу, после выборов несколько сменил тон, и собирается пересмотреть лишь некоторые ее положения.

Д.Трамп также заявлял, что США прекратят участвовать в экологических программах и выйдут из Парижского соглашения по климату. Избранный президент занимает жесткую протекционистскую позицию в вопросах торговли, выступает за блокирование

Транстихоокеанского партнерства, неучастие США в Трансатлантическом торговом партнерстве, выход из НАФТА и даже из ВТО. Скорее всего, реально он будет пытаться пересмотреть условия торговых договоров на более выгодных для США условиях. Во время предвыборной кампании Д.Трампа обещал ввести запретительные тарифы и налоги (до 35-45%) на товары из Китая и Мексики. Это вызывает большие опасения у экспертов, поскольку такие шаги могут привести к торговым войнам, нарушению цепочек поставок и убыткам для американских промышленных компаний, а также негативно сказаться на уровне жизни американских потребителей. В то же время, протекционистская позиция Д.Трампа может не совпасть с мнением республиканского большинства конгресса. Однако в последние месяцы многие республиканские конгрессмены, традиционно поддерживающие свободу торговли, стали отказываться от этой поддержки, склоняясь к усилению протекционистских мер. Поэтому не исключена возможность, что в ряде случаев дело дойдет до проведения переговоров по изменению условий торговых соглашений. Что же касается введения тарифов, то у президента США есть некоторые законодательные возможности вводить и отменять тарифы без участия конгресса, и теоретически Д.Трампа может ими воспользоваться, хотя это, безусловно, повлечет за собой негативную реакцию и, возможно, даже судебные иски.

Д.Трампа неоднократно критиковал ФРС и ее главу Дж.Йеллен (которую он даже обещал уволить во время предвыборной кампании) за то, что, по его мнению, она сознательно не поднимала целевой уровень ставки по федеральным фондам во время избирательной кампании и даже обвинил ФРС в создании «дутой экономики» (false economy), имея в виду, что искусственно низкие процентные ставки искажают реальное положение дел в экономике и способствуют манипуляциям и созданию пузырей на финансовых рынках. Д.Трампа является противником низких процентных ставок, которые, по его мнению, невыгодны для огромного количества людей, получающих из-за этого небольшой процент на свои сбережения, что было важным пунктом его предвыборной повестки. Однако, учитывая, что ФРС в декабре 2016 г. с большой долей вероятности повысит целевой уровень ставки еще на 0,25 п.п. – до 0,5-0,75%, а срок полномочий Дж.Йеллен истекает в 2018 г., возможно, он не будет предпринимать никаких резких действий для ее отставки до этого срока. К тому же, в 2017 г. должны быть заполнены два вакантных места в Совете управляющих ФРС, и Д.Трампа сможет назначить на эти вакансии своих сторонников.

К тому же, сейчас внутри ФРС есть понимание того, что резервы монетарного воздействия на экономику исчерпаны, и надо уделять больше внимания бюджетно-налоговой политике. Заместитель главы ФРС С.Фишер в конце ноября 2016 г. заявил, что «макроэкономическая политика не должна быть ограничена монетарной политикой» и что возможно использование некоторых инструментов бюджетно-налоговой политики, особенно тех, которые приведут к росту производительности труда.²⁸ Этот подход вполне согласуется с позицией Д.Трампа в отношении уменьшения налогов и роста государственных инвестиций.

Избрание Д.Трампа, несмотря на его неожиданность и одиозность фигуры избранного президента, вполне вписывается в логику объективного циклического развития американской экономики. При назревании необходимости изменений в экономике происходит смена

²⁸ <https://www.federalreserve.gov/newsevents/speech/fischer20161121a.htm>

направления движения «регуляторного маятника», совпадающая с приходом к власти представителя альтернативной партии. Периодический переход власти между демократической и республиканской партиями позволяет провести в жизнь назревшие перемены в экономической политике. При этом полного разворота экономической политики, конечно, не происходит, поскольку основополагающие стратегические цели обеих партий в принципе остаются неизменными: это сохранение американского экономического лидерства, стабильность и конкурентоспособность экономики, поощрение предпринимательства и инновационности. И сейчас речь идет не о смене стратегических приоритетов, а о смене средств достижения этих целей, то есть инструментов экономической политики.

Результаты прошедших выборов убедительно показали необходимость существенной перестройки как политической, так и социально-экономической модели США, что, в свою очередь, неизбежно скажется и на мировом экономическом развитии. В наших предыдущих прогнозах мы неоднократно отмечали, что в США назрела необходимость реформ. Возможности проводимой американской ФРС сверхмягкой монетарной политики стимулирования экономики, по-видимому, уже некоторое время назад были исчерпаны. Переход к активному использованию бюджетно-налоговых мер напрашивался уже давно. Это же касается и других элементов экономической политики, предлагаемых Д.Трампом – комплексной налоговой реформы, масштабных инвестиций в инфраструктуру и дерегулирования, т.е. мер, направленный на рост инвестиционного и потребительского спроса и ускорение экономического роста. Д.Трамп выиграл выборы, декларируя именно эти цели, и есть основания полагать, что многие из них будут им достигнуты. От президентства Д.Трампа можно ожидать улучшение общего экономического климата, смягчение правил регулирования экономики, изменения тона общения с бизнесом и с финансовыми институтами, что может привести в американскую экономику возрождение доверия к будущему росту. Этому доверию должно не в последней мере способствовать и снятие проблемы регуляторного коллапса, когда из-за противостояния президента и конгресса было практически невозможно принятие каких бы то ни было решений. Если будут снижены налоги и возвращено доверие бизнеса, то возможна репатриация прибылей, возвращение существенной доли населения в ряды рабочей силы, создание новых рабочих мест и более быстрый экономический рост. В случае успеха стимулирующих мероприятий можно ожидать роста цен и возвращения уровня инфляции на уровень 2% и более уже в 2018 г. Мы прогнозируем рост экономики США на 2,5-3% в 2017 г. и возможный дальнейший выход экономики США на среднесрочную траекторию более быстрого роста.

Таблица 18. Основные показатели экономики США, %

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016 (оценка)	2017
ВВП	1,8	-0,3	-2,8	2,5	1,6	2,2	1,7	2,4	2,6	1,6	2,4
Промышленное производство	2,5	-3,6	-11,5	5,5	2,9	2,8	1,9	2,9	0,3	-0,8	1,0
Потребительские расходы	2,2	-0,3	-1,6	1,9	2,3	1,5	1,5	2,9	3,2	2,7	3,2
Частные производственные капиталовложения	-3,1	-9,4	-21,6	12,9	5,2	10,6	6,1	4,5	5,0	-1,7	2,5
Инвестиции в жилье	-18,8	-24,0	-21,2	-2,5	0,5	13,5	11,9	3,5	11,7	5,8	6,5
Государственные расходы и инвестиции	1,6	2,8	3,2	0,1	-3,0	-1,9	-2,9	-0,9	1,8	1,0	2,0
Потребительские цены*	2,8	3,8	-0,4	1,6	3,2	2,1	1,5	1,6	0,1	1,1	1,8
Уровень безработицы**	5,0	7,3	9,9	9,4	8,5	7,9	6,7	5,6	5,0	4,7	4,8

*Индекс, включающий расходы на энергоресурсы и продовольствие.

** Доля в экономически активном населении, на конец года

Япония

Экономика Японии находилась в режиме хронической дефляции 18 лет (1997-2015). За эти годы страна утратила положение второй после США державы по доле в мировом ВВП и международной торговле. К 2010 г. на второе место вышла экономика Китая. Доля Японии в мировом экспорте товаров снизилась с 9,8% в 1993 г. до 2,5% в 2015 г. Внешнеторговые связи несколько сместились в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона, на который в 2015 г. пришлось 51% японского экспорта против 45% в 2010 г..²⁹

При этом не стоит преуменьшать экономический потенциал Японии. По уровню жизни (ВВП на душу населения – 32 тыс. 485 долл.) Япония входит в одну группу с Великобританией, Италией, Францией, Финляндией³⁰.

Япония располагает вторыми в мире золотовалютными резервами – 1 262, 6 млрд. долл. против 3 305, 4 млрд. долл. у Китая³¹. Японская иена отнюдь не региональная валюта: она обслуживает почти четверть мирового платёжного оборота. Япония - крупнейший кредитор иностранных правительств. В 2016 г. из 14 трлн. долл. государственного долга США 1,25 млрд. долл. принадлежало Китаю и 1,15 трлн. долл. – Японии.³²

«Когда правительство Абэ пришло к власти, в экономике страны преобладало ожидание хронической дефляции... Менеджеры корпораций и обычные граждане утратили уверенность в себе и надежду на будущее...Первоклассные технологии не находили применения. Финансовые ресурсы домашних хозяйств и внутренние резервы компаний не могли использоваться в Японии». Это не выдержка из газетной статьи, а цитата из правительственного документа «Стратегия восстановления потенциала Японии»³³.

В сентябре 2015 г Абэ Синдзо был переизбран на пост главы правящей Либерально-демократической партии на срок до 2018 г. Руководство ЛДПЯ автоматически обеспечивает пост премьер-министра на этот же срок. Оценивая ситуацию в стране и учитывая свои политические интересы, правительство пересмотрело приоритеты своей экономической политики и сроки осуществления её мероприятий и опубликовало новую, вторую программу реформ.

В новой программе содержится новая иерархия приоритетов. Восстановление экономического роста объявлено более важным приоритетом, чем оздоровление государственных финансов. Всё внимание в новой программе обращено на стимулирование внутреннего спроса.

В этой программе поставлена амбициозная задача – остановить снижение численности населения Японии. Для этого предполагается поднять коэффициент фертильности до 1,8 (хотя для стабилизации численности населения необходим коэффициент 2,1), создать широкую сеть муниципальных детских садов (эта мера рекламируется как забота о будущих поколениях японцев) и увеличить численность работающих женщин, хотя они и так составляют более половины занятого населения.

Эта программа носит отчётливо выраженный популистский характер и для своей реализации потребует радикального увеличения социальных расходов в государственном бюджете. В бюджете на 2016/2017 фин. год на социальные нужды отведено 33% расходов,

²⁹ Данные Мирового Банка <http://data.worldbank.org>

³⁰ Данные МВФ на 2016 г. по паритету покупательных сил валют. <http://www.imf.org>.

³¹ Данные МВФ на апрель 2016 г. IMF World Economic Outlook, April 2016. <http://www.imf.org>.

³² Данные Федеральной Резервной Системы США. <http://www.federalreserve.gov>.

³³ “Japan Revitalization Strategy”, June 24th, 2014. <http://www.kantei.go.jp>

но при том, что обслуживание государственного долга «съедает» 22% расходной части бюджета, такое решение демографической проблемы в настоящее время маловероятно³⁴.

Другую важную часть этой программы представляет новая промышленная политика, направленная на привлечения инвестиций на внутренний рынок. Как видно из официального текста программы, прежде всего, имеются в виду инвестиции в НИОКР. Правительственное Агентство по делам науки и техники включило в список приоритетных направлений технологии производства и использования энергии из возобновляемых источников, искусственный интеллект, новейшие информационно-коммуникационные технологии, робототехнику, разработку новых лекарственных препаратов, машинное распознавание образов и т.д.³⁵. Агентство распоряжается бюджетными субсидиями для развития этих направлений.

В наиболее развитых странах технический прогресс идёт именно в этих направлениях. Но эта часть программы ещё не проработана, новый план поддержки НИОКР не разработан и формы стимулирования новых направлений не определены. Поставлен только общий количественный ориентир: при номинальном темпе роста свыше 3% и реальном в 2% довести ВВП страны до 600 трлн. иен (4.94 трлн. долл.). Правда, по оценке Банка Японии, в нынешней демографической ситуации потенциальный прирост японской экономики не превышает 0,21% в год.

Согласно прогнозу Кабинета министров, только в 2020 г. можно будет выйти на первичный профицит государственного бюджета (чистое превышение доходов над расходами без обслуживания накопленного долга). Для этого придётся компенсировать выпадающие из-за налоговой реформы поступления в размере 9,4 трлн. иен (\$75,1 млрд.).

Япония связывает надежды на стимулирование экономического роста с заключением в конце сентября 2015 г. многостороннего соглашения о создании Транс-Тихоокеанского партнёрства (ТТП). Соглашение о свободной торговле в составе 12 стран³⁶ охватывает регион, на который приходится 36% мирового ВВП. Оно открывает рынок для импорта дешёвого продовольствия, который угрожает японским фермерам, но выгоден потребителям. По соглашению о ТПП Япония постепенно отменит тарифы на 95% позиций своего импорта, в том числе на 100% промышленных и 88,4% сельскохозяйственных товаров, кроме риса, говядины, свинины и молочных продуктов. Кроме того, ТПП предусматривает снижение барьеров для иностранных капиталовложений и открытие для конкуренции таких секторов, которые находятся под протекционистской защитой (в Японии это сельское хозяйство), а также защиту прав интеллектуальной собственности в инновационных отраслях (например, в фармацевтике). По оценке американского Института мировой экономики Петерсона, Япония получит наибольшие, по сравнению с другими странами, выгоды от участия в этом партнёрстве. Благодаря участию в ТТП, к 2025 г. экспорт и импорт товаров возрастет на 140 млрд. долл. в год, а ВВП на более чем 100 млрд. долл.³⁷.

Последний по времени публикации прогноз, составленный ведущим аналитическим центром Японии на 2016/2017, 2017/2018 и 2018/2019 годы (до апреля 2019 г.) выглядит следующим образом (табл. 19).

³⁴ Highlights of the Budget for FY2016. <http://www.mof.gj.jp>.

³⁵ Science and Technology Basic Plan. <http://www.jst.go.jp>.

³⁶ Переговоры о ТПП начались в 2012 г., Япония присоединилась к ним в 2013 г. 12 участников ТТП - Австралия, Бруней, Вьетнам, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили и Япония.

³⁷ Цит. по публикации в газете The Nikkei, November 27, 2015.

Таблица 19. Прогноз Японского центра экономических исследований (приросты на годовом уровне, %)

	2016/2017	2017/2018	2018/2019
ВВП в ценах 2005 г.	0,9	0,9	0,7
Личное потребление	0,6	0,9	0,9
Частное жилищное строительство	5,8	-2,8	-0,5
Частные капиталовложения	1,2	4,0	-5,3
Государственные капиталовложения	0,2	0,0	0,0
Экспорт товаров и услуг	0,3	0,5	1,0
Импорт товаров и услуг	-1,2	1,6	1,0
ВВП в текущих ценах	1,0	0,9	0,9
Индекс промышленного производства	0,4	0,9	0,4
Оптовые цены	-2,6	0,7	0,3
Розничные цены	-0,3	0,6	0,8
Динамика заработной платы	1,7	1,0	1,1
Безработица	3,0	3,0	2,9
Доходность гособлигаций с 10-летним сроком погашения	-0,089	-0,019	-0,010
Фондовый индекс Никкэй	16,764	17,901	16,888
Курс иены к доллару	104,8	106,9	108,7
Цена нефти WTI, \$/баррель	45,7	51,1	54,5

Источник: #168 Quarterly Forecast of Japanese Economy (2016/10-12 – 2019/1-3), Tokyo, December 5, <http://jcer.org>

Аналитики Центра оценили возможные темпы экономического роста выше потенциала, рассчитанного Банком Японии. Они предполагают, что к 2017 г. с дефляцией будет покончено.

Таблица 20. Прогноз аналитиков Банка Японии (% на годовом уровне).

	ВВП в ценах 2005 г.	Индекс розничных цен
2016	+0,8 → +1,0	- 0,3 → -0,1
2017	+1,0 → +1,5	+0,6 → +1,6
2018	+0,8 → +1,0	+0,9 → +1,9

Источник: Outlook for Economic Activity and Prices (October 2016). November 1, 2016 Bank of Japan.

Темпы роста ВВП в 2016 году оценены примерно также, а в дальнейшем немного выше, чем в прогнозе Центра. Окончание дефляции предполагается в 2017 году и динамика цен будет немного выше. В последнем по времени публикации прогнозе Международного валютного фонда прирост ВВП Японии оценивается ниже: в 2016 календарном году он составит 0,5% и в 2017 году 0,6%.³⁸

³⁸ IMF World Economic Outlook, October 2016.

Китай

В 2017 г. экономическая ситуация в Китае будет стабильной. Руководство Китая заинтересовано в демонстрации своих экономических успехов для поддержания социальной стабильности внутри страны, а также для успешного продвижения своих внешнеэкономических инициатив («Один пояс, один путь», Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство, зоны свободной торговли). При этом от успешной внешнеэкономической политики зависит и будущее экономики Китая, т.к. внутренние резервы развития практически исчерпаны и для поддержания дальнейшего экономического роста необходимо использование глобальных ресурсов.

Вместе с тем, основные структурные проблемы в экономике Китая не решены: снижение темпов прироста объема экспорта, медленный прирост объема потребления домохозяйств, избыточные производственные мощности, нерентабельные фирмы – «зомби», большой объем невозвратных долгов, как корпоративных, так и региональных властей, рост стоимости жилья. Однако уровень критичности указанных проблем в краткосрочной и среднесрочной перспективе не высок.

В следующем году, исходя из заявлений Си Цзиньпина, сделанных им на прошедшем в Китае в сентябре 2016 г. Саммите G-20, китайское руководство будет прикладывать сверхусилия для демонстрации мировому сообществу и китайской элите следующего:

Во-первых, китайская экономика сохраняет потенциал длительного роста, китайской статистике можно доверять, Китай способен продолжать структурные реформы и поддерживать рост, Китай является «надежным и ответственным партнером для всех стран», Си Цзиньпин является «авторитетным лидером», полностью контролирующим ситуацию в Китае.

Во-вторых, Китай будет демонстрировать готовность взять на себя лидерство в развитии мировой экономики, предложив всем странам, в частности, координировать политику национальных структурных реформ.

В-третьих, Пекин будет на деле подтверждать свои претензии на роль одного из финансовых лидеров мировой экономики – через механизмы Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и другие финансовые механизмы, обеспечивающие реализацию концепции «Один пояс, один путь» (Фонд Шелкового Пути, Новый банк развития БРИКС и др.).

В целом в 2017 г. Пекин сохранит статус одного из главных мировых инвесторов. По итогам 2016 г. объем китайских прямых иностранных инвестиций в нефинансовый сектор мировой экономики составил более 120 млрд. долларов. Объем инвестиций в строительные проекты составил более 100 млрд. долларов. Число китайских рабочих на зарубежных стройках в 2016 г. достигло почти 1 млн. человек³⁹.

Основные экономические показатели в 2017 г. будут изменяться разнонаправленно. Вместе с тем, острых кризисных ситуаций не ожидается. Китайские экономисты продвигают тезис о выходе Китая на новый уровень экономического развития, который отличается большей диверсификацией производства и более высоким технологическим уровнем. Поэтому оценивать темпы экономического развития Китая по одному критерию – ВВП уже не совсем правильно.

³⁹ По данным Государственного статистического управления КНР: <http://www.stats.gov.cn>

В следующем году продолжится дискуссия о реформе государственных компаний. В 2016 г. правительство Китая определилось с основным механизмом решения проблемы убыточных (избыточных) корпораций – это слияния и поглощения предприятий, работающих в одной отрасли.

Основными причинами для слияния являются финансовые убытки поглощаемых компаний, а, с другой стороны, стремление создать гигантов, которые могли бы реализовывать крупные международные проекты, и достичь большей эффективности благодаря «эффекту масштаба производства».

Вместе с тем, положительный эффект от создания «гигантов» будет ограничен. Во-первых, объединенные компании были достаточно крупными и до слияния. Например, компания COSCO и до слияния с China Shipping Group считалась крупнейшим в мире морским перевозчиком. Во-вторых, слияние крупнейших компаний, работающих в одной отрасли, приводит к снижению конкуренции и, следовательно, эффективности работы созданных гигантов.

В 2017 году сохранится тенденция опережающего роста инновационного и высокотехнологичного секторов экономики.

На рынке недвижимости сохранится тенденция к росту цен. По итогам 2016 г. цены в 15 крупнейших городах выросли. Рост цен на недвижимость может быть подтверждением негативной тенденции снижения интереса к осуществлению инвестиций в реальный сектор экономики из-за замедления темпов экономического развития.

Новые шаги будут предприняты властями Китая в сфере борьбы с компаниями-зомби. В городах Пекине, Шанхае, Тяньцзине и Чунцине будут созданы специальные суды (трибуналы) по банкротству и ликвидации неэффективных компаний. Следующим этапом станет учреждение таких же судов в 11 провинциальных административных центрах включая провинции: Хэбэй, Цилинь, Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, Шаньдун, Хэнань, Хубэй, Хунань, Гуандун и Сычуань⁴⁰. Создание таких судов рассматривается властью как основной механизм борьбы с компаниями-зомби, избыточными мощностями и неэффективными корпоративными подразделениями. Эти вопросы, теоретически, находятся в ведении судов общей юрисдикции, однако, считается, что им не хватает компетенции, а процедура принятия решений «бюрократически затянута». Вместе с тем, резкого улучшения ситуации ждать пока рано – по мнению китайских экономистов, должно пройти время, во-первых, для формирования корпуса профессиональных судей, во-вторых, для наработки опыта проведения самой процедуры банкротств.

Постепенно обостряется проблема плохих долгов, объем которых в китайских банках достиг наивысшей отметки с 2004 года. По состоянию на середину 2016 г. объем невозвращенных кредитов превысил 50 млрд долл. – около 14% от общего объема выданных кредитов⁴¹. Для решения этой проблемы власти Китая запускают новую программу сокращения плохих долгов, которая будет отличаться от программ 1999 и 2011 гг. (по этим программам специально созданные финансовые институты получили от государства около 200 млрд долларов субсидий для выкупа плохих долгов). Согласно новой программе – финансовый институт не может рефинансировать задолженность по кредиту, если не предоставлен залог или план выплаты заемных средств. В дополнение к этому государственные банки исключены из данной программы и не предоставляют финансирование. Государство, в условиях замедления экономического роста, стремится уменьшить собственные риски, перекладывая их на частный сектор.

⁴⁰ <http://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/2002547/chinas-top-court-takes-step-kill-zombie-companies>

⁴¹ <http://www.scmp.com/business/banking-finance/article/2041402/chinas-big-5-banks-lost-274-billion-yuan-bad-debt-write>

Власти Китая начинают предоставлять большую финансовую самостоятельность регионам в рамках налоговой реформы, которая предпринята с целью перераспределения налоговых поступлений между региональным и центральным бюджетами. Основная цель реформы – предоставить местным властям больше финансовых прав при распределении социальных услуг и выплат. Реформа направлена на упрощение и большую открытость таких процедур.

Бюджетам низшего уровня будет предоставлена возможность самим определять первоочередные расходы на социальное обеспечение. Сейчас объем расходов региональных бюджетов оценивается примерно в 60% от общегосударственных. Действующая налоговая система, запущенная в 1994 г., перераспределяла большую часть налоговых поступлений в пользу центрального бюджета. Вместе с тем, на региональных бюджетах лежала большая ответственность за неисполнение обязательств.

Центральные власти практически удваивают число «свободных экономических зон» по всей стране по типу Шанхайской зоны свободной торговли, которая начала функционировать в 2013 году. Такие ЗСТ, с правом совершения трансграничных торговых и финансовых операций и инвестиций, будут созданы в провинциях Чунцин, Чжэцзян, Хубэй, Хэнань, Сычуань, Шэньси и Ляонин. Планируется, что вскоре в этих ЗСТ будет введена полная конвертация юаня, а процентная ставка будет определяться рыночными условиями.

Важным процессом в 2017 г. будет адаптация юаня к существованию в новых условиях – 1 октября 2016 г. юань официально включен в состав валютной корзины СДР Международного валютного фонда. Важно отметить, что юань – это единственная из валют, которая включена в корзину СДР будучи еще не полностью конвертируемой – до сих пор сохранены ограничения на свободное трансграничное передвижение юаня, а также на некоторые операции внутри Китая. Эксперты МВФ полагают, что потребуется 2-3 года для обеспечения полной конвертации юаня.

Вместе с тем, на пути реальной глобализации китайской валюты есть еще не мало препятствий. Во-первых, национальные центральные банки достаточно консервативны. На юань пока приходится лишь 1% мировых золотовалютных резервов.

Во-вторых, для увеличения доли юаня в составе мировых золотовалютных резервов, юань должен продемонстрировать свою стабильность. В первые 3-5 лет этого сложно будет добиться, т.к. в самом Китае нарастают серьезные экономические дисбалансы, связанные с переходом к новому этапу развития китайской экономики. А Народный банк Китая пока не выработал эффективных механизмов регулирования стоимости валюты при полной либерализации ее курса. Кроме того, на курс юаня будут оказывать влияние и международные валютные спекулянты.

В-третьих, на долю юаня в мировой финансовой системе или в золотовалютных резервах будет оказывать влияние не столько статус свободно конвертируемой валюты, входящей в состав СДР, сколько реальный спрос на юань – который в ближайшее время может снижаться в связи с замедлением темпов экономического развития Китая и сокращением объемов его внешней торговли.

В-четвертых, сами китайские власти могут не торопить полную либерализацию юаня, опасаясь увеличения оттока капитала из страны.

В целом экономическая ситуация в Китае в 2017 г., как мы уже отмечали, будет стабильной. Предстоящий период является исключительно важным для экономики Китая – т.к. в кратко- и среднесрочной перспективе станет ясно, смогли китайские власти решить структурные проблемы и перейти на новый уровень экономического развития.

Индия

Положение экономики Индии является устойчивым, а динамика основных макроэкономических показателей – в целом положительная. Считается, что для преодоления поляризованного характера (дезинтеграции, имеющей исторический характер) хозяйства требуется поддерживать темпы экономического роста не менее 7% в год. Правительство предпринимает активные усилия по стимулированию притока иностранных инвестиций, пытается снизить уровень т.н. «продовольственной» инфляции (как правило, вызывающей непредвиденные дисбалансы в национальной экономике), ограничить субсидирование энергоносителей (чему способствует снижение цен на углеводороды в мире). Помимо этого, имеются планы реформирования аграрной сферы экономики, ускорения темпов реализации инфраструктурных проектов.

Последние обстоятельства имеют принципиальное значение, поскольку неадекватность инфраструктуры требованиям развития современного хозяйства, «вялая» динамика агропромышленного производства (минимальные для поддержания внутривнутриполитической стабильности темпы роста – 4%), не уменьшающееся число людей, находящихся за «чертой бедности» (представляющих в своем большинстве низшие касты и мусульман) – эти и некоторые другие факторы остаются главными тормозами экономического роста и развития Индии. Важным фактором торможения динамики развития инфраструктуры может стать отказ Индии по политическим мотивам принимать китайские инвестиции в инфраструктурные проекты. Повлияют на динамику роста в 2017 г. и такие факторы, как неустойчивость и непредсказуемость международных финансовых рынков, зависимость индийской экономики от импорта углеводородов.

В последнее время правительство Индии приняло меры по стимулированию роста и развития. Поскольку правящая ныне в Индии Бхаратия Джаната Парти (БДП) в большей, чем Индийский национальный конгресс (ИНК), степени выражает интересы предпринимательской прослойки, кабинет Н.Моди стремится облегчить доступ иностранных инвестиций в оборонные отрасли промышленности¹, страховой сектор, телекоммуникационный кластер, развитие железнодорожной сети. В 2017 г. правительство Н.Моди обещает новые меры поддержки экспортеров, а также благоприятные условия для ведения бизнеса в особых экономических зонах на территориях «интенсивной» инвестиционной и производственной активности. Особое значение придается стимулированию программы «делайте в Индии» (в т.ч. за счет привлечения зарубежных технологий и организационного опыта), что, как предполагается, позволит «загрузить» индийские предприятия. Не меньшее значение в правительстве придают программам «умные города» и «цифровая Индия».

Как и в предыдущие годы, в 2017 г. перед Индией будет стоять проблема субсидий на продукты питания (входящие в систему «базовых нужд») для беднейших слоев населения. Размеры продовольственных субсидий (объем которых оценивается в 6,5-7 млрд долл.) создают дополнительную нагрузку и на бюджет, и на хозяйственную систему в целом. Поэтому некоторые экономисты полагают: залогом политической стабильности в стране должны стать показатели экономического роста не 7%, а 8%.

Также отмечается влияние геополитических факторов на состояние платежного баланса страны. Известно, что значительная часть дефицита платежного баланса покрывается

¹ Впрочем эта политика «облагораживания» ОПК началась еще при правительстве ИНК во главе с Манмоханом Сингхом, и ее цель, в сущности, политическая – добиться своеобразного «паритета» возможностей с военно-промышленным комплексом Китая.

денежными переводами (remittances) индийцев, работающих в странах Персидского залива. Неустойчивое экономическое положение некоторых государств данного региона может, как полагают финансовые аналитики, лишить бюджет необходимых источников покрытия его дефицита.

Экономисты отмечают, что нынешняя экономическая ситуация испытывает на себе влияние растущего социального нетерпения большинства населения, особенно молодежи (18-35 лет). Помимо этого, общие высокие показатели экономического роста скрывают замедленную динамику развития обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства (что создает проблемы для политической стабильности в стране). Энергичный экономический рост, полагают в Индии, должен сопровождаться фундаментальным преобразованием всего хозяйства, частью которого выступает программа «Make in India». Медленно решается проблема выравнивания дисбалансов в развитии индийских штатов (особенно наиболее населенных северных и центральных); более того, диспаритеты развития между штатами имеют тенденцию к углублению.

Тем не менее, журнал «Forbes» счел возможным повысить прогнозное значение темпов экономического роста для Индии на 2017 г. до 7,8% (в 2016 г. – 7,7%). Авторы обосновывают свои предположения следующим образом: состояние экономики Индии во многом зависит от положения в сельском хозяйстве, а муссоны предполагаются более обильными, чем предыдущие. Следовательно, снижаются риски инфляции, что увеличит потребление и поддержит экономический рост. Впрочем, ситуация с притоком инвестиций из-за рубежа пока не выглядит определенной, завися в конечном счете от стимулирующих действий правительства Н.Моди. Решения об облегчении доступа иностранного капитала уже приняты, однако зарубежные компании пока проявляют осторожность, помня о тех дополнительных сложностях, которые возникали для деятельности иностранного капитала в совсем недавнем прошлом. Привлекательными отраслями для иностранного капитала остаются энергетика, добывающая промышленность, дорожное строительство, металлургия.

Сходной логикой руководствуются и аналитики прогностической службы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Согласно их представлениям, экономический рост на 2017 г. останется стабильным, хотя его показатели будут выглядеть немного скромнее – 7,5%. Потребление будет стимулироваться как ростом накоплений, так и замедлением инфляционных процессов. Рост внутренних инвестиций будет происходить постепенно, по мере укрепления финансового положения компаний частного корпоративного сектора и банков. Часть их накоплений, как предполагается, будет направлена на развитие инфраструктурных проектов в штатах (что может стабилизировать социально-политическое положение в регионах Индии, включая «проблемные»).

Согласно прогнозам ОЭСР, снизить темпы роста инфляции в 2017 г. властям Индии не удастся (данная оценка противоречит прогнозам экспертов Forbes). Поэтому возможности расширения программ социальной политики останутся ограниченными. Финансовое положение страны будет зависеть от повышения эффективности сбора налогов, тогда как показатели экономического роста будут напрямую зависеть от: 1) улучшения качества рабочей силы; 2) модернизации трудового законодательства и увеличения гибкости рынка труда; 3) освобождения предпринимательской деятельности от бюрократических ограничений.

«Качество роста» Индии напрямую связано, полагают эксперты ОЭСР, с системной трансформацией аграрного сектора (по-прежнему абсорбирующего около 50% занятых в стране). Модернизация сельского хозяйства включает в себя в первую очередь «консолидацию» фермерских хозяйств на основе комплексной механизации их

деятельности, сопряженной с качественным улучшением системы хранения продукции, логистики и транспортной инфраструктуры. Эксперты ОЭСР в качестве важного условия реальной модернизации экономики Индии выдвигают доступность для экономически активного населения современного качественного здравоохранения и ориентированного на специфику трудовой деятельности образования, которые рассматриваются как «ключевые» факторы повышения «продуктивности» хозяйства и более равномерного распределения в индийском обществе результатов экономического роста.

Сдержанную оценку перспектив Индии в 2017 г. со стороны специалистов ОЭСР не разделяют некоторые местные экономисты. Так, индийский эксперт Гаурав Айер (Gaurav S.Iyer) полагает: нет фундаментальных факторов, способных поколебать перспективы форсированного экономического роста Индии в 2017 г. «Полем» расхождения с экономистами ОЭСР является оценка масштабов притока иностранных инвестиций. По мнению этого автора, уже в 2015/16 финансовом году объем прямых иностранных инвестиций в индийскую экономику увеличился на 29% – с 30,93 млрд до 40 млрд долл. Г.Айер, соглашаясь со специалистами ОЭСР в «идентификации» основных сфер приложения ПИИ (угле- и нефтедобыча, газоразведка и газоразработка, работа по проектам в области возобновляемых источников энергии), расходится с ними в оценке потребления энергоносителей в Индии в 2017 г. Правда, автор не приводит конкретные цифры, а предпочитает опираться на свою интуицию, а также на индивидуальную трактовку данных «Индекса доверия потребителей Индии» (India's Consumer Confidence Index), который указывает на «устойчиво оптимистический» настрой индийских потребителей (т.е. среднего класса).

Тем не менее автор вынужден признать: медленное оживление мировой экономики не позволит Индии иметь в 2017 г. темпы экономического роста выше 7,6%. Оценка Г.Айера все же выглядит более сдержанной, чем прогностический сценарий Азиатского банка развития (7,8%).

World Economic Outlook предлагает свои резоны для оценки темпов экономического развития Индии. По мнению специалистов МВФ, значительная часть экономического роста в стране в предыдущие годы «наполнялась» зарубежными инвестициями. По мнению экспертов, инерция роста в 2017 г. сохранится, но будет менее выраженной, чем ранее. Приводятся две основные причины замедления темпов роста экономики до 7,4%: 1) восстановление зарубежных инвестиций происходит более медленными, чем ранее предполагалось, темпами; 2) эксперты принимают возможное «корректирующее» влияние динамики развития сельскохозяйственного производства в 2017 г.

Социально-экономический тонус индийского общества проявляется в штатах. Проверкой на прочность экономического курса правительства Н.Моди станут выборы в законодательные собрания (парламенты) нескольких штатов, среди которых выделяются: Уттар Прадеш (наиболее населенный в Индии), Пенджаб, Гуджарат («домашний» штат Н.Моди), Уттаракханд, Химачал Прадеш.

Расстановка социально-политических сил в этих важных для «крупнейшей демократии мира» штатах может стать и проекцией в 2019 г. (год парламентских выборов), и ответом на вопрос, насколько экономическая политика центрального правительства отвечает интересам основных слоев и групп индийского общества.

7. АНАЛИЗ ДОСТОВЕРНОСТИ ПРОГНОЗА НА 2015 ГОД

Анализ достоверности прогноза МВФ и ИМЭМО на 2015 год показывает, что на этот раз точность прогноза МВФ чуть выше, чем прогноза ИМЭМО.

Таблица 21. Сопоставление прогнозов темпов прироста ВВП с фактическими данными на 2015 г.

	оценка МВФ	оценка ИМЭМО	фактические данные
Весь мир	3,8	3,9	3,2
Развитые страны	2,3	2,2	2,1
США	3,1	3,2	2,6
Япония	0,8	1,3	0,5
Зона евро	1,3	0,9	2,0
ЕС	1,8	1,3	2,3
Германия	1,5	1,0	1,5
Франция	1,0	0,5	1,3
Италия	0,8	0,4	0,8
Великобритания	2,7	2,7	2,2
Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой	5,0	5,1	4,0
Китай	7,1	7,2	6,9
Индия	6,4	6,3	7,6
Бразилия	1,4	1,5	-3,8
Россия	0,5	0,3	-3,7

Отклонения прогнозных оценок от фактических данных хорошо видны на гистограммах, на которых эти отклонения в ту или другую сторону указаны на оси абсцисс, а доля оценок в процентах, попавших в соответствующий интервал – на оси ординат (диаграммы 1, 2).

Диаграмма 1. Интервалы ошибок прогнозов МВФ на 2015 г., %

Диаграмма 2. Интервалы ошибок прогнозов ИМЭМО на 2015 г., %

Гистограммы показывают, что ошибки обоих прогнозов похожи друг на друга, и распределения ошибок почти совпадают. Две идентичные ошибки обоих прогнозов – прогнозы экономического роста России и Бразилии.

Ни один из прогнозов не предусматривал отрицательных темпов прироста экономик этих стран. В обоих прогнозах был переоценен потенциал роста мировой экономики: и МВФ и ИМЭМО прогнозировали более быстрый рост, чем это оказалось фактически.

При прогнозировании экономического роста в развитых странах обе оценки были практически равны (МВФ – 2,3%, ИМЭМО – 2,2%) и практически совпали с реальным ростом этой группы стран – 2,1%.

При прогнозировании роста остальных стран мира ошибка оказалась больше и также практически одинаковой. Прогноз прироста экономики развивающихся стран и стран с переходной экономикой МВФ оценивался в 5,0%, а ИМЭМО – 5,1%. Фактически же этот рост составил 4,0%. Падение объемов ВВП России и Бразилии определило указанный итог экономического роста этой группы стран.

На диаграммах видно, что в интервал ошибок и МВФ и ИМЭМО $-2 + 2\%$ попало по 13 оценок (86,6% всех оценок). Статистический анализ показывает, что стандартная ошибка прогноза ИМЭМО составила 1,23, а прогноза МВФ 1,03. Средний квадрат ошибки прогноза ИМЭМО оказался равным 3,47, а прогноза МВФ 3,27.

ЧАСТЬ II

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

РОССИЯ

В поисках баланса в деградирующем миропорядке

Глобальный порядок - пазл-глобус, тщательно выстроенный ведущими мировыми державами за послевоенный период, в 2016 году ускорил свой распад. «Большая политика», в 2015 еще эпизодически просматривавшаяся (договоренности по Ирану), практически сошла на нет – за отсутствием игроков высшей лиги, озабоченных выборами, внутрипартийными склоками, социальными беспорядками, серьезными проблемами в собственных интеграционных объединениях.

В 2016 году ускорилась деградация вполне устоявшихся международных форматов. Во внешней политике еще большую роль играют периферийные интересы, провинциальное мышление. Достижения *глобализации последнего десятилетия национализируются*. Во имя достижения частных интересов, нередко противоречащих позиции того или иного объединения (например, ЕС), создаются «ситуативные партнерства» (страны Центральной и Восточной Европы). Те же невообразимые ранее форматы возникают и на Ближнем Востоке (Саудовская Аравия – Израиль). Примером служит и возникший в декабре 2016 года новый формат по урегулированию в Сирии – Россия-Турция-Иран.

В полной мере проявились еще два крайне небезопасных тренда, отмеченных в прошлогоднем издании «Года планеты»: усиление пропаганды, все чаще подменяющей внешнюю политику, а также нарушение традиционного баланса между внутренней и внешней политикой – полным ходом идет процесс *политизации геополитики*.

Примеров не счесть. Это и беспрецедентная для США, где электорат традиционно озабочен социально-экономическими проблемами, роль «темы» России и Президента Путина в предвыборной президентской кампании, причем обоих кандидатов, как эпатажного Д.Трампа, так и безупречной представительницы WASP (White-Anglo-Saxon-Protestant) истэблшмента Х.Клинтон. Это и отказ руководства Польши от миллиардного (подготовленного прежним правительством) контракта на военные вертолеты с Францией, вызвавший ярость у Парижа и обостривший польско-французские отношения. Решение, как отмечают польские эксперты, было мотивировано в частности тем, что по уже согласованному контракту производство (более 800 новых рабочих мест плюс до 2000 сопутствующих) планировалось разместить в Лодзи, население которой не голосовало за пришедшую к власти партию Право и Справедливость. Отказ от сделки стал одной из причин категорического несогласия высшего военного руководства с проводимой Пис военной реформой – в конце 2016 г. в отставку подали начальник Генштаба, командующий Вооруженными силами и Главный инспектор по вооружениям. Ухудшились и отношения Варшавы с Берлином – в результате оказался заморожен Веймарский треугольник. В том же ряду отказ Тегерана предоставить России военную базу Хамадан. Среди причин отмечают как чрезмерно распропагандированный Россией «успех», так и отрицательное отношение иранцев к присутствию на их территории иностранных баз, что руководство страны было вынуждено принять во внимание. Это и неспособность Киева выполнить обязательства договоренностей Минск-2 в части конституционной реформы, против которой выступает как общество, так и политические партии. Это и растражированные СМИ высказывания премьера Японии С.Абэ перед встречей с В.Путиным в декабре о возможной «частичной» договоренности по Курильским островам, что, в частности, объясняют его стремлением продемонстрировать японцам, что он может сделать то, что другие до него не смогли.

Усилилась персонификация внешней политики. Наличие или отсутствие «химии» в отношениях лидеров (Путин - Эрдоган, Путин - Си Цзиньпин, Путин – Меркель, не исключено, Путин – Трамп) и/или резкое охлаждение этих отношений ставят двусторонние отношения под угрозу, не компенсируемую системными факторами. Что было предельно ясно продемонстрировано обострением российско-турецких отношений.

Квинтэссенцией указанных трендов стали референдум в Великобритании по выходу из ЕС и результаты президентских выборов в США. «Брекзит» поставил Брюссель перед беспрецедентной для него проблемой выхода из союза члена, причем одного из крупнейших. Похоже, результаты референдума удивили и самих британцев. Как показывает исследование Фонда Бертельсмана, если перед референдумом голосовать за то, чтобы остаться в ЕС были готовы 49% британцев, то в августе - уже 56%. (*Eupinions | 21.11.2016 "Brexit has raised support for the European Union"*). Под вопросом оказалось будущее не только самого мощного и благополучного, «образцового» интеграционного объединения в мире (вариант выхода рассматривается радикальными политическими силами и в других странах-членах ЕС), но и единство самой Великобритании – Шотландия не хочет выходить из Евросоюза. Убедительная победа Д.Трампа, которой не ожидали или в которую не хотели верить мировые элиты, ставит Соединенные Штаты в *общий ряд*, где доминируют настроения *рассерженного* глобального социума, не довольного традиционной властью и требующего перемен - по сути, к уже невозможному *«светлому прошлому»*. В конце 2016 г. весь мир застыл в тревожном ожидании пока мало предсказуемых изменений в политике Вашингтона.

Глубинные причины сдвигов в общественных настроениях к концу второго десятилетия 21 века еще предстоит проанализировать не только социологам, но и, как верно отмечает лондонский Международный институт стратегических исследований (IISS), психологам. На текущий момент социологи отмечают два базовых фактора: ценностный и страх перед будущим

(http://www.bertelsmannstiftung.de/fileadmin/files/user_upload/EZ_eupinions_Fear_Study_2016_ENG.pdf). Они констатируют углубляющийся конфликт между прогрессивными и традиционными ценностями, с одной стороны, и, с другой – увеличивающийся разрыв между выгодополучателями от глобализации и теми, кто остался позади. Ценностный подход объясняет новые тренды протестом «обычных людей» против навязанных им элитами против их воли либеральными правами, такими, как гендерное равенство, права гомосексуалистов, этно-религиозная толерантность, защита окружающей среды. И в этом смысле поддержка популистских политических сил и партий представляет собой «восстание» против либеральных элит. Второй подход фокусируется на экономическом отставании от процессов глобализации и выявляет страх растущего числа людей остаться на обочине мирового развития. Как полагают аналитики Фонда Бертельсмана, *именно страх перед глобализацией играет решающую роль в протесте против политического мейнстрима*, в то время как ценностные оценки вторичны. Очевидно, что страхом перед глобализацией больше мотивированы люди с более низким уровнем образования и дохода, среднего и старшего поколения. Хотя исследование немецкого фонда, озаглавленное «Страх, а не ценности», касается европейского общественного мнения Европы, в Соединенных Штатах именно такой электорат обеспечил победу Д.Трампу.

Крайне пессимистично, алармистски оценивают состояние мировой политики и ведущие западные эксперты. «Стратегический обзор-2016» IISS констатирует, что в 2016 году резко, до опасного уровня пошатнулись основы геополитики, всего миропорядка (<http://www.iiss.org/en/publications/strategicsurvey/issues/strategic-survey-2016-f82b/ss16-strategic-geography-3e95>). Существующие политические договоренности громко критикуются как несправедливые, а политика провинциализма с примесью национализма

входит в столкновение с космополитическим мировым порядком, тщательно выстроенным технократами. Мировые лидеры вынуждены постоянно заниматься урегулированием кризисов. Созданные для этого институты демонстрируют свое бессилие, их обходят, а урегулирование конфликтов ренационализируется. Все большее предпочтение отдается унилатерализму.

Произошел серьезный глобальный системный сбой.

На этом внешнеполитическом фоне Россия добилась – в немалой степени, с помощью участия в военной операции в Сирии в 2016 году – возобновления диалога с ключевыми игроками на Западе, преодолев пост-Крымскую политическую изоляцию. Другим следствием стало активное обсуждение на Западе, как политиками, так и экспертами, использования Россией военных инструментов во внешней политике. Что нельзя объяснить только антироссийской пропагандой. В России открыто, причем на самом высоком уровне, приветствовалось видимое усиление национальной военной мощи и ее успешная демонстрация. «Заставив себя уважать», Кремль одновременно оживил параноидальные фантомные страхи соседей и усугубил недоверие к России на Западе.

В то же время в восприятии силовой политики России на Западе, по крайней мере в экспертном сообществе, произошли сдвиги в сторону более взвешенных оценок, практически исчезло из научного оборота нео-понятие «гибридной войны», тактика и стратегия Москвы стала оцениваться с традиционных и менее предвзятых позиций. Оценивая российскую политику в предложенной в данном прогнозе парадигме «поиска балансов», американский эксперт С.Чэрап, подчеркивает: «Россия пока еще ни разу не прибегла к использованию военной силы для распространения своего влияния на территории, где раньше она влияния не имела, или для резкого изменения в свою пользу уже сложившегося баланса». И, как и предполагалось в прогнозе ИМЭМО «Россия и мир: 2016», применение Россией военной силы логичнее всего рассматривать в качестве инструмента принуждения. Однако ограниченное применение Москвой военных инструментов с целью достижения политических целей, хотя и делает ее действия вполне предсказуемыми – и по масштабу, и по географии, не исключает серьезных рисков для безопасности, в том числе и в ближайшем будущем. В первую очередь это касается противостояния России и НАТО в Балтийской регионе – где Москве не удалось предотвратить расширение военного присутствия альянса, и где потенциал непреднамеренного конфликта оценивается как довольно высокий.

В 2017 год Россия входит в парадоксальной ситуации. Открытый и готовый к стратегическим переговорам по всему спектру мировых проблем Кремль, *не скованный во внешней политике внутриполитическими обязательствами и проблемами и вполне управляющий общественным мнением, вновь оказался за переговорным столом в одиночестве*. Партнеры, занятые выборами (США в ноябре 2016, Франция и Германия в 2017) либо острейшими институциональными проблемами (Евросоюз), не готовы к обсуждению и, тем более, решению стратегических глобальных вопросов.

В связи с действиями в Сирии, учитывая сложный многосоставной характер конфликта, Россия подвергалась острой критике, особенно со стороны Франции. Был отменен визит Президента Путина в Париж. Но выход из критического положения был найден – спустя год «тумблер» переключили из положения «Сирия» вновь на положение «Украина». Встреча «нормандской четверки» в Берлине не дала существенных результатов ни по Украине, ни по Сирии, но обозначила, по крайней мере, на обозримую перспективу, повестку и, что важно, само продолжение переговоров Россия-Запад в принципе.

Опорные в последние годы для России, как минимум на уровне политической риторики, альтернативные форматы – БРИКС, ШОС – в 2016 году стали сбоить, по тем же внутри- и внешнеполитическим причинам. Политический кризис в Бразилии и общий поворот вправо в Латинской Америке уже не позволяют говорить об опережающем развитии отношений со странами региона как балансира ухудшению отношений с Западом. В 2017 году эти тренды получают дальнейшее развитие.

Дефицит стратегического целеполагания у партнеров на Западе затрудняет формирование и реализацию внешней политики и вынуждает Кремль постоянно нащупывать почву и *инструменты для поддержания хрупкого баланса и диалога* – от жестких (в начале октября Президент Путин своим указом приостановил действие соглашения с США об утилизации плутония) до примирительных. Найти твердую основу для дальнейшего взаимодействия с ведущими западными игроками пока не удастся. Не менее сложными оказываются поиски оптимального баланса на востоке, где приходится учитывать не только региональные расклады сил, но также их взаимодействие с западными акторами, особенно в связи американскими выборами.

Торгово-экономические аспекты

Относительная стабилизация - после обвального падения в 2015 году - цен на нефть и курса рубля в 2016 году не изменила понижающих трендов во внешней торговле России. В сравнении января-августа 2016 года с тем же периодом 2015 года ее объем снизился с 352737,4 до 288492,7 млн. долл. Индекс 2016 года к 2015 году составляет 81,8%.¹

В целом, несмотря на имевшие место в 2016 году шаги, направленные на перспективное изменение торгово-экономических связей в сторону неевропейских партнеров, *география торгового баланса России в 2017 году останется прежней*. Что можно рассматривать как удержание Россией баланса в ситуации в условиях нестабильного развития глобальной экономики. Положение может усугубиться – ряд аналитиков озабочены негативным влиянием дальнейшего замедления темпов роста Китая.

В 2017 году на фоне, во-первых, усиления *военно-политических инструментов во внешней политике России*, и во-вторых – *неопределенности на мировых энергетических рынках*, произойдет с высокой вероятностью дальнейшее снижение роли и эффективности ее традиционной нефтегазовой политики.

С одной стороны, это обусловлено высокой волатильностью цен на энергоносители. Весь год мировые рынки лихорадило в ожидании результатов встреч ОПЕК, данных о добыче сланцевого газа в США, спекуляций относительно экспортного потенциала Ирана, Ирака, а также темпов развития и будущих потребностей в энергоносителях Китая. С другой стороны, усугубилась неопределенность по ключевым энергоэкспортным проектам. По состоянию на конец ноября 2016 года так и не было принято решение по «Северному потоку-2». Огромные усилия, предпринимавшиеся в 2015 году Россией, для достижения договоренностей с Турцией по «Турецкому потоку» (Москва планировала его как альтернативу проектам TANAP, TAP, «Набукко»), едва не пошли прахом из-за резкого обострения отношений с Анкарой.

Восстановление отношений в середине года, частичное снятие санкций с импорта овощей и фруктов из Турции и возобновление переговоров по «Турецкому потоку» дало лишь

¹ Рассчитано по: <http://www.customs.ru/>

скромные, хотя и ожидаемые экспертами результаты. Стороны договорились по строительству только одной нитки (поставки газа для самой Турции), переговоры по второй, экспортной трубе, в которой собственно и заинтересована Москва, идут тяжело.

Одновременно, учитывая долгосрочные тренды на рынке углеводородов, Россия, с одной стороны, пыталась максимально продвинуть договоренности об их экспорте в Китай, наиболее перспективный в обозримом будущем рынок. С другой – в 2016 году особое внимание уделялось укреплению российских позиций на рынке атомной энергетики. Были подписаны соглашения с Индией и Турцией. В то же время на фоне бурного развития альтернативной возобновляемой энергетики это направление не рассматривается экспертами как перспективное в среднесрочном будущем. Так, в 2016 году от проекта строительства Росатомом АЭС отказался Вьетнам. Таким образом, в 2017 году *необходимость отхода от доминирующей ставки на энергетику станет еще актуальней не только в экономике, но и во внешней политике России.*

Западный вектор

Хотя украинская проблема *de facto* перестала довлеть над политическими и экономическими отношениями России с Западом, *de jure* сопряженный с украинским кризисом режим западных санкций и российских контрсанкций остается в силе. Более того, в моменты обострения отношений обе стороны вводят дополнительные запреты, правда, касающиеся лишь преимущественно отдельных компаний и/или персон.

Ukraine fatigue, усталость Запада от украинского кризиса, отмечаемая уже на протяжении двух лет, в 2017 году, вероятно усугубится, как в силу пробуксовки на Украине реформ, с которыми ранее были связаны большие ожидания, так и из-за по сути патовой ситуации, сложившейся вокруг урегулирования на юго-востоке страны. Показательным стал референдум в Нидерландах, на котором 60% высказались против ратификации соглашения об ассоциации Украины с ЕС. Не имеющий силы закона референдум, тем не менее, явился серьезным сигналом европейским правительствам и Брюсселю о реальных настроениях в отношении сближения с Украиной. Было бы неправомерно, однако, оценивать этот плебисцит в отрыве от общих тенденций, обусловленных миграционным кризисом.

Уступки со стороны России – среди прочих, артикулированная Москвой готовность к расширению присутствия ОБСЕ, в том числе (после выполнения ряда условий) полицейской миссии Организации, попытки изменить в сторону большего реализма, т.е. *больших шансов* на имплементацию Минских договоренностей в части конституционной реформы – вряд ли окажут существенное влияние на Киев, зажатый тисками внутривнутриполитических проблем. Конфликт на юго-востоке постепенно переходит в разряд замороженных, а Украина становится лишь *одним из* факторов российско-западных отношений, чем все три стороны пользуются ситуативно. Вряд ли приходится ожидать серьезных прорывов на данном направлении в 2017 году.

Кризисные явления в Евросоюзе после референдума по выходу из него Великобритании приобрели уже системный характер. Брекзит, который А.Меркель назвала «глубоким надрезом» на европейской интеграции, вызвал неоднозначную реакцию. Действительно, как указывает исследование Фонда Бертельсмана, число *«опомнившихся»* европейцев, высказывающихся за консолидацию ЕС, несколько возросло. Но одновременно радикально настроенные политики стали «примерять» на свои страны, например, Нидерланды, опцию выхода – пока в теории. На практике же усилились позиции евроскептиков и тех отнюдь не маргинальных политических сил в Европе, особенно в Центральной и Восточной Европе, в странах – «новых» членах, которые выступают за усиление роли национальных государств в

рамках постмодернистских интеграционных объединений. В ЦВЕ стали популярными озвученные лидерами Польши и Венгрии тезисы об «экономическом патриотизме» «гибкой солидарности» и даже «культурной контрреволюции». То есть призывы вернуться к традиционным модернистским цивилизационным ценностям, к «Европе отечеств» де Голля, вплоть до пересмотра, если это понадобится, договора о ЕС. Установки постмодерна, за редким исключением, не выдерживают испытаний миграционной волны, захлестнувшей Европу. Получающие на этом фоне все большую поддержку право- и леворадикальные силы требуют от собственных правительств принятия решений в национальных, а не в брюссельских интересах. Хотя уровень миграции может снизиться, обозначенные тренды в 2017 году не только не пойдут на убыль, но, в связи с предстоящими в выборах в Германии и Франции, могут усилиться.

Рассмотренная Евросоветом летом 2016 года Глобальная стратегия ЕС по внешней политике и политике безопасности констатирует: «Мы переживаем экзистенциальный кризис как внутри Европейского Союза, так и за его пределами. Наш Союз под угрозой. Наш европейский проект, принесший с собой беспрецедентный мир, процветание и демократию, ставится под сомнение». Но не предлагает новых решений: «Страны-члены ЕС должны претворить в жизнь обязательства о взаимной поддержке и солидарности, закрепленные в Договорах. ЕС внесет свой вклад в систему коллективной безопасности в Европе в тесном взаимодействии со своими партнерами, в первую очередь, с НАТО». (http://eeas.europa.eu/delegations/belarus/press_corner/all_news/news/2016/2016_06_29_be.htm).

Не явились прорывными и решения Братиславского (сентябрь 2016 г.) саммита ЕС. В принятых на саммите Декларации и дорожной карте преобладают довольно общие формулировки. Существенные разногласия между странами проявились на саммите достаточно явно. Так, экс-премьер Италии М.Ренци заявил, что ожидал «не приятного круиза по Дунаю», а реальных обязательств ЕС и стран-членов по вопросам экономики и миграции. Он отказался участвовать в совместной пресс-конференции с А.Меркель и Ф.Олландом, которые в целом позитивно оценили «дух Братиславы».

Сохраняя корректную дистанцию и баланс в отношениях с ЕС, Россия довольно активно, а порой напористо, использовала как экономические, так и политико-пропагандистские инструменты в двусторонних отношениях с отдельными странами-членами Евросоюза. В то же время лояльная Брюсселю позиция по санкциям Венгрии, Чехии и ряда других стран, готовых к развитию отношений с Россией, свидетельствует о сохранении ЕС потенциала консолидации. В 2017 году политика антироссийских санкций ЕС будет имплементироваться ситуативно, в зависимости от, во-первых, состояния отношений РФ-ЕС и, во-вторых, продвижения на украинском треке. Можно предположить, что информационный фон вокруг санкций в Европе будет снижаться, все активнее будут выступать противники санкций, особенно в бизнес - кругах. Однако отмена санкций во многом будет зависеть от позиции новой администрации в Вашингтоне.

Не стало неожиданностью в 2016 году обострение отношений России и НАТО, принявшей на Варшавском саммите решения о размещении дополнительных сил и вооружений вблизи границ России и Белоруссии. Демонстрация силы, масштабные учения, проводившиеся Россией, были использованы антироссийскими политиками, прежде всего в Польше, для нажима на альянс. Не меняя существенно баланс сил, предстоящее размещение в то же время усугубляет кризис в отношениях НАТО-РФ, подрывает остатки доверия и создает условия, в которых едва ли не любой шаг может трактоваться сторонами как угроза. Угроза нависла и над базовыми договорами по контролю над вооружениями, прежде всего РСМД. Учитывая возросшую роль военных в формировании внешней политики и политики безопасности, как в России, так и на Западе, прежде всего США, и высокие риски «черных лебедей» -

инцидентов в зонах конфликтов, прежде всего в Сирии, которые могут спровоцировать неадекватную реакцию с непредсказуемыми последствиями, можно констатировать, что военно-политическое напряжение в 2016 году усилилось. Ситуация требует срочных мер по урегулированию. Однако, как и по многим другим направлениям мировой политики, подвижек в этих вопросах, прежде всего по контролю над вооружениями, можно ожидать лишь после того, как будет сформулирована позиция по ним администрации Д. Трампа.

Отношения с Соединенными Штатами складывались в ограниченном рабочем режиме, предметом обсуждения была ситуация в Сирии. Жесткая позиция Вашингтона по санкциям определяла общую тональность отношений. Однако с развитием предвыборной президентской кампании Россия весьма неожиданно оказалась одной из ключевых пропагандистских тем обоих кандидатов. (Контент-анализ выступлений с упоминанием России может быть интересным и полезным с точки зрения практической политики политологическим и политико-психологическим исследованием).

Неожиданный выбор американцев не означает, что в российско-американских отношениях обязательно откроется «новая страница». Основные проблемы остаются, однако их удельный вес, приоритет в повестке дня может измениться. Заявление Президента Путина о приостановке действия соглашения с США об утилизации плутония может рассматриваться как сигнал, обозначающий российскую повестку и приоритеты. Сохранение и восстановление полуразрушенной системы договоров по контролю над вооружениями и разоружению (как инструмента поддержания безопасности, военно-стратегического баланса и как атрибута позиции мировой державы) остается одним из важнейших приоритетов России.

Восточный вектор.

На восточном направлении в политике России все более явно прослеживается тактика и стратегия создания более сбалансированных отношений с ключевыми акторами в Тихоокеанской Азии. Наряду с развитием взаимодействия с Пекином, Москва налаживала двустороннее сотрудничество с Индией, Вьетнамом, Южной Кореей, Японией, а также активно работала в многосторонних форматах – АТЭС.

В отношениях с ***Китаем*** остались в основном позади, с одной стороны, завышенные ожидания и громкие заявления 2014-2015 годов, а с другой – немотивированные опасения. Россия, похоже, психологически приняла достойную роль младшего партнера в двусторонних отношениях, что безальтернативно с учетом финансово-экономической мощи КНР. Однако именно эта позиция обуславливает особое стремление Москвы к созданию надежных балансов, противовеса партнерству с Пекином – как в регионе АТР, так и в мире. Кремль безусловно осознает и другое нарастающее противоречие глобального масштаба – вероятное обострение соперничества Китая и Соединенных Штатов, в то время как Россия в целом настроена на нормализацию и без того плохих отношений с США.

В 2017 году, после того как была достигнута определенная стабилизация, будет реализовываться намеченная реалистическая программа сотрудничества. Помимо крупных энергетических проектов, знаковыми подвижками стало сотрудничество с Китаем в военно-технологической и военной сфере. Заключены крупные контракты на комплексы С-400 и истребители Су-35, авиационные двигатели. Объем заказов в 2016 году превысил 8 млрд. долл, что составляет более 15% российской торговли вооружениями («Ведомости», 2 ноября 2016 г.). 4 сентября президентом Путиным и Си Цзиньпином была достигнута договоренность, а с 12 по 19 сентября ВМС России и Китая провели совместные военно-морские учения в северо-западной части Южно-Китайского моря, у побережья китайской

провинции Гуандун, в которых приняли участие более 250 бойцов морской пехоты, привлечено около 20 единиц авиатехники, 18 кораблей и судов обеспечения. Как дополнительный штрих к картине - испортившие отношения с Соединенными Штатами Филиппины выступили с инициативой создания в регионе трехстороннего партнерства с Китаем и Россией – еще одного «ситуативного» формата.

Такая серьезная подвижка в позиции России, означающая некоторый отход от нейтралитета, в целом укладывается в логику ее текущей внешней политики: более активное использование и/или демонстрация военных инструментов; создание балансов и контрбалансов в отношениях между партнерами; формирование жестких переговорных позиций для дальнейших эвентуальных переговоров с Соединенными Штатами по вопросам безопасности. В силу своего огромного финансово-экономического потенциала, а также географической направленности масштабных проектов, Китай остается главным партнером России в Тихоокеанской Азии. В то же время в 2017 году начнется реализация подписанных Москвой масштабных торгово-экономических соглашений с Индией и Вьетнамом. Seriously повлиять на баланс в АТР может сотрудничество с Японией, если и когда оно получит развитие.

Определенный сдвиг произошел и в осознании Москвой отсутствия реальных возможностей и неэффективности противодействия масштабным экономическим проектам Китая (прежде всего «Экономическому поясу шелкового пути» - ЭПШП) в Центральной Азии, которая – в категориях 19 века – продолжала рассматриваться как регион геополитического соперничества.

Евразийский вектор

Динамика развития на постсоветском пространстве, в рамках интеграционных объединений, отчасти укладывается в общемировые тренды: страны-члены ЕАЭС все больше руководствуются открыто провозглашаемым принципом «национального эгоизма». Институциональные и технические проблемы ЕАЭС (что явственно проявилось на саммите Союза в Санкт-Петербурге в конце декабря 2016 г.) усугубились финансово-экономическими трудностями, возникшими как в результате санкционного давления Запада на Россию (и российских контр-санкций), так и падения цен на энергоносители и курса рубля. Протекционистские решения России встречают ответный протекционизм со стороны Белоруссии. В результате Таможенный кодекс ЕАЭС, хотя и был подписан на саммите 26 декабря, на нем не было подписи А.Лукашенко. Были претензии и у Киргизии.

Хотя проблема контрабандных поставок товаров из КНР через Казахстан в РФ и нарушения Казахстаном совместно с Республикой Беларусь режима контрсанкций, введенных РФ (транзитная схема поставок санкционного продовольствия из Беларуси в Казахстан с фактической разгрузкой в глубине территории РФ) сохраняется, изменения в статистике по товарообороту свидетельствуют об определенной нормализации ситуации. Движение в этом направлении, вероятно, сохранится в 2017 году.

Сохранятся в ближайшей и среднесрочной перспективе значительные расхождения и в самом видении странами ЕАЭС геоэкономического развития. Белоруссия, особенно в последнее время, когда стали налаживаться отношения Минска с Евросоюзом и международными финансовыми организациями, заявляет о заинтересованности в многовекторном развитии. У Казахстана многовекторный принцип является одной из базовых основ внешней политики. Поддерживая формирование полноценного экономического союза со свободным движением товаров, услуг, капитала и рабочей силы, Казахстан будет и дальше жестко отстаивать свои ключевые экономические интересы -

сейчас и в обозримой перспективе это не рынки сбыта в России, но прежде всего транспортно-логистическая сфера. Также в стратегию модернизации основных фондов и развития несырьевого экспорта, насыщения страны качественными потребительскими товарами не укладываются задачи импортозамещения, актуальные для России. Астана крайне чувствительна к любым вопросам передачи суверенитета – в прямой (передача компетенций ЕЭК) или косвенной (согласование, координация политик и действий) форме. Казахстан будет стоять на позициях открытой модели интеграции, поскольку видит возможности получения наибольших доходов в случае, если ЕАЭС станет, по словам Н.Назарбаева, «надежным мостом между Европой и Азией». Лично Н.Назарбаев сыграл активную посредническую роль в восстановлении отношений России и Турции. Он выступает за повышение уровня сотрудничества с КНР, ЗСТ на площадке расширенной ШОС, развитие отношений с АСЕАН и двусторонних либерализационных форматов.

Хотя фокусом экономического взаимодействия Казахстана с Китаем остается нефтегазовый сектор, в 2017 году в рамках Экономического пояса шелкового пути получит дальнейшее развитие сотрудничество в других сферах, прежде всего транспортно-логистической, что целиком укладывается в концепцию «моста». В то же время в казахстанском обществе в обозримой перспективе вряд ли исчезнет глубокое недоверие к Китаю. Именно оно подтолкнуло начало серьезных беспорядков в стране весной-летом 2016 года, когда широко прошла информация об изменениях в Земельном кодексе, что однозначно было воспринято как разрешение на аренду и продажу земли китайцам.

Фактором, который потребует особого внимания России в ближайшие годы, является начавшийся процесс транзита власти в Центральной Азии, с чем ранее связывались опасения в дестабилизации обстановки в регионе. Однако мирная передача власти в Узбекистане и довольно масштабные перестановки во власти, предпринятые Н.Назарбаевым сразу после кончины И.Каримова, свидетельствуют о том, что элиты этих стран, несмотря на клановые распри, перед лицом внутренних и внешних угроз оказались способны к консолидации.

Вся Евразия в 2017 году будет, с одной стороны, пребывать в ожидании глубоких перемен в миропорядке, с другой стороны, все более активно участвовать в масштабных экономических инициативах Китая, как, по сути, единственной в обозримом будущем возможности национального экономического развития. В то же время сохраняющиеся опасения перед Пекином и реальные угрозы безопасности, исходящие с юга, заставят страны Центральной Азии, Армению, за неимением альтернативы взаимодействовать в сфере безопасности с Россией. Что дает Москве традиционные инструменты влияния на партнеров в Евразии. В экономической сфере, балансом мощи Китая отчасти может стать анонсированное еще в 2015 году сопряжение ЕАЭС с китайскими инициативами.

В условиях системного сбоя миропорядка Россия в 2017 году столкнется с вызовами неопределенностей (прежде всего связанных с волатильностью на энергетических рынках и внешней политикой новой администрации США), дисбалансов (главный из которых в отношениях с Китаем, но также и на других региональных направлениях) и не снижающейся конфликтности (украинский кризис, Ближний Восток). В этой ситуации с высокой вероятностью Россия будет пытаться поддержать хрупкий баланс и нащупать новые возможности для своей внешней политики на новом посткризисном этапе. Который может наступить нескоро.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Внутренняя политика США

2017 год будет определяющим для президентства Д.Трампа и всей политической системы США. Именно первый год пребывания в Белом доме покажет, может ли внесистемный элемент изменить блокирующую логику федерального политического процесса и вывести американскую политическую систему на новый уровень функционирования или, также как и Б.Обама, Д.Трамп останется заложником ее дисфункциональности и конфликтности и станет лишь первым в череде трансформационных президентов.

Внутриполитический процесс в будущем году будет определяться несколькими ключевыми факторами:

Республиканское доминирование в федеральной системе власти. Вместе с Трампом Республиканская партия одержала неожиданную победу и в законодательном органе: она не только сохранила контроль над Палатой представителей, но и получила большинство в Сенате. В Конгрессе нового созыва республиканцы будут иметь 51 место в Сенате и 237 мест в Палате представителей. Фактически впервые со времен избрания Г.Гувера в 1928 г. Республиканская партия одержала полномасштабную победу на выборах, получив безраздельный контроль над федеральной властью. Это произошло именно тогда, когда в Верховном Суде США открылась вакансия, от назначения на которую зависит в какую сторону (консервативную или либеральную) качнется третья ветвь власти. Это означает, что кандидат-аутсайдер, вызвавший жесточайшее сопротивление в республиканском истеблишменте, принес своей партии то, к чему они стремились многие годы – доминирующий контроль над всеми ветвями власти в Вашингтоне.

Большинство из мест, за которые шла борьба в Сенате, были у тех республиканцев, которые пришли с консервативной волной в 2010 г. – и они их сохранили. По итогам выборов правые консерваторы укрепили свои позиции в Сенате и в Палате представителей, подтвердив то, что движение «Чайная партия» сохраняет свои позиции в обществе.

Стоит ожидать, что 115 Конгресс будет еще более консервативен в своей повестке и в решениях, чем предыдущий. Предвыборный лозунг Д.Трампа «Вернуть свою страну и сделать ее вновь великой» станет лозунгом Республиканского конгресса, основной целью которого будет аннулировать социальные начинания Обама и вернуть страну на традиционно консервативный путь развития. В частности, предполагается максимальное сокращение зоны социальной ответственности федерального правительства, о чем заявляет республиканская национальная платформа, восстановление баланса федеральных институтов в пользу законодательной власти и перераспределение ответственности между федеральным центром и штатами в пользу последних.

На повестке дня окажутся: свертывание Обамакейр; внесение изменений в закон об однополых браках; ужесточение борьбы с абортами; децентрализация образовательной системы; финансовая реформа, направленная на внесение поправок в закон Додда-Фрэнка; сокращение государственного долга; налоговая реформа, причем не только традиционное снижение налоговой ставки, но и отмена налоговых ужесточений в отношении религиозных заведений и иностранных счетов; восстановление баланса между защитой окружающей среды и развитием бизнеса в пользу второго; ужесточение миграционного законодательства;

реформирование выборного законодательства; административная реформа, направленная на расширение законодательного контроля над исполнительной властью и перераспределение ответственности и властных полномочий от федерального правительства в пользу властей штатов и округов.

Если бы на месте Д.Трампа был любой другой республиканец, можно было бы с уверенностью говорить, что США ждет новая консервативная революция, о которой Республиканская партия мечтала со времен Р.Рейгана. Однако Трамп не Рейган и насколько он будет играть на республиканском поле все еще большой вопрос.

Непредсказуемый Президент. Отдельные положения консервативной повестки Республиканской партии вполне согласуются с намерениями избранного президента вернуть США былое величие. В частности, можно ожидать, что стороны достигнут взаимопонимания в вопросах ужесточения контроля за миграцией, и федеральное правительство примет в течение следующего года реформу, положения которой так и не удалось согласовать в предыдущие годы.

Очевидно, что в какой-то форме будет пересмотрена реформа здравоохранения Обамы, хотя о полной ее отмене речь не идет, в том числе потому, что в обществе уже появился большой процент ее бенефициаров. Рисковать потерей их голосов ни Трамп, ни республиканцы не будут.

Вероятность, что республиканский президент и республиканский конгресс совместными усилиями ослабят те или иные положения закона Додда-Фрэнка велика. Однако, как и в случае с Обамакейр, революционного возврата назад в полное дерегулирование финансовой сферы ожидать не стоит.

Налоговая реформа также может стать полем для компромисса между Президентом и Конгрессом, хотя отдельные предложения Трампа (такие как закрытие налоговых лазеек и повышение ответственности бизнеса) вряд ли найдут понимание у консерваторов и могут серьезно осложнить весь процесс реформирования.

В социальной сфере Д.Трамп может оказаться куда менее консервативным, чем это хотелось бы его однопартийцам, в силу огромного числа социальных обязательств, которые он успел взять на себя в ходе избирательной кампании. Огромное влияние на его социальную повестку будет оказывать его дочь Иванка Трамп, даже не будучи официально представлена в его администрации.

В свою очередь административные инициативы Трампа, направленные на реформирование самого конгресса, вряд ли будут позитивно восприняты республиканцами, учитывая их стремление расширить влияние законодательной власти в федеральной системе.

В целом же республиканская попытка новой консервативной революции будет серьезно ограничена фактором внесистемности, независимости и непредсказуемости избранного президента. Пока очевидно, что Д.Трамп попытается усидеть на двух стульях: найти общий язык с республиканским истеблишментом и не обмануть ожидания протестного электората, который привел его в Белый дом.

Очевидно, что для изменения системы, о чем Трамп заявлял в своих речах, ему нужно быть принятым этой системой. Для этого он намерен пойти на выборочное сотрудничество с республиканским истеблишментом. Именно на это направлена выбранная им стратегия выстраивания будущей администрации, которая будет включать как представителей истеблишмента, так и бизнеса и людей, близких Президенту по духу. По всей видимости,

будущая администрация Трампа будет построена по принципу «ореха» или «царского двора». Круг приближенных советников и ключевых для его революционной программы министров будут выполнять все основные задачи по выстраиванию и реализации политической повестки нового президента. Внешний же круг назначенцев будет обеспечивать взаимодействие с республиканскими истеблишментом и Конгрессом. Это схема позволит ему провести более одиозные, но ключевые фигуры через номинацию в Сенате, поможет согласовать свою предвыборную повестку с общей повесткой Республиканской партии и повесткой 115 Конгресса, создаст постоянный канал взаимодействия с истеблишментом, при сохранении своей независимости.

В таком случае, можно ожидать смягчения анти-истеблишментской риторики избранного Президента и усиления традиционной республиканской составляющей его повестки при постепенном вытеснении популистской ее части.

С другой стороны, такой формат администрации чреват внутренними конфликтами и противоречиями, а также очередным нарушением принципа законодательного контроля, к восстановлению которого так стремится 115 Конгресс, что может привести к еще более жесткому противостоянию президента и конгресса, чем при Б.Обаме. Хрупкое равновесие, которое Д.Трамп надеется выстроить, легко может превратиться в войну, похожую на ту, что вел истеблишмент со своим кандидатом в ходе предвыборной кампании. В этой войне обе стороны могут занять жесткие крайние позиции и ключевой фигурой в ней окажется американское общество.

Еще более расколотое общество. Избранный президент одержал победу в результате серьезного перевеса по числу выборщиков, однако по числу голосов избирателей перевес почти в 1000 голосов (1,9%) оказался на стороне проигравшего кандидата Демократической партии Х. Клинтон. Фактически ни один кандидат не получил большинства голосов избирателей. Это не только активизировало дискуссию о необходимости реформирования избирательной системы, но и усилило идейный раскол общества. Те, кто голосовал за Клинтон, чувствуют себя обманутыми. Потерпевшая поражение либеральная часть общества громко заявляет о своем нежелании возвращаться назад, в «консервативный проект», и о готовности бороться за завоеванные в последние 8 лет права и свободы.

Очевидно, что с избранием Трампа, олицетворяющего нынешний социально-ценностный раскол, США вступили в полосу острого общественного протеста, заложником которого может оказаться сам президент. В институциональном противостоянии он, в отличие от предшественников, не располагает таким важным ресурсом, как поддержка большинства общества, и любое его решение может спровоцировать массовые акции протеста и насилия, причем как со стороны левых либералов, так и со стороны правых консерваторов.

При этом, раскол сам по себе становится инструментом партийного контроля над обитателем Белого дома. И Д.Трамп может в полной мере испытать это на себе в случае конфликтного противостояния с республиканским большинством в Конгрессе.

Радикализация партий. Сама фигура Трампа будет провоцировать усиление радикальных течений в обеих партиях. Республиканская партия, получив контроль над обеими ветвями власти, доказала свою популярность и утратила стимул к внутренним изменениям. Теперь ее основные усилия будут направлены на реализацию консервативной революции и нейтрализацию Трампа, в случае если он попытается встать на ее пути.

В Демократической же партии поражение 2016 г., скорее всего, спровоцирует усиление левого крыла и активизацию тренда на обновление истеблишмента. Антиэлитистская повестка Сандерса будет инкорпорирована партией в обновленную повестку. От того,

сможет ли Демократическая партия восстановиться в достаточно сжатые сроки, зависит, как надолго федеральные институты останутся в руках правых консерваторов. Настроения общества позволяют предположить, что именно смещение идейного центра партии влево позволит ей реализовать свое возвращение в игру. Это приведет к усилению раскола между партиями, который будет в частности проявляться в блокирующем поведении Демократической партии в Сенате, что будет особенно чувствительно для консервативной повестки Республиканской партии при утверждении кандидатуры в Верховный Суд.

В то же время, учитывая аутсайдерские позиции Д.Трампа, он может использовать внутрипартийный раскол Демократической партии и ее стремление вернуть свои позиции, в случае обострения противостояния с республиканским истеблишментом и консервативным конгрессом.

Очевидно, что несмотря на примирительные жесты в ходе формирования администрации, Д.Трамп не будет легким соперником ни в институциональном, ни во внутрипартийном противостоянии и первый год его президентства покажет насколько серьезно он намерен реформировать Вашингтон.

Внешняя политика

Для вступающего в должность президента Д.Трампа на первом году правления его администрации сфера внешней политики не будет столь важна, как социально-экономическое развитие страны. Именно там им поставлены наиболее амбициозные цели – стимулировать рост экономики, привлечь новые инвестиции, содействовать развитию новых отраслей, поддержать размещение высокотехнологичных производств в США. Однако экономические задачи будут зачастую выступать в качестве мотивационных стимулов решений и действий администрации на международной арене – в отношениях с внешними партнерами и союзниками, при реализации инициатив в области внешней торговли и экономического регулирования. Решения в области внешней политики зачастую будут диктоваться не только прямыми экономическими целями – освоить новые рынки, сформировать выгодные США торговые и иные режимы, снизить издержки американского бизнеса, но и опосредованными – перераспределить военные и иные расходы.

В ходе избирательной кампании вопросы внешней политики были для Трампа не столько самоценны, сколько служили одним из важнейших инструментов провоцирования соперника. Он критиковал не только внешнеполитические позиции Х.Клинтон, как представителя Демократической партии, носителя ее внешнеполитической идеологии и как бывшего госсекретаря, строившего политику первой администрации Б. Обамы на мировой арене. Особым объектом для его выпадов служили характер и результаты внешней политики Б.Обамы в целом. Можно ожидать, что, несмотря на внешнеполитическое наследство – предыдущая администрация оставляет ему многие проблемы международных отношений и безопасности, а также подходы к их решению в уже сформировавшемся виде – Трамп, хотя бы на уровне риторики, продолжит строить свою внешнеполитическую программу на отрицании предшествовавшего опыта демократов.

Выбор кандидатуры госсекретаря, помощника по национальной безопасности, советников на региональных направлениях говорит о том, что внешняя политика Трампа будет более экономически ориентированной, нежели внешняя политика Обамы. Его внешнеполитические приоритеты на некоторых направлениях – ближневосточном, азиатско-тихоокеанском – будут в гораздо большей степени находиться под влиянием традиционной республиканской внешнеполитической повестки. Это же можно сказать и в отношении его политики безопасности – она будет в большей степени строиться на традиционных

республиканских подходах, нежели его социально-экономическая и внутренняя политика. Несмотря на то, что Трамп уже обозначил в качестве одного из приоритетов своей внешней политики и стратегии безопасности активизацию борьбы с международным терроризмом, уже сейчас однозначно можно сказать о том, что его администрация будет, по возможности, придерживаться неинтервенционистских принципов, характерных для взглядов многих правых республиканцев, не относящихся к неоконсерваторам. При этом по вопросам внешней торговли и участия в многосторонних структурах в этой сфере он может смягчить свои позиции, по сравнению, с радикальными заявлениями периода избирательной кампании.

В ходе первого года на посту президента Трамп будет стремиться посредством решения задач в сфере внешней политики выстраивать свои отношения с потенциальными сторонниками и с критиками в Конгрессе – в первую очередь с республиканцами. Его стратегическая задача – завоевать более прочную поддержку среди деловых кругов, представителей вашингтонской бюрократии и военных, выстроить отношения с различными группами элиты. Основные же усилия администрация Трампа будет прилагать к решению социальных и экономических вопросов, используя внешнеполитическую сферу для капитализации своих внутриполитических ресурсов. Трампу нужны шаги скорее демонстрационного характера, показывающие, что опираясь на прагматизм в международных делах, он может быстрее и эффективнее добиваться результатов, которых была неспособна добиться предшествующая администрация.

Однако, принимая во внимание внешнеполитическое наследство, которое оставляет Трампу администрация Б.Обамы, слишком многое остается весьма неопределенным. Можно лишь предполагать высокий уровень волатильности его внешнеполитических позиций и действий. Содержание его высказываний до и после победы на выборах, в сочетании с влиянием изменений внешнеполитической конъюнктуры и его внутренних мотивов, позволяет предположить, что, от вновь пришедшей администрации можно ожидать проявления инициативы на нескольких направлениях – ближневосточном, тихоокеанском и российском. Евроатлантическое направление напротив отойдет на второй план, что уже вызывает оправданные опасения европейских союзников и партнеров.

Евроатлантическое направление

На евроатлантическом направлении можно ожидать торможения переговоров о создании *Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства* (ТТИП), однако без демонстративного отказа от этого проекта. Трамп продолжит намеченную еще в ходе избирательной кампании линию на поддержку интересов американских производителей. Однако если интересы крупного бизнеса будут диктовать необходимость продолжения этой грандиозной инициативы в области торгово-экономического регулирования, выдвинутой Обамой, новая администрация, сменив риторику и концептуальное оформление проекта, может продолжить его реализацию. Трамп вполне может оказать давление на европейских партнеров, продемонстрировав, что это они в большей степени заинтересованы в американском рынке и инвестициях, нежели США – в расширении своего присутствия на европейских рынках. Имитация отказа от ТТИП или пересмотр его базовых условий могут вынудить европейцев пойти на существенные уступки по многим трудным вопросам, включая дотации сельскому хозяйству, стандарты качества, нормативы в области регулирования инвестиционной деятельности, трудового законодательства и иные параметры соглашения. Следует принимать во внимание, что умеренные республиканцы поддерживают соглашение, в особенности, в сочетании с уступками в налоговой сфере, в которых заинтересованы ведущие американские ТНК, а также средний бизнес, готовый нарастить свою деятельность на внешних рынках.

Администрация Трампа в гораздо меньшей степени, чем администрация Обамы будет заинтересована в наращивании *взаимодействия с союзниками по НАТО* в военной и политической сфере. Однако она продолжит линию на активизацию усилий европейских членов в области финансового обеспечения собственной безопасности и деятельности блока. Здесь Вашингтон вынужден будет искать баланс между необходимостью ответить на призывы восточноевропейских союзников расширить американские гарантии обеспечения их безопасности перед лицом гипотетической «российской угрозы» и задачей перераспределить военные расходы – с европейского направления на более важные для США ближневосточное и тихоокеанское.

Основные американские политические усилия в рамках НАТО будут направлены на то, чтобы заставить европейских союзников осуществлять больший финансовый и военный вклад в обеспечение собственной безопасности, а также поддерживать США в решении военных задач за пределами зоны ответственности Альянса – в борьбе против ИГ.

На фоне шагов по нормализации отношений с Россией, которые может попытаться реализовать администрация Трампа, значение риторики, направленной на мобилизацию союзников в противодействии угрозы с Востока может потерять прежнее значение – как для США, так и для НАТО. Это, однако, не означает, что США в политической и военной сфере откажутся от символических военных шагов на евроатлантическом направлении. Следуя традиционным американским приоритетам в сфере политики безопасности и военного строительства, администрация Трампа может в той или иной степени вернуться к планам администрации Дж.Буша-мл. по реализации более масштабной программы создания системы противоракетной обороны (ПРО), для которой европейский позиционный район будет иметь хотя и второстепенное военное, но важное политическое значение. Осуществление этого проекта может быть для Трампа одним из средств умиротворения тех в НАТО, кто будет особенно недоволен постепенной нормализацией отношений с Россией. Развитие ПРО также станет одним из средств диалога с республиканцами, связанными с военно-промышленным комплексом. Одновременно администрация Трампа может попытаться начать поиск компромиссов с Россией по вопросу о ПРО – здесь возможны предложения по созданию центра обмена данными и другие меры доверия, которые с российской стороной обсуждала еще первая администрация Обамы. На фоне украинского кризиса задачи консолидации союзников в целом решены, и дальше нагнетать военно-политическую напряженность в Европе новой администрации не нужно.

Тихоокеанская Азия

С высокой долей вероятности можно говорить о том, что азиатско-тихоокеанское направление станет ключевым для администрации Трампа уже на первом году ее работы. Первостепенное значение для команды Трампа и тех сил, которые готовы ее поддержать в США, и для американских союзников и партнеров в Азии, будут иметь отношения с КНР. Можно ожидать дальнейшего усиления в американской элите настроений в пользу военно-политического сдерживания КНР. Администрация Трампа будет больше, чем его предшественник, открыто обозначать Китай в качестве не только экономического, но и политического конкурента в регионе, который начинает все больше подтягивать уровень развития своей военной мощи до масштабов развития экономического потенциала.

Высокие темпы развития программ военного строительства и активность НОАК на море, в воздухе, в космосе и в киберпространстве, а также опережающая динамика китайских оборонных расходов вызывают все большую озабоченность у американских военных и спецслужб. Планы строительства и обновления ВМС США свидетельствуют, что в ближайшие годы основные акценты будут смещаться на развитие сил, необходимых для

ограничения китайской активности на Тихом океане – на море и в воздухе. Администрацией Трампа будет продолжено развитие систем ПРО США в АТР, характер и масштабы которой вызывают все большую озабоченность китайской стороны.

Антикитайские настроения растут среди американских политиков, экспертов и военных, а также у представителей бизнеса, которые ощущают растущую конкуренцию в регионе и за его пределами и испытывают трудности, связанные с китайским промышленным шпионажем, нарушением авторских прав и демпинговой торговой политикой. Администрация Трампа не может не отреагировать на эти настроения. Однако, несмотря на достаточно жесткий характер высказываний Трампа в отношении КНР в период избирательной кампании и некоторые демонстративные жесты в отношении американских партнеров в регионе, имеющих трудные отношения с Китаем, резкого ужесточения линии Вашингтона в отношении КНР в 2017 г. ожидать не приходится. Слишком высок уровень взаимозависимости между экономиками обеих стран – интенсивность и глубина торговых и инвестиционных связей, и неприемлемы издержки для американского бизнеса, работающего на китайском рынке.

Перед администрацией Трампа в Тихоокеанской Азии стоит еще одна важная задача. Необходимо выработать такую модель отношений с союзниками (Японией, Республикой Корея, Австралией, Филиппинами, Тайванем) и партнерами (Вьетнамом, Индией, Сингапуром, отчасти – Малайзией и Индонезией), которая позволила бы лимитировать возможности Китая влиять на их политику и позиции их элит. Для этого необходимо нарастить сотрудничество с этими странами в экономической и военно-политической сфере – создать для них систему не только негативных («китайская угроза»), но и позитивных стимулов. Решая эту задачу, новая администрация неизбежно продолжит линию, которую Обама пытался реализовать в рамках политики «уравновешивания» – укрепить сотрудничество в сфере безопасности с региональными партнерами и союзниками, а также создать нормативные и институциональные условия для расширения присутствия американских компаний на рынках региона.

Поэтому крайне маловероятно, что Трамп, несмотря на его высказывания по поводу Транстихоокеанского партнерства (ТТП), откажется от создания этого уникального торгово-инвестиционного объединения со странами Тихоокеанской Азии и Латинской Америки. Для этого есть не только политические – создание зоны свободной торговли без КНР, но и торгово-экономические предпосылки: американские компании заинтересованы в расширении своих возможностей на азиатских рынках товаров и услуг, а также повышении ответственности региональных партнеров в области соблюдения прав интеллектуальной собственности.

Еще одним важным императивом политики США в АТР в 2017 г. станет характер развития отношений с союзниками и партнерами по международным вопросам, в том числе не связанным с делами региона, и проблемам региональной безопасности. В особенности это касается Японии и Республики Корея. Особое значение здесь будут иметь попытки региональных игроков втянуть США в качестве арбитра или участника в их территориальные споры с КНР. В то же время некоторые проблемы безопасности Тихоокеанской Азии будут способствовать сближению позиций Вашингтона и Пекина. В этом качестве может выступить развитие военно-политической и гуманитарной ситуации на Корейском полуострове.

Россия представляет для тихоокеанской политики Вашингтона интерес только в контексте ее отношений с КНР, а также с союзниками США (Японией и Республикой Корея), партнерами (Вьетнам) и противниками (КНДР). Американских экспертов и

официальных лиц все больше интересует перспектива расширения присутствия России на азиатских энергетических рынках. Приход на пост госсекретаря Р.Тиллерсона, знакомого с ситуацией на азиатском рынке углеводородов и с потенциалом России в этой сфере, создает предпосылки для того, чтобы между американскими и российскими энергетическими компаниями, несмотря на санкции, расширилось взаимодействие, ориентированное на азиатские нефтегазовые рынки. Важнейшим стимулом для США здесь может стать развитие российско-китайских проектов.

Ближний Восток

Политика администрации Д. Трампа на Ближнем Востоке в 2017 г. будет определяться несколькими факторами:

- 1) конъюнктурой цен на мировом рынке нефти и региональных рынках газа и задачами регулирования ее колебаний;
- 2) развитием военно-политической ситуации в Сирии и Ираке, динамикой борьбы против ИГ, а также отношениями с державами, вовлеченными в сирийский конфликт и противоборство с ИГ, являющимися как конкурентами, так и партнерами США – Россией, Сирией, Ираном, Турцией, Саудовской Аравией;
- 3) отношениями с Израилем.

Одной из важнейших целей политики администрации Д. Трампа на Ближнем Востоке будет *поддержание стабильных цен на углеводородное сырье*. Важнее даже не столько то, как высоки или низки будут цены, а насколько они будут устойчивы и в какой степени США смогут сохранять контроль над ценообразованием. Здесь для США есть несколько важнейших вызовов:

- характер взаимодействия с региональными членами ОПЕК – в особенности с Саудовской Аравией;
- последствия возвращения Ирана на европейский нефтегазовый рынок и его более активный выход на азиатские рынки.

В стабильности цен заинтересованы американские добывающие и перерабатывающие компании и крупные инвесторы. США, как один из крупнейших мировых производителей, обладающий потенциалом разработки как конвенциональных, так сланцевых месторождений на своей территории и за ее пределами, нацелены на освоение новых перспективных рынков, в особенности, азиатско-тихоокеанского. Для этого нужен достаточно высокий уровень цен и их стабильность, позволяющие поддерживать рентабельность добычи и транспортировки, в том числе при разработке сланцевых месторождений. С излишней волатильностью цен на нефть и газ также могут быть также связаны риски для американского фондового рынка.

В то же время, администрация Трампа не сможет не учитывать, что поддержание цен на нефть и газ на достаточно низком уровне имеет позитивное значение для американской промышленности и сферы услуг – снижаются издержки, повышается эффективность инвестиций в производственные мощности и инфраструктуру. Поэтому задача стимулирования динамики экономической конъюнктуры, поставленная Трампом, потребует активной политики в отношении стран ближневосточного региона, являющихся крупными производителями углеводородов, включая Саудовскую Аравию и Катар, которые в последние годы стали проявлять излишнюю

самостоятельность, как в вопросах внешней политики, так и в своих действиях на нефтегазовом рынке. Задача повышения энергетической независимости США от поставок с Ближнего Востока остается одной из важных целей американского руководства на протяжении уже 8 лет – не откажется от нее и Трамп.

Развитие ситуации в Ираке на фоне изменения соотношения сил в Сирии, а также задачи борьбы с ИГ и недопущения проникновения боевиков в Европу могут потребовать от США и их союзников расширения масштабов военной операции. В первую очередь, администрация Трампа будет вынуждена перейти к более интенсивному участию в боевых действиях на земле, которых так старалась избежать администрация Б. Обамы. США и их союзники сталкиваются с тем, что ИГ изменило тактику, переходя от крупномасштабных военных операций к массированному проникновению отрядов боевиков в города и села на территории Ирака и позиционным боям. Это обстоятельство уже существенно снизило уровень эффективности воздушных ударов по позициям террористов. Иракская армия без крупномасштабного использования американских сил не сможет переломить ситуацию под городом Мосул, ни, тем более, реализовать планы полноценного наступления на западе провинции Анбар, граничащей с Сирией. При решении вопроса о проведении наземной операции Трамп однозначно получит поддержку Конгресса – республиканцы и многие военные давно критиковали Обаму за нерешительность в этом вопросе.

Изменение соотношения сил в Сирии, произошедшее в 2016 г., потребует от США большей гибкости и прагматизма в достижении компромиссов с Россией. Для администрации Трампа Россия представляется более подходящим партнером для достижения компромиссов, нежели Иран. При этом США могут воспользоваться результатами договоренностей, которые уже отчасти удалось достичь американским союзникам в регионе – Саудовской Аравии и Турцией. Однако существенным условием развития политического процесса в Сирии будет сохранение внутривнутриполитической стабильности в обеих этих странах.

Особое значение для развития политики США на Ближнем Востоке в 2017 г. будут иметь *отношения с Ираном и Израилем*. Администрация Трампа не откажется от критиковавшегося республиканцами компромисса по иранской ядерной программе, достигнутого шестеркой стран-переговорщиков (Россия, США, Китай, Франция, Великобритания и Германия). Однако она пойдет на ужесточение риторики в адрес Ирана и выдвижение дополнительных требований предоставления гарантий выполнения им своих обязательств. Процесс снятия санкций с Ирана будет идти медленно и с большими пробуксовками – в этом вопросе США готовы переложить все риски на своих европейских партнеров, выступающих в защиту сделки. Периодически Трамп может угрожать Ирану полным отказом от соглашения и введением новых санкций. В отличие от администрации Обамы, новый президент США будет действовать в этом вопросе с оглядкой на позицию Израиля.

Нормализация отношений с Израилем, которые были существенно испорчены в период правления Обамы, станет одним из важных направлений внешней политики Д.Трампа в 2017 г., имеющим также существенное внутривнутриполитическое значение. Трамп будет готов следовать традиционной республиканской линии на развитие американо-израильского политического диалога и сотрудничества в экономической, военной и научно-технологической сферах. Такой подход найдет поддержку в Конгрессе, а также будет способствовать росту поддержки Трампа со стороны еврейской диаспоры в США. В военно-технической сфере Трамп может воспользоваться потенциалом Израиля для развития сотрудничества в сфере ПРО.

Россия

Для позитивных ожиданий относительно характера отношений России и США в 2017 г. есть некоторые основания. Они обусловлены не только с позициями самого Д.Трампа и тех, кто будет отвечать за внешнюю политику и политику безопасности в его администрации, но и более существенными внутривнутриполитическими и международными предпосылками развития американской внешней политики и политики безопасности на других направлениях. На долгосрочную перспективу конфликтный характер отношений с Россией может быть чреват существенными издержками для американских интересов, как это уже показала ситуация в Сирии, а в более долгосрочной перспективе может сказаться на динамике международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в Европе. Это прекрасно понимают прагматики во внешнеполитическом сообществе и военные.

В случае сохранения конфронтационной модели отношений с Россией, которую приняла вторая администрация Б. Обамы, новой администрации придется пойти на ряд шагов в военной сфере, которые потребуют переориентации значительных силовых и иных средств на расширение мер по военно-политическому сдерживанию России. Нарастание конфронтации неизбежно будет означать расширение реального, а не символического военного присутствия США в Европе. Это означает: размещение новых частей постоянного базирования, включая силы ВВС; создание новых военных баз и возрождение законсервированных или ликвидированных после «холодной войны»; увеличение присутствия ВМС США в Северной Атлантике, на Балтике, включая число кораблей, несущих элементы систем ПРО и стратегических подводных лодок, а также в Средиземном море, с возможностью увеличения числа заходов кораблей в Черное море.

Усиление конкуренции с Россией на Ближнем Востоке, в условиях фиксации российского военного присутствия в Сирии на неограниченно долгую перспективу, также потребует от США наращивания вооруженных сил и в этом регионе. Такие меры чреваты значительными расходами, которые будут оттягивать существенные финансовые, человеческие, научно-технологические и иные ресурсы, которые в среднесрочной и долгосрочной перспективе потребуются США для сохранения военно-политического доминирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе и противодействия росту влияния и военных возможностей Китая. Кроме того, администрация Трампа более четко, нежели команда Обамы осознает возможные стратегические последствия и риски для США и их союзников от дальнейшего российско-китайского сближения в военной, политической, экономической, в особенности, энергетической и научно-технологической сферах.

Приход к власти в Вашингтоне новой республиканской администрации в 2017 г. потенциально создает предпосылки для того, чтобы повестка начала наполняться иным содержанием, а политико-психологическая атмосфера российско-американских отношений могла бы улучшиться. Для каждого нового президента выгодно противопоставление своей позиции в международных делах на направлении, которое стало камнем преткновения для предыдущей администрации, в особенности, если «низкий старт» потенциально сулит относительно высокие шансы получить быстрые демонстрационные эффекты во внешнеполитической сфере. Однако антироссийские позиции как республиканцев, так и демократов в Конгрессе существенно ограничивают возможности новой администрации для маневра на российском направлении.

Несмотря на то, что среди американских инвесторов и производителей в условиях смены администрации и потенциального изменения курса в отношении России будет расти интерес к российскому рынку, по всем параметрам предпосылок для прорыва в вопросе о снятии санкций не просматривается.

Новая администрация, даже если она захочет снять ту часть санкций, которая вводилась президентскими распоряжениями, и для снятия которой не потребуется резолюция Конгресса, столкнется с серьезным противодействием со стороны антироссийски настроенной части не только республиканцев, но и демократов в обеих палатах, а также в экспертном сообществе.

Состояние отношений не только с Демократической партией, но и со своими однопартийцами не позволит Трампу совершить существенный разворот курса касательно режима санкций. Маловероятно даже то, что он сможет пойти на их избирательную отмену на первом году деятельности его администрации. Внутриполитические издержки от противодействия Конгресса и антироссийски настроенной части истеблишмента могут быть слишком велики для него. Однако администрация Трампа может пойти на ограниченное сближение с Россией в отдельных сферах, не связанных с режимом экономических и политических санкций.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ГОД ВЫБОРОВ

Наметившаяся в предыдущие годы неуверенность в развитии ЕС заметно усугубилась в течение 2016 г., хотя для наиболее острых проблем, таких как макроэкономическая стабильность еврозоны и нелегальная миграция, были найдены паллиативные решения. Серьезным ударом по европейскому интеграционному объединению стало голосование британцев за выход из ЕС (т.н. Брекзит) на референдуме в июне 2016 г. Еще одной вехой, определяющей уныние значительной части европейских элит, стала победа на президентских выборах в США в ноябре 2016 г. Д.Трампа. Провал в декабре 2016 г. попытки М.Ренци обеспечить через референдум поддержку гражданами реформы итальянской политической системы многие наблюдатели склонны рассматривать в том же ряду дурных предзнаменований для ЕС. Значительная часть избирателей в странах ЕС либо напрямую обвиняет Евросоюз в неудовлетворительной динамике экономического развития, либо не видит, как европейское интеграционное объединение может помочь разрешить проблемы, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни.

Ключевой задачей ЕС в 2016 г. было предотвращение нового пика миграционного кризиса, подобного пережитому в 2015 г. Важнейшим шагом в этом направлении стало тесное взаимодействие с Турцией, согласившейся создавать условия для пребывания мигрантов на ее территории и принимать высылаемых из ЕС, получая взамен финансовую поддержку и перспективу отмены визового режима с Евросоюзом для своих граждан. К концу 2016 г. цель безвизового перемещения так и не была достигнута, а турецкое руководство всё чаще стало открыто говорить о бесперспективности курса на вступление в ЕС, даже в отдаленной перспективе. Свою роль в охлаждении отношений сыграла реакция стран Запада на попытку военного переворота в Турции в июле 2016 г. Турецкий президент Р.Т.Эрдоган инициировал кампанию репрессий против широкого круга лиц, объявленных неблагонадежными, что подчеркнуло разрыв в понимании прав и свобод граждан в Европе и в Турции.

Договоренности по миграционным вопросам остаются ненадежными и в силу фактического нежелания ряда стран ЕС участвовать в приеме прибывающих в Союз беженцев. С учетом этого обстоятельства странами Вышеградской группы была предложена концепция «гибкой солидарности», формально предполагающая, что прием мигрантов может быть не единственной формой вклада страны в решение проблемы. На практике можно скорее говорить не о найденном решении, а о приспособлении политической риторики к ситуации, не имеющей быстрого решения.

В марте 2016 г., после произошедших в Брюсселе и брюссельском аэропорту террористических атак, в очередной раз активизировалась дискуссия о противодействии терроризму в ЕС. Усилия бельгийских правоохранительных органов по вскрытию террористических ячеек принесли плоды, возвращая гражданам ощущение контроля государства над ситуацией. В то же время, медленное восстановление нормальной работы аэропорта продемонстрировало уязвимость инфраструктуры развитых стран ЕС. Хотя бельгийская террористическая группа не была связана с наплывом сирийских беженцев, фактор неевропейского происхождения террористов использовался в качестве аргумента в спорах о рисках, связанных с миграцией.

В отношениях с Россией ЕС в течение 2016 г. сохранил занятую ранее консенсусную позицию, предполагающую, что отказ от наиболее значимых санкционных мер может произойти только в случае видимого прогресса в урегулировании конфликта на Донбассе. В

то же время, можно отметить активизацию политического диалога с рядом стран по темам, выходящим за рамки проблематики урегулирования украинского кризиса. В 2016 г. состоялись визиты В.Путина в Финляндию, Грецию, Словению. Для российского руководства, очевидно, немаловажно периодически демонстрировать, что тезис об изоляции России не подкрепляется фактами, даже если речь идет только о странах ЕС.

Неоднократные неудачные попытки стран ЕС заявить о себе, как о силе, влияющей на ситуацию с гражданской войной в Сирии, лишь продемонстрировали ограниченность находящегося в распоряжении Евросоюза внешнеполитического инструментария. Подвергая критике действия России в Сирии, ЕС, по-видимому, рассчитывает уже не на заявлявшийся первоначально рядом западных лидеров ориентир (уход Асада), но на любую модель урегулирования, которая обеспечит сокращение потока беженцев.

В целом, в условиях, определяемых разногласиями по вопросам миграционной политики и Брекзитом, ЕС воздерживается от амбициозных инициатив во внешних делах. Традиционный образ «экономического гиганта и политического карлика» укрепляется. Коммунитарные институты ЕС продолжают рутинную работу, но страны-члены оставляют им лишь незначительную свободу маневра. Известно, что решения в Евросоюзе часто принимаются по принципу «наименьшего общего знаменателя», т.е. с учетом позиции стран, скептически настроенных к изначально предлагаемым шагам. Соответственно, неуверенность и появление большего количества евроскептиков, обладающих политическим влиянием, составляют проблему для принятия решений в ЕС.

Политическая турбулентность определила почти полную смену персоналий, формирующих лицо европейской политики. Брекзит вынудил досрочно уйти со своего поста премьер-министра Великобритании Д.Кэмерона, референдум в Италии – молодого амбициозного премьер-министра М.Ренци. Президентом Франции Ф.Олландом принято решение не баллотироваться на новый срок. С учетом итога американских выборов о канцлере Германии А.Меркель заговорили как о последнем оплоте Запада (в варианте до 2017 г.).

Долгий Брекзит

Решение о выходе Великобритании из ЕС, которое 23 июня 2016 г. поддержали почти 52% проголосовавших, в значительной степени определит динамику политических дискуссий в Брюсселе в течение полутора – двух лет. Брекзит существенно повышает уровень конфликтности между членами ЕС - как между Великобританией и остальными двадцатью семью членами, так и в более детальном плане между правительствами 27-ми, выступающими за разную степень жесткости в переговорах по возникающим вопросам.

Несколько месяцев после референдума о выходе уже были наполнены острой дискуссией, но о выработке модели не имевшего прецедентов процесса говорить преждевременно. Формально процедура выхода, как предполагается, будет запущена до конца марта 2017 г. Начиная с этого момента, на согласование всех деталей может уйти до двух лет.

В Великобритании отчаянием, охватившим сторонников сохранения страны в Евросоюзе, пытается воспользоваться партия Либеральных демократов, ранее разочаровавшая избирателей в период участия в коалиционном правительстве в 2010-2015 гг. Сторонники проигравшей на референдуме позиции приводят немало рациональных аргументов, но при этом Брекзит отражает объективно фиксируемый в Великобритании традиционно высокий уровень евроскептицизма. Проблемы, с которыми ЕС столкнулся в последние годы, в первую очередь, миграционный кризис, дополнительно подстегнули эти настроения.

Вероятно, в ближайшие годы ЕС неоднократно столкнется с рецидивами недавних кризисов и вряд ли продемонстрирует британцам образец эффективности, который подвигнул бы их изменить принятое решение.

Ключевым вопросом в ходе переговоров становится опять же миграция, но уже внутри ЕС и, в первую очередь, рабочая. Великобритания хотела бы обеспечить себе возможность ограничить приток рабочей силы из ЕС и полностью контролировать правила проживания на своей территории, но при этом сохранить возможность свободной торговли с ЕС. Ведущие политики других стран ЕС не считают возможным такого рода одностороннее предоставление преимуществ. Высказывается мнение, что это противоречие, как и другие подобные, в конечном итоге заставит Великобританию отказаться от выхода и признать значимость участия в ЕС. Однако значительно более вероятно, что сложный ход переговоров только укрепит британский евроскептицизм, усиливая впечатление о Брюсселе, как о принципиальном оппоненте Лондона. Взаимные претензии, которые будут копиться в ходе переговоров, могут иметь долгосрочное влияние на европейскую политику, создавая ранее отсутствовавшие гравитационные эффекты между ЕС и Лондоном, как самостоятельным центром силы. Ряд наблюдателей возлагали надежды на преодоление напряжения благодаря взаимодействию ЕС и Великобритании в более широком, трансатлантическом контексте. Однако избрание Д.Трампа поколебало эти надежды – новый президент, вероятно, не станет возвращаться к попыткам заключения трансатлантического соглашения о зоне свободной торговли.

Заокеанские риски

К концу 2016 г. дискуссии в ЕС о влиянии будущей администрации Д.Трампа на трансатлантические отношения носили в высокой степени спекулятивный характер. Большинство наблюдателей фиксировали возросший уровень непредсказуемости и вероятность существенных отличий между тезисами, заявлявшимися победителем американских выборов в ходе кампании и политикой, которую он сможет проводить с учетом существующих в американской политической системе сдержек и противовесов. Американский фактор продолжает играть заметную роль в европейской политике, в особенности в вопросах безопасности.

Часть политической элиты ЕС, в первую очередь, в странах Балтии и Польше, обеспокоена возможностью неких «делок» между российским и новым американским президентами. В случае если новая американская администрация снизит уровень давления на Россию по вопросам, связанным с украинским кризисом, страны ЕС, занимавшие наиболее жесткую позицию в этом отношении, окажутся перед дилеммой – последовать за корректировкой курса или попытаться убеждать партнеров в правоте всё менее популярной позиции.

Электорат Д.Трампа, вероятно, не поддержит политических шагов, которые можно было бы интерпретировать как продвижение интересов абстрактного Запада за американский счет. От союзников по НАТО и других стран, получающих поддержку США, будут требовать большего собственного вклада в совместные инициативы. Сам тезис о необходимости большего вклада многие страны, которым адресуется этот упрек, готовы поддержать. Но в силу финансово-экономических ограничений принципиальное согласие, как и ранее, может остаться без практических последствий. Готовность Д.Трампа удовлетвориться символическими шагами союзников еще предстоит проверить.

США неоднократно прибегали к назначению в качестве послов доверенных лиц президента, выходцев из бизнеса и политических кругов. В большинстве стран ЕС, с одной стороны, не слишком приветствовалось бы появление дипломатов, по манере и взглядам соответствующих Д. Трампу, с другой стороны, понимание потребности взаимодействия с американской администрацией вынудит идти на компромиссы.

Опасения в ЕС вызывает возможное влияние фактора Трампа на возможности популистских и радикальных политических движений в странах Европы. В случае если новый президент покажет способность справляться с беспокоящими избирателя проблемами, европейские харизматики, выступающие с антимиграционных и евроскептических позиций, могут провести параллели со своей повесткой и аргументировать ее актуальность американским опытом. В свою очередь, для Д. Трампа в ряде случаев представители крайне правых европейских партий могут оказаться удобными собеседниками.

И крупнейшим странам ЕС, и Евросоюзу в целом будет непросто продвигать свои подходы к глобальному развитию и урегулированию региональных противоречий, если европейские подходы будут всё более существенно расходиться с американскими. Часть политических элит ЕС попытается принять личные особенности Д. Трампа и его политические предложения как неизбежность, которую нужно попытаться использовать в своих интересах.

Германия перед выборами

2017 г. пройдет в Германии под знаком выборов в бундестаг. Это будут одни из самых непредсказуемых выборов в нижнюю палату парламента за всю историю существования ФРГ. Однако, несмотря на всю неопределенность, стабильность как внутривнутриполитической, так и внешнеполитической линии в длительной перспективе сохранится. Не придут к власти в результате выборов и праворадикальные силы – партия «Альтернативы для Германии». В более длительной перспективе она либо перейдет на более умеренные позиции, либо маргинализируется. *Во внешней политике Германия, несмотря на увещевания со стороны США, не будет «брать на себя больше ответственности», нежели это происходило в 2015/2016 гг. Ставка на европейскую интеграцию сохранится.*

В результате выборов 2017 г. в бундестаг вероятны следующие составы правительства: продолжение большой коалиции (Союз ХДС-ХСС и СДПГ); формирование «коалиции Ямайка» (Союз ХДС-ХСС, «Зеленые» и СвДП). В обоих случаях канцлером останется А. Меркель. Альтернативный вариант со сменой канцлера, то есть главенствующей роли СДПГ в коалиции (СДПГ, «Зеленые», партия «Левые»), выглядит маловероятным, поскольку для него, судя по опросам общественного мнения, не хватает голосов избирателей.

Большая неопределенность в прогнозировании результатов выборов в бундестаг 2017 г. обусловлена тем, что респонденты неохотно признаются в своей приверженности праворадикальным взглядам. В результате социологические опросы дают некорректную картину. Также нередко избиратели голосуют эмоционально, под влиянием последних новостей, а не в целом оценивая проводимую политику. Эти тренды, проявившиеся в ходе референдума в Великобритании и президентских выборов в США, в самой Германии были продемонстрированы на прошедших в 2016 г. выборах в ландтаги. Праворадикальная популистская партия «Альтернатива для Германии» набрала на них в ландтаге Баден-Вюртемберга 15,1%, Рейн Ланд-Пфальца - 12,6%, Саксонии-Ангальт - 24,3%, Мекленбурга Передней Померании - 20,8%, Берлина - 14,2%. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что на выборах в бундестаг 2017 г. Альтернатива наберет более 10% голосов избирателей. И каждый последующий процентный пункт голосов будет означать рост вероятности формирования вновь большой коалиции по итогам выборов.

Политика по отношению к мигрантам доминирует в общественном дискурсе. Масла в огонь подливают сообщения о совершенных мигрантами преступлениях. Это положение сохранится и в следующем году. Однако по сравнению с началом миграционного кризиса внутренняя политика ФРГ в отношении мигрантов претерпела решительное реформирование в сторону ужесточения: ограничена свобода передвижения, мигрантам предписывается место жительства, они реже получают статус политического беженца, обязательными для многих становятся курсы немецкого языка. В качестве показательного можно привести судебное разбирательство 2016 г.: приехавшая из Сирии женщина подала в суд из-за того, что ей не был предоставлен статус политического беженца, но суд подтвердил ее существующий статус и отказал в присуждении желаемого. Это означает, что, во-первых, усиливается дифференцированный подход к беженцам и страна происхождения не является решающим аргументом. Во-вторых, Сирия фактически признается страной, где возможно проживание, удовлетворяющее всем требованиям прав человека, и, следовательно, значительная часть находящихся на территории ФРГ сирийских беженцев рассматривается как временно проживающие, по истечению выданных – преимущественно на год или два – разрешений им могут предложить вернуться на родину. По аналогии с Сирией будут рассматриваться и другие страны, где разворачиваются конфликты.

Усиление право-популистской риторики, выход на авансцену Альтернативы имеет ряд последствий для политического ландшафта ФРГ в целом. Значительная поддержка Альтернативы на Востоке ФРГ, то есть в бывшей ГДР, заставляет по-новому подойти к вопросу о завершении объединения Германии. Различия в политических пристрастиях подчеркивают мировоззренческие различия между двумя частями, что вызывает, как минимум, недоумение и сожаление со стороны «западных» немцев, которые пошли на экономические жертвы в ходе объединения, интегрировали приехавших после падения Берлинской стены (в первые годы по разным оценкам выехало около двух миллионов человек). Эмоциональное разобщение может сохраниться в длительной перспективе, хотя на политическом уровне будут и дальше приложены все усилия для его нивелирования.

Успех Альтернативы заставил правоохранительные органы внимательнее отнестись к другим радикальным течениям: в 2016 г. так называемые «граждане рейха» (члены «Движения граждан рейха»), которые не признавали ФРГ и властных структур, не платили налогов и т.п., попали под наблюдение Конституционного суда. Хотя на протяжении десятилетий власти закрывали глаза на их деятельность.

Также электоральные успехи Альтернативы заставили истеблишмент задуматься о правильности исключительно политкорректного выбора слов и отказа от ряда тем (как например, проблем интеграции мигрантов), что приводило к замалчиванию или недостаточной артикуляции насущных проблем некоторых слоев населения. Если в 2015 г. исключительно представители партии ХСС обвинялись в заигрывании и переигрывании с правой риторикой, то во второй половине 2016 г. политики второго ранга ХДС вполне позволяют себе менее политкорректные высказывания. Политические дискуссии также свидетельствуют о вероятном сдвиге вправо. В принятой на декабрьском съезде ХДС резолюции зафиксировано, что ХДС против двойного гражданства (напомним, что двойное гражданство для выходцев из Турции было разрешено в 2014 г., при соблюдении ряда условий, таких, как длительное проживание в ФРГ; для выходцев из стран ЕС действуют особые правила); за более жесткую экстрадицию не получивших статус беженца мигрантов, а также за проверку беженцев на границе в ФРГ (создание специальных зон контроля). Все эти положения – значительные уступки консервативному крылу внутри самой ХДС, а также консервативному электорату в целом.

Все без исключения устоявшиеся партии в результате успеха Альтернативы сделали вывод о недостаточном внимании к социальной составляющей, произошел пересмотр роли государства и легитимизирован его возврат в ряд важных с социальной точки зрения сфер. Особенно ярким следует считать пример с возобновлением строительства социального жилья и возвратом в эту сферу государства (выросшая стоимость съемного жилья, нехватка жилья эконом-класса в крупных городах стала в последние годы критической). Следует отметить, что этот внутренний тренд расходится с навязываемой ФРГ другим странам ЕС политикой по сокращению государственных расходов. Но нельзя исключать, что в длительной перспективе это приведет к комплексному переосмыслению неолиберализма и откату назад. Хотя на момент написания этого прогноза предвыборных программ к 2017 г. партии еще не представили, разрозненные высказывания и динамика дискуссии позволяют предположить, что СДПГ будет предлагать снизить налоговую нагрузку на наименее обеспеченные слои населения, партия «Левые» будет высказываться за увеличение минимальной оплаты труда (сейчас 8,5 евро с исключениями для некоторых секторов), позиция по налогам ХДС не до конца ясна, возможно, будет сохранен статус-кво.

Если говорить о ситуации в отдельных партиях накануне начала предвыборной гонки, то следует отметить несколько моментов. Впервые за много десятилетий наблюдаются серьезные разногласия между ХДС и ее «младшей сестрой» ХСС. После того, как в 2015 г. председатель Х.Зехофер отчитал канцлера А.Меркель на партийном съезде ХСС, в этом году А.Меркель отказалась от традиционного визита на съезд ХСС, впрочем, и Х.Зехофер не приехал на съезд ХДС. Однако маловероятно, что это повлечет за собой отказ от совместной предвыборной кампании и объединения во фракцию на федеральном уровне.

СДПГ уже давно находится в идеологическом кризисе – на этих выборах партия также не сможет предложить ни яркой программы, ни выдвинуть харизматичного лидера. О том, кого СДПГ выдвинет в канцлеры, партия объявит в январе 2017 г. (о намерении выдвигаться А.Меркель заявила в ноябре 2016 г.). На данный момент есть два кандидата: более вероятный – руководитель партии З.Габриель, и занимающий должность председателя Европарламента М.Шульц, который объявил о возвращении в немецкую политику.

Значимым следует считать намеченный переход Ф.-В.Штайнмаера на пост президента ФРГ в феврале 2017 г. (вероятно, что его место в МИДе займет М.Шульц). Выбор в пользу политика первого ранга для этой должности (чего не было в последние десятилетия) говорит о том, что в следующем, скорее всего неспокойном году, президент может сыграть важную стабилизирующую роль. Также пригодится опыт дипломатической работы: хотя по конституции ФРГ президент выполняет исключительно репрезентативные функции, но порой он транслирует позицию правящей коалиции вовне (как это было, например, в случае выступления президента Гаука на Мюнхенской конференции по безопасности).

Для внешнеполитического курса ФРГ важно, что, с одной стороны, обстоятельства 2017 года значительно изменятся: переговоры о выходе Великобритании из ЕС, рост евроскептицизма в других странах (поддержка правых сил во Франции, голосование против реформ в Италии), приход к власти нового президента в США. С другой, следует ожидать максимальной приверженности сохранению существующего тренда – попытки отказаться от большей ответственности в мире и продолжения курса на сохранении интеграции в рамках ЕС. Не последнюю роль сыграет смена министра иностранных дел в начале 2017 г. и окончание срока коалиции осенью 2017 г. *Формат взаимоотношений с Россией в 2017 г. с высокой вероятностью также сохранится неизменным. Значимых изменений курса можно ожидать только в 2018 г.*

Решение проблемы миграции будет главной (хотя возможно и не артикулированной) задачей в 2017 г. Германия воспользуется своим председательством в «Большой двадцатке» для выработки совместных подходов, а также для поиска договоренностей с африканскими странами. Следует отметить, что хотя кризисная ситуация наблюдается на Ближнем Востоке, но большие сложности с интеграцией испытывают далеко не выходцы из Сирии, а приезжие из Африки. Ситуация осложняется тем, что ФРГ не может многих из них экстрадировать (законодательство ряда африканских стран предполагает слишком высокую меру пресечения за выезд из страны, и их возврат означает их тюремное заключение). Также прогнозы динамики численности населения указывают на то, что в будущем более насущной проблемой будет миграция из Африки. Скорее всего, ФРГ будет лоббировать формат, при котором африканские страны будут получать помощь развитию (хотя возможно и не полностью соответствующей определению ОЭСР) в обмен на решение миграционной проблемы.

Ситуация с Турцией сохранится неизменной. ФРГ будет и дальше деликатно критиковать Турцию за нарушение прав человека, но соблюдать при этом определенную дистанцию, памятуя о беженцах. Никаких подвижек в сторону отмены виз не будет, поскольку действия Р.Эрдогана привели к росту числа этнических турок, просящих политическое убежище в ФРГ. Впрочем, этот же фактор будет препятствовать излишней критике турецких властей: в результате зачисток пострадали тысячи рядовых учителей, журналистов, государственных служащих, и все они согласно международному праву могут претендовать на политическое убежище. Однако выбирая между защитой прав человека за рубежом и ограничением миграционного потока для сохранения стабильности внутри страны, Германия всегда выбирает второе.

Правая Франция

Неудовлетворительные итоги президентства Ф.Олланда, предопределившие его решение не баллотироваться на новый срок, по мнению большинства наблюдателей, означают, что в 2017 г. маятник французской политики с высокой вероятностью качнется вправо. Партия социалистов и другие левые силы находятся в сложном положении. Социалисты оказались у власти после длительного перерыва, но не смогли обеспечить динамику экономического роста и решение социальных проблем.

Основная борьба в ходе избирательной кампании будет происходить между кандидатом партии Республиканцев Ф.Фийоном, занимавшим пост премьер-министра в течение всего президентского срока Н.Саркози, и представляющей крайне-правый Национальный фронт Марин Ле Пен. Несмотря на значительные усилия по корректировке образа Национального фронта с тем, чтобы сделать его приемлемым для более широкого круга избирателей, он сохраняет высокий антирейтинг, который вероятно не позволит Марин Ле Пен победить в случае выхода во второй тур. Шансы Ф.Фийона, напротив, весьма велики. Он заработал себе репутацию профессионального управленца, готового при необходимости идти на жесткие решения для обеспечения французских национальных интересов. Соперничество с М.Ле Пен может заставить Фийона ужесточить свою позицию по миграционному вопросу и демонстрировать заметный уровень евроскептицизма – именно этими положениями повестка Национального фронта привлекает часть избирателей.

Фийон известен хорошими личными отношениями с В.Путиным, что позволяет предположить более динамичное развитие российско-французских отношений в случае его победы. Лидерство на выборах Ф.Фийона и М.Ле Пен, также известной тезисами о необходимости укрепления франко-российского взаимодействия, означает, что потребность в корректировке курса в отношении России не будет оспариваться основными кандидатами.

Фийон может в целом получить преимущество в ходе кампании не столько за счет отличающейся от предложений Национального фронта повестки, сколько за счет большей умеренности, взвешенности подходов.

В случае победы Фийон предпримет попытку играть более активную роль во франко-германском тандеме. Реальные результаты в этом отношении потребуют, прежде всего, оживления экономического развития Франции, но символические шаги могут быть сделаны уже в первые месяцы после французских выборов. И Ф.Фийон, и А.Меркель обладают достаточным политическим опытом, чтобы понимать важность взаимодействия двух лидеров ЕС, и вероятно найдут общий язык, хотя по ряду вопросов, в частности, относительно рецептов разрешения миграционного кризиса, разногласия будут сохраняться. Маловероятная, но всё же возможная победа на французских выборах М.Ле Пен стала бы критическим испытанием для франко-германских отношений и для ЕС в целом. Сохранение преемственности политической модальности и характера принимаемых решений в этом случае оказалось бы невозможным. Национальный фронт ставит вопрос о восстановлении национального пограничного контроля на всех границах Франции и предполагает, что при определенных условиях, французским интересам будет соответствовать выход из ЕС.

Тема полезности Евросоюза для Франции будет одной из заметных в ходе выборной кампании. Даже в случае победы более умеренного в этом отношении Ф.Фийона сама дискуссия о возможности выхода из ЕС может актуализировать этот вопрос в глазах части избирателей. Здесь в среднесрочной перспективе можно будет наблюдать существенное влияние Брекзита. В случае если Великобритания сможет продемонстрировать пример успешного развития, оказавшись вне ЕС, это станет весомым аргументом для граждан других стран Евросоюза. Если изначально избегавшая участия в интеграционном ядре (еврозоне, шенгенском пространстве) Великобритания наносит своим решением только ограниченный ущерб ЕС, подобное решение, принятое крупной континентальной страной, потребует пересмотра всех подходов к европейскому интеграционному процессу и европейской политике.

Итальянская турбулентность

Предпосылки для политической дестабилизации сформировались к концу 2016 г. и в Италии. М. Ренци аргументировал необходимость выдвинутой на референдум политической реформы тем, что в случае ее осуществления, в стране прекратится чехарда постоянно меняющихся правительств. Однако увязав свою политическую судьбу с итогами референдума, премьер-министр создал условия для очередного правительственного кризиса. Проработав на позиции премьера менее трех лет, Ренци стал четвертым политиком по длительности пребывания на этом посту с 1990 г.

Парламентские выборы должны состояться в Италии только в 2018 г., но правительственный кризис может вынудить политические силы страны провести выборную кампанию досрочно, возможно уже в начале 2017 г. Политический спектр Италии, как и многих других стран Европы, известен заметными популистскими тонами, характерными для всех основных партий, но наиболее ярко проявившимися в движении «Пять звезд». Нельзя исключать, что Демократическая партия, к которой принадлежит уходящий Ренци, неплохо покажет себя на выборах. Отставку Ренци многие наблюдатели рассматривают как следствие ряда тактических ошибок, но не оценку деятельности правительства в целом.

При любом решении вопроса о досрочных выборах перед итальянскими партиями стоит задача выдвижения новых конкурентоспособных лидеров. Лицо движения «Пять звезд» Б.Грилло может аккумулировать общественное недовольство властью, но вряд ли способен

организовывать работу правительства. За 80-летним главой партии «Вперед, Италия» С.Берлускони тянется шлейф скандалов, судебных разбирательств и неоднозначных результатов пребывания у власти. М.Ренци как раз и олицетворял надежду на обновление политического класса и, вне зависимости от того, как будет складываться его персональное будущее, этот процесс продолжится.

Провал попытки государственной реформы может стимулировать развитие центробежных региональных тенденций. Не случайно среди политических сил, выступающих за досрочные выборы, заметна Лига Севера, опирающаяся на богатые регионы северной Италии. При почти 150-летней истории существования в формате единого государства Италия по-прежнему известна сильными региональными дисбалансами экономического и культурного плана.

Традиционный для Италии еврооптимизм эволюционирует под грузом проблем. Пребывание в еврозоне означает невозможность независимого от решений всех стран этого объединения и Европейского центрального банка оперирования валютными инструментами для решения экономических проблем. Отсюда тезис итальянских популистов, предлагающих референдум о выходе из еврозоны. Дальнейшая популяризация этого тезиса может стать проблемой для ЕС даже в случае, если собственно референдум так и не будет проведен. *Партии политического мэйнстрима вынуждены учитывать настроения избирателей и могут всё более строптиво вести себя в ходе переговоров по различным вопросам развития еврозоны и Евросоюза в целом.*

Центральная Восточная Европа

В 2016 г. заметно повысилась активность, и усилились позиции стран ЦВЕ в ЕС и НАТО. На фоне ослабления влияния Брюсселя на политические, экономические и миграционные процессы в рамках ЕС и ожиданий изменений в европейской политике США страны ЦВЕ стали действовать более согласованно и инициативно. Что позволило им во многом определить повестку двух ключевых форумов этих организаций – июльского саммита НАТО и сентябрьского саммита ЕС. Первый принял долго лоббировавшееся частью стран ЦВЕ решение о размещении на их территории войск НАТО и США и Декларацию НАТО-ЕС, по сути нацеленных на «сдерживание» России. Второй – открыл т.н. «Братиславский процесс», повышающий роль стран ЦВЕ в политической и экономической «реконструкции» ЕС с учетом новых глобальных и европейских реалий после Брекзита.

В НАТО уже состоят 12 из 16 стран ЦВЕ (не считая Косово), причем Польша и Эстония уже выполняют «нормативы» НАТО по доле оборонных расходов в госбюджете. Вероятно, к середине 2017 г. 29 членом альянса станет Черногория, и на регион ЦВЕ будет приходиться уже почти 45% общего числа стран-членов НАТО и 48% его европейских стран-членов (включая Турцию). Страны ЦВЕ активно поддерживают и дальнейшее «расширение» НАТО на Македонию, Боснию и Герцеговину и Сербию, которое пока сдерживается внутренними и внешними факторами (например, вето Греции на вступление Македонии). Их представители заняли ряд важных позиций в альянсе, включая Председателя Военного комитета НАТО (Чехия) и помощника Генсекретаря НАТО по возникающим вызовам безопасности (Румыния). В перспективе это, вероятно, приведет к повышению «веса» стран ЦВЕ в структурах НАТО.

В 2016 г. заметно усилился тренд к формированию странами ЦВЕ собственной региональной «повестки дня» в рамках стратегии НАТО в Европе. Основными ее инициаторами стали Польша и Румыния, которые при активной поддержке стран Балтии и Хорватии выдвинули т.н. «Инициативу Трехморья». Она реанимирует существовавшую в 1930-х гг. по сути

антироссийскую концепцию «Балто-Черноморского военно-политического союза», расширяя ее на все 10 стран ЦВЕ - членов НАТО, расположенных между Балтийским, Черным и Адриатическим морями, и Австрию. Декларировано стремление этих стран наладить тесное сотрудничество в области инфраструктуры, энергетики и безопасности. Однако пока все остается на уровне намерений и деклараций.

На Варшавском саммите НАТО в июле странам ЦВЕ удалось заметно продвинуться в превращении линии соприкосновения с Россией в «восточный фланг» НАТО, защита которого обеспечивается как силами национальных армий, так и формированиями НАТО и США. Уже в первой половине 2017 г. в Польше и странах Балтии на ротационной основе будут размещены боевые батальонные группы НАТО, численностью по 1 тыс. военнослужащих. Наряду с военными США, ФРГ, Канады, Великобритании, в них будут входить военные стран ЦВЕ (в Польше – Румынии, в Латвии – Албании, Польши и Словении). В Польше будет дополнительно размещена бронетанковая бригада из США, так что общая численность натовско-американского контингента в стране достигнет 6 тыс. человек, а с учетом стран Балтии – 10 тыс. человек. Намечается, что американская бригада будет участвовать в маневрах не только в Польше, но и в странах Балтии, Румынии, Болгарии и даже Грузии. *В НАТО отмечают, что многонациональный характер размещаемых войск, обуславливает трактовку возможной атаки на них, как нападения на весь блок.* При этом Польша и страны Балтии рассматривают размещение международных формирований на своей территории как гарантию поддержки со стороны НАТО в потенциальном конфликте с Россией. К этому добавляются уже развертываемые в 8 странах ЦВЕ командные центры НАТО, способные «при необходимости» обеспечить скорейшее развертывание на их территории оперативных натовских сил. Вдвое (до 40 тыс. чел.) увеличивается численность сил быстрого реагирования НАТО.

Особую активность проявляет Польша. За пребывание на территории своей страны войск других стран НАТО, по опросам, выступают 65% поляков. Расширяются возможности международного корпуса НАТО «Север-Восток» в Щецине, задачами которого «в мирное время» являются мониторинг ситуации на востоке Украины, проведение учений и руководство работой интеграционных подразделений НАТО в странах Балтии. В 2017 г. к корпусу присоединится Италия. В Кракове создается центр НАТО по борьбе с терроризмом и шпионажем. В его работе, кроме организаторов (Польши и Словакии), будут участвовать 6 новых (Венгрия, Литва, Румыния, Словения, Хорватия, Чехия) и 2 старых (Германия, Италия) члена альянса.

Эти новые тенденции серьезно повышают риск инцидентов, особенно на фоне «соревнования» маневров НАТО и России. Так, в Латвии были проведены крупные маневры с участие 10 стран НАТО, в Румынии - учения стран НАТО «по действиям на оккупированной врагом территории», с участием, в т.ч. Канады, ФРГ, Молдовы. Черногория, еще не став формально членом НАТО, в ноябре предоставила свою территорию для маневров войск 7 стран НАТО и 10 ее стран-партнеров (в т.ч. Азербайджана и Косово), демонстративно приурочив их к проведению в Сербии учений ВДВ России, Беларуси и Сербии «Славянское братство». В октябре НАТО информировала о намерении усилить присутствие в Черноморском регионе наземных, морских и воздушных сил, в т.ч. США, Канады, ФРГ, Голландии, Польши и Турции. Новым трендом в этой ситуации является вовлечение в активизацию НАТО в регионе ЦВЕ традиционно сдержанных в этой сфере Венгрии, Словакии, Чехии, Словении и Хорватии. Втягивается в него и Болгария. Недавно избранный болгарский президент Р.Радев отмежевался от антироссийской риторики прежнего руководства, но подчеркнул, что Болгария остается верным членом НАТО и ЕС.

Антироссийская направленность «репозиционирования» стран ЦВЕ в НАТО очевидна, хотя на всех уровнях говорится о его «исключительно оборонном» характере и необходимости нового диалога с Россией «на основе общего понимания и уважения международного права». Декларируется, что изоляция России со стороны НАТО невозможна и нежелательна, как и новая холодная война и гонка вооружений. При этом размещение войск НАТО и США в регионе ЦВЕ объявляется «новой реальностью» с неопределенным сроком окончания.

Ослабление или усиление конфронтационных тенденций в отношениях России и ЦВЕ во многом будет зависеть от политики новой администрации США, а также «постбрекзитовской» политики ведущих западноевропейских стран, прежде всего ФРГ. Настороженность стран ЦВЕ в отношении Германии заметно возросла из-за ее миграционной политики. По опросам, в 2016 г. в главной «пронатовской» стране ЦВЕ – Польше недоверие к Германии достигло рекордного уровня. Против усиления роли ФРГ в Европе и мире выступают 73% поляков. Отношения с Францией резко ухудшились после отказа Польши (явно по политическим причинам) от закупки боевых вертолетов франко-немецкого производства и усиления крайне консервативной внутривнутриполитической линии польского правительства.

Однако, несмотря на повышение координации действий в рамках НАТО и в отношении России, о полной солидарности, а тем более единстве взглядов стран ЦВЕ по основным внешнеполитическим проблемам, говорить нельзя. Их «групповые» инициативы (в рамках Вышеградской четверки, Трехморья и т.п.) очень аморфны и пока не оказывают решающего влияния на стратегию НАТО. Более того, наблюдается конъюнктурное ситуативное сближение стран, недовольных своим нынешним положением в регионе, в т.ч. независимо от членства в НАТО (например, Венгрии и Сербии).

В ЕС политический «вес» ЦВЕ существенно выше, чем в НАТО. При доле стран ЦВЕ в населении ЕС менее 15% их представители в 2016 г. занимали 35% постов членов Еврокомиссии и 25% - руководителей комитетов Европарламента. Представитель Польши занимал пост главы стратегического политического института ЕС – Европейского совета. Словакия председательствовала в ЕС во втором полугодии 2016 г., Эстония – будет это делать во второй половине 2017 г., заменив «постбрекзитовскую» Великобританию.

В рамках ЕС большая «самостоятельность» действий стран ЦВЕ, помимо политической мотивации, их национальных и региональных интересов, базируется на их реальных экономических достижениях. На фоне медленного посткризисного восстановления экономики и сохранения острых социально-экономических проблем в ЕС в целом (безработица, особенно молодежная, значительная доля бедных и др.) экономика большинства стран ЦВЕ показывает позитивную динамику. Эти страны сумели использовать низкие цены на топливно-сырьевые товары и политику количественного смягчения в Еврозоне для обеспечения благоприятных денежно-кредитных условий и наращивания внутреннего спроса.

В результате, при среднем по ЕС (по оценке Еврокомиссии) приросте ВВП в 2016 г. на 1,8% в 2016 г., по странам Вышеградской группы (Венгрии, Польше, Словакии и Чехии) ожидается прирост в 2,1-3,4% (в 2017 г. -2,6-3,4%), Болгарии и Румынии – 3,1-5,2% (2,9-3,9%), Словении и Хорватии – 2,2-2,6% (2,5-2,6%), странам Балтии 1,1-2,0% (2,3-2,7%). Тем не менее, они ненамного опережают по динамике экономического лидера ЕС – ФРГ, а страны Балтии – даже заметно отстают от их главного партнера по ЕС – Швеции. Поэтому разрыв в уровнях экономического развития «новых» и «старых» стран ЕС сокращается медленно, а по некоторым показателям (например, доле дефицита госбюджета в ВВП) для ряда стран ЦВЕ даже увеличивается.

Например, доля экономического ядра ЦВЕ – Вышеградской группы в совокупном ВВП ЕС составляет менее 6%, а в экспорте - около 10%. Общий ВВП «вышеградцев» в 4 раза, а экспорт – в 2,5 раза меньше, чем у одной ФРГ.

Возросшая экономическая сила стран ЦВЕ способствует их политической активизации, усилению координации действий в рамках ЕС. Прежде всего, это касается Вышеградской группы, предложения которой по усилению роли национальных парламентов и правительств и «новых стран» ЕС в целом существенно повлияли на начавшийся в 2016 г. «Братиславский процесс». Он должен завершиться в марте 2017 г. принятием пакета обязывающих ориентиров «общего будущего» ЕС на «постбрекзитовском» этапе развития европейской интеграции. Этот процесс, по сути, призван повысить роль стран ЦВЕ в принятии решений по развитию интеграции в рамках ЕС и обезопасить их от превращения в постоянную периферию этой интеграции. «Старые» страны ЕС уже пошли на конкретные существенные уступки, например, согласились изучить выдвинутый Вышеградской группой принцип «гибкой солидарности». Он позволил бы странам-членам выбирать специфические формы участия в осуществлении общей миграционной политики, исходя из своего опыта и потенциала. При этом любой механизм перераспределения мигрантов был бы добровольным.

В то же время «старые» страны ЕС обеспокоены *ростом в регионе ЦВЕ националистических, популистских и авторитарных тенденций*, как правого, так и левого толка. Наряду с Венгрией и Польшей этот тренд уже охватил Словакию, Хорватию, Сербию, Черногорию. В Словакии, по опросам декабря 2016 г., каждый четвертый предпочел бы нынешней демократии диктатуру, а 28% хотели бы вернуться к «социализму до 1989 года». Крайне правую партию «Наша Словакия» поддерживают 24% опрошенных, причем самого активного возраста – от 18 до 39 лет. 35% респондентов хотели бы выхода страны из ЕС (Pravo, 16.12.2016, s.12).

В Болгарии среди проголосовавших за опиравшегося на социал-демократов президента Р.Радева почти треть составили консервативно-националистически настроенные граждане. В Румынии, где, по опросам, рекордное для ЕС число граждан (82%) разделяет авторитарно-популистские взгляды, националистически-популистская риторика социал-демократов позволила им выиграть парламентские выборы. В Чехии впервые за 27 лет «постсоциалистического» развития правящие социал-демократы декларировали готовность на определенных условиях создать коалицию с коммунистами. Эти тенденции угрожают подрывом базовых идеологических и политических основ ЕС.

В Брюсселе опасаются и «пророссийского» тренда в политике ряда стран ЦВЕ, как в традиционно лояльно относящихся к России (Болгарии, Словакии, Сербии), так и «прагматиков» (Венгрии, Чехии, Словении). Признаки этого уже появились. Если в 2015 г. инициативу Польши по блокированию проекта газопровода "Северный поток-2" поддержали 8 стран ЦВЕ, то в 2016 г. ее протест против расширения доступа «Газпрома» к связанному с «Северным потоком-1» газопроводу «Опал» поддержала только не являющаяся членом ЕС Украина.

Во внешнеэкономической сфере страны ЦВЕ настороженно относятся к институализации более тесного торгово-экономического сотрудничества с Канадой (в рамках уже подписанного в 2016 г. договора) и, особенно, с США в рамках будущего договора о ТТИП, обоснованно сомневаясь в конкурентоспособности своего сельского хозяйства, металлургии, малого и среднего бизнеса в обрабатывающих отраслях. С другой стороны, страны ЦВЕ активизировали поиски альтернативных ЕС внешних факторов роста. Главным из них пока является присоединение к интеграционным проектам Китая «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь

XXI века», обещающим значительные инвестиции в транспортно-логистическую инфраструктуру и сопряженные отрасли. Воздействие этих факторов на позиционирование стран ЦВЕ в ЕС (в т.ч. на основе подписанных в 2016 г. Китаем договоров с Польшей, Сербией и Чехией) в 2017 г. безусловно возрастет.

Польша в «постбрекзитовском» ЕС займет четвертое – пятое место как в экономическом, так и в военно-политическом рейтинге. Это обуславливает повышение ее роли в формировании и реализации стратегии развития Евросоюза. Новые тенденции в позиционировании стран ЦВЕ в НАТО и ЕС уже в значительной мере связаны с политикой партии «Право и справедливость (ПИС)», с 2015 г. контролирующей все уровни законодательной и исполнительной власти.

Опасения Брюсселя и ведущих «старых» стран ЕС относительно неумеренного национал-консерватизма, социал-популизма и авторитарных тенденций в Польше в 2016 г. переросли в официальные обвинения. Еврокомиссия потребовала от польских властей отменить решения по судебной системе, СМИ и т.д, как «ставящие под угрозу основные ценности Евросоюза», а Европарламент из-за игнорирования Польшей этих требований предложил временно лишить ее некоторых прав страны- члена ЕС. Но «наказанию» Польши вероятно помешают другие страны ЦВЕ, прежде всего, Венгрия. Политические лидеры Польши и Венгрии уже выступили за «культурную контрреволюцию» - усиление национальной идентичности стран ЕС в ущерб их европейской идентичности, перенос акцента в принятии решений на национальные, а не наднациональные институты, активизацию различных региональных инициатив и их институализацию и т.п.

В военно-политическом отношении Польша сохраняет трансатлантическую ориентацию, однако акцентирует особенно близкий характер польско-американских отношений как альтернативу партнерствам в рамках ЕС, включая скептическое отношение к собственной оборонной политике сообщества. Опасения «старых» и части «новых» стран ЕС вызывает и курс лидера «ПИС» (по сути «теневого главы» Польши) Я.Качиньского на ведение переговоров с Россией «с позиции силы».

Внутри страны политика «ПИС» пока пользуется достаточной поддержкой, прежде всего, благодаря принятию ряда популистских мер (выплаты дополнительного пособия на детей, снижение пенсионного возраста и т.п). Однако эти меры уже приводят к негативным последствиям (массовый отток из экономики женщин, перегрузка пенсионной системы и т.д.). В 2016 г. впервые за три года отмечено снижение инвестиций и экспорта, что чревато замедлением роста польской экономики в 2017-2018 гг. Недовольство общественности вызывает и авторитарная политика властей. После протестов декабря 2016 г., по опросам, 57% поляков считали, что «ПИС» ослабил демократию в стране.

Признаки недовольства наблюдаются и у политической и военной элиты страны, в т.ч. из-за реформы судебной и оборонной систем (замедления модернизации армии, отвлечения средств на создание войск территориальной обороны и т.д). В перспективе эти разногласия могут принять гораздо более конфликтный характер.

* * *

В 2016 г. подведение итогов эпохи становления и развития европейской интеграции совпало со стартом ее нового «постбрекзитовского» этапа. ЕС необходимо доказать преимущество и безальтернативность интеграционного процесса для сохранения и укрепления позиций Европы в резко изменившихся как региональных, так и глобальных экономических и политических условиях.

Прежде всего, это касается восстановления политическими элитами ЕС контроля «над событиями и процессами», дезориентирующими и пугающими граждан. Иначе европейцы начнут искать альтернативы, чреватые массовым отходом от свобод и фундаментальных ценностей ЕС. Евросовет выделил три непосредственные причины нынешнего кризиса Евросоюза:

- *миграционный кризис*, выразившийся в хаосе на внешних границах ЕС, бесконтрольном перемещении масс беженцев и мигрантов по территории Сообщества и отсутствии быстрой реакции и единой стратегии, напугавший европейцев и ослабивший их доверие к правительствам стран и институтам ЕС;
- *недостаточная эффективность борьбы с терроризмом*, в т.ч. из-за практических и правовых препятствий для сотрудничества национальных полицейских сил и спецслужб в обмене информацией и оперативной работе, а интернет-провайдеров – в исключении контента, способствующего терроризму;
- *опасения европейцев за свои экономические и социальные интересы в связи с глобализацией*, в т.ч. из-за недостаточного доступа к информации, неуверенности в способности правительств обеспечивать справедливые правила игры и защищать их интересы от внешних конкурентов.

По мнению Председателя Евросовета Д.Туска, из этого системного кризиса Евросоюз может выйти более слабым и конфликтным – либо более крепким и единым. Потенциала 27 стран достаточно для эффективной конкуренции с остальным миром. Необходимо устранить дефициты в оборонной политике и политике безопасности, не *превращая ЕС в единое государство и не предоставляя новых полномочий его институтам*. Национальные электораты должны иметь большее влияние на решения ЕС. Однако лозунг «меньше власти Брюсселю» предполагает и «большую ответственность за ЕС в национальных столицах», т.е. готовность жертвовать частью своих интересов на благо сообщества.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Украина 2017. Внутренняя и внешняя политика: основные тренды

В начале 2017 г. Украина будет отмечать трехлетие прихода к власти действующей политической элиты. Новые президентские выборы должны пройти летом 2019 г., поэтому со второй половины 2017 г. можно ожидать усиления активности со стороны основных политических игроков страны. Окончание президентского срока П.Порошенко и срока полномочий Верховной Рады Украины будет серьезным поводом для подведения итогов развития государства.

Внутренняя политика

В феврале 2016 г. было отправлено в отставку правительство А.Яценюка. Из состава правящей коалиции «Европейская Украина», сформированной по итогам выборов в Верховную Раду 26 октября 2014 г., вышли три партии – «Самопомощь» (руководитель фракции – О.Березюк), «Батькивщина» (Ю.Тимошенко) и «Радикальная партия Олега Ляшко». В новой коалиции остались только «Блок Петра Порошенко «Солидарность» (Ю.Луценко) и «Народный Фронт» (М.Бурбак, до июля 2015 г. – А.Турчинов). Новым премьер-министром был избран В.Гройсман (БПП), новым спикером Верховной Рады – А.Парубий («Народный фронт»). Из-за распада правящей коалиции и потери уверенного большинства в Раде избрание нового премьер-министра стало возможным благодаря поддержке двух внефракционных парламентских групп – «Воля народа» и «Возрождение» (см. рис.1).

Рис. 1. Фракции Верховной Рады Украины:

*«Воля народа», «Возрождение» - парламентские группы, состоящие из избранных по одномандатным округам. В обеих представлены, преимущественно, бывшие члены «Партии регионов», обе связывают с И.Коломойским.

Крупнейшей по числу депутатов фракцией в Верховной Раде вне правящей коалиции остался «Оппозиционный блок» (Ю. Бойко). Несмотря на положительно воспринятую населением Украины отставку А. Яценюка, новое правительство на протяжении 2016 г. резко теряло поддержку населения: с 59% отрицательно относившихся к правительству в июне 2016 г. до 79% - в сентябре 2016 г. (http://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/obschestvenno-politicheskie_nastroeniya_naseleniya_oktyabr_2016.html).

Текущее изменение политических предпочтений граждан свидетельствует о том, что население возлагает ответственность за ситуацию в стране на президента и правительство, их неспособность и нежелание вывести страну из кризиса. Доверие к основным институтам власти значительно ниже недоверия.

Падает рейтинг президента и его партии. Лишь 14% населения считает, что президент ведет страну в верном направлении, 69% это отрицают. 70% считают, что П.Порошенко не способен вывести страну из кризиса, и 68% против 16% - что он не способен остановить войну (<http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=660&page=1>). Тяжелая ситуация в стране и уже принятые крайне непопулярные меры будут и дальше обуславливать падение популярности всех занимающих высокие государственные посты лиц.

На фоне почти двукратного падения рейтинга «БПП» (с 21,8% на выборах 2014 г. до 12% осенью 2016 г.) и практически полного политического фиаско «Народного фронта» (с 22,1% до менее 1%) растет популярность партий, не вошедших в правящую коалицию и слабо представленных в органах государственной власти. На первое место в рейтинге популярности выходит партия «Батькивщина» Ю.Тимошенко, и в 2017 г. она, вероятно, укрепит свои позиции. Сохранит своих избирателей, и вероятно, расширит электоральную базу «Оппозиционный блок», тем временем «Радикальная партия О.Ляшко» и «Самопомощь» будут понемногу терять голоса.

В Верховную Раду в случае проведения выборов осенью 2016 г. прошли бы семь политических партий (см.Табл.1): «Батькивщина», «БПП», «Оппозиционный блок», «Радикальная партия О.Ляшко», «Самопомощь», «Гражданская позиция» и «За жизнь». На грани преодоления 5-процентного барьера радикально-националистическая «Свобода» О.Тягнибока. Обращает на себя внимание высокий процент граждан, которые не намерены принимать участие в выборах – от 18 до 22% опрошенных, и большое количество неопределившихся – от 10 до 28%. (Данные по тем, кто пойдет на выборы и определился с предпочтениями).

Таблица 1: Политические предпочтения граждан Украины: если бы выборы состоялись на этой неделе, за какую из партий Вы бы проголосовали?

	Центр Разумкова*	КМИС**	Социологическая группа "Рейтинг"***	Центр социальных исследований "София"****	Средний показатель по 4 опросам
	22 ноября 2016 г.	22 ноября 2016 г.	31 октября 2016 г.	14 сентября 2016 г.	осень 2016 г.
Батькивщина	12,2	20	13	12,1	14
БПП	13,3	13,3	10	12,6	12
Оппозиционный блок	10,6	9	8	13,1	10
Радикальная партия О.Ляшко	6,3	9,8	9	7,9	8
Самопомощь	8,9	6	7	7,6	7
За жизнь	5,1	8,2	5	1,5	5
Гражданская позиция	4,2	5,8	5	3,1	5
Свобода	3,1	4,9	5	4,3	4
Партия Саакашвили	2,1	1,3	2	5,7	3
УКРОП	1,9	0	2	1,9	1
Левая оппозиция	1,8	0	2	0	1
Народный фронт	1,3	0	2	0	1
Возрождение	1	0	2	0	1
Национальный рух Д.Яроша	1,6	0	1	0	1
Сильная Украина	0,6	0	2	0	1
УДАР	0	1	0	0	0
Другая партия	14,3	7,7	4	14,3	10
Не поддерживают ни одну партию	0	6	0	5,6	3
Затруднились ответить	17	27,7	18	10,3	18
Не пойдут на выборы	18,6	22,4	21	0	16

Из партий, которые имеют потенциал для наращивания электоральной базы, можно отметить две, причем с практически диаметрально различающимися позициями - «Гражданскую позицию» А.Гриценко (экс-министр обороны Украины, 2005-2007 гг., депутат ВР, в 2012-2014 гг. от «Батькивщины») и «За жизнь» В.Рабиновича и Е. Мураева (оба депутаты ВР). Первая выступает за расширение сотрудничества с ЕС, вступление в НАТО, резко отрицательное отношение к России. Вторая – за нейтральный статус Украины («Европу нужно строить у себя дома»), за мир на востоке страны.

Сохраняются региональные различия в политических предпочтениях граждан Украины (см. Табл.2).

Таблица 2. Партии-лидеры политических предпочтений по регионам:

	Запад (% отданных голосов)	Центр (% отданных голосов)	Восток (% отданных голосов)
БПП	Черновцы (15) Тернополь (14) Ровно (13)	Киев (17) Житомир (17) Винница (18) Чернигов (12) Кировоград (12)	Херсон (12)
Батькивщина	Ужгород (17)	Сумы (16), Полтава (12)	
Самопомощь	Львов (29)	Черкассы (13)	
Свобода	Ивано-Франковск (21) Хмельницкий (17)		
Оппозиционный блок			Одесса (21) Николаев (26) Запорожье (30) Днепропетровск (22) Северодонецк (21) Мариуполь (51)
Возрождение			Харьков (25)

Рейтинг политиков Украины подтверждает ту же тенденцию, что и рейтинг отдельных политических партий: наиболее положительно воспринимаются населением лица, не занимающие высоких государственных постов и не входящие в правительство. Несмотря на это, у всех отрицательный рейтинг значительно превышает положительный: А. Гриценко (+27%/-51%), А. Садовый (+25%/-55%), Н. Савченко (+24%/-62%), О. Ляшко (+23%/-69%), Ю. Тимошенко (+23%/-69%), М. Саакашвили (+21%/-64%).

С осени 2016 г. стало значительным преимущество Ю.Тимошенко над П. Порошенко в случае проведения второго тура президентских выборов: 23,8% против 17%. В целом, если бы выборы президента страны прошли осенью 2016 г., то результаты были бы следующими (среди тех, кто намерен голосовать и определился с выбором) (см. Табл.3):

Таблица 3.

	Центр Разумкова*	КМИС**	София***	Рейтинг****	Среднее значение по 4 опросам
	22 ноября 2016 г.	22 ноября 2016 г.	14 сентября 2016 г.	31 августа 2016 г.	
Юлия Тимошенко	11,5	10,1	13,2	17,7	13
Петр Порошенко	16,2	8,7	12	10,7	12
Юрий Бойко	9,4	4,4	11,7	11,5	9
Олег Ляшко	6	4,4	7,6	9,8	7
Андрій Садовий	5,7	3,4	6,8	8,9	6
Анатолий Гриценко	4,9	5	6,1	7,5	6
Надежда Савченко	н/д	н/д	н/д	5,6	6
Вадим Рабинович	н/д	5,5	н/д	н/д	6
Михаил Саакашвили	н/д	н/д	4,2	н/д	4
Володимир Гройсман	3,2	н/д	н/д	н/д	3
Олег Тягнибок	2,8	2,1	3	4,3	3
Дмитро Ярош	2,8	1,4	2,7	2,2	2
Арсений Яценюк	0,9	н/д	0,6	2,1	1
Петр Симоненко	1	н/д	1,1	н/д	1
Виталий Кличко	0,6	н/д	н/д	н/д	1
Андрей Билецкий	н/д	0,2	н/д	н/д	0
Иной политик	18,2	1,9	н/д	н/д	10
Трудно сказать	16,7	25,2	н/д	н/д	21

Население крайне негативно оценивает все происходящее в экономике страны. 82% называют социально-экономическую ситуацию плохой, считая главной проблемой коррупцию (66%). 84% считают, что «плохо» «все, что происходит в стране». 56% - что лучше «выходить на улицу с протестом», а не «терпеть для собственного спокойствия» - 16%. При этом 40% готовы выйти на акции протеста против действующей власти (<http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=660&page=1>).

Протесты, если они будут, вероятнее всего, будут направлены в первую очередь против Верховной Рады и правительства. Институт президентства на Украине пользуется несколько большим доверием, чем Верховная Рада, правительство, прокуратура, полиция, суды, Нацбанк и Служба безопасности (СБУ). Но и ему доверяют только 24,4%. 79,4% граждан не доверяют Верховной Раде, почти по 75% - правительству и прокуратуре, 67% – президенту, 64% - полиции.

В то же время значительно выше, чем у центральных органов власти, рейтинг доверия у областных, районных органов власти и местного самоуправления (28%, 32%, 41%). Положительная разница рейтинга доверия/недоверия у добровольческих батальонов (им доверяют 56%), вооруженных сил Украины (57%), национальной гвардии (54%), церкви (58%), гражданских (52%) и волонтерских (66%) организаций (http://www.razumkov.org.ua/ukr/upload/2_Press1116.pdf).

Наиболее острыми проблемами, которые будут определять внутривнутриполитический ландшафт, останутся: конфликт на востоке Украины; коррупция в высших эшелонах власти; ситуация в экономике страны; цены на ЖКХ; прогресс в сближении с ЕС и продолжение поддержки со стороны США; ситуация с вкладчиками банков, ликвидированных Нацбанком Украины; политические/антикоррупционные процессы против оппозиционных политиков.

Урегулирование конфликта на востоке страны в 2017 г. маловероятно. Действующей власти выгодна ситуация с вялотекущим конфликтом, которая позволяет прикрывать коррупцию, манипулировать вниманием международной общественности и создавать образ жертвы, оправдывающий любые действия внутри страны и вызывающий сочувствие на международной арене. Требуемые в соответствии с Минскими договоренностями изменения в Конституции и законодательстве реально приняты не будут по причине полной нетерпимости в обществе к каким бы то ни было уступкам в вопросах государственного устройства Украины и заметного представительства командиров добровольческих батальонов в Верховной Раде.

Социально-экономическое положение и внешняя политика

По предварительным оценкам Всемирного банка, 2016 г. Украина завершает со слабым экономическим ростом, составляющим 1%. На фоне провала 2014 (-6,6%) и 2015 гг. (-9,9%) даже скромный рост дает надежду на некоторую стабилизацию экономики. Украинские экономические ведомства прогнозируют в 2017 г. экономический рост на уровне 2,9%, в 2018 г. – 3,6%, МВФ (World Economic Outlook: Subdued Demand – Symptoms and Remedies. // IMF, октябрь 2016, с. 232.) ожидает в 2017 г. рост 2,5%, к 2021 г. – 4%. По секторам экономики Всемирный банк предполагает выход на умеренный рост после провала 2014-2015 гг. (в 2015 г. промышленность: -14%, сельское хозяйство: -4,7%, услуги: -9,2%). Ожидается замедление инфляции (48,7% в 2015 г. и прогнозируемые Всемирным банком 12% в 2016 г.) до 8,5% к концу 2017 г. (World Economic Outlook: Subdued Demand – Symptoms and Remedies. // IMF, October 2016, с. 237). МВФ ожидает снижения внешнего долга Украины в 2017 г. до 136,3% от ВВП (в 2016 г. – 141,3%). Сохранится дефицит платежного баланса, который существенно снизился после начала экономического кризиса: -9,2% от ВВП в 2013 г., -0,3% в 2015 г., в 2016 г. ожидается -1,5%. В связи с предполагаемым началом роста промышленного производства ожидается увеличение дефицита в 2017 г. до -2,1%.

Дефицит бюджета в 2016 г. составил 3,7% от ВВП, в 2017 г. ожидается на уровне 3-4,4%. В бюджете на 2017 г. среди расходной части следует отметить, во-первых, продолжающийся рост военных расходов, оправдываемый продолжением военной операции на востоке. По ориентировочным данным СИПРИ, военные расходы в 2015 г. составили 4,4 млрд. долл. (4% от ВВП), прогнозируемые расходы в 2016 г. – 3,6 млрд. долл., в проекте бюджета на 2017 г. заложено 5,8 млрд. долл. (5% от ВВП). Во-вторых, расходы на выплату субсидий на оплату услуг ЖКХ для 60% украинских домохозяйств: почти 2 млрд. долл. Статья расходов появилась после повышения цен на услуги ЖКХ в соответствии с требованиями МВФ (по плану за 2015-2017 гг.: газ – в 6,3 раза, электроэнергия – в 3,5 раза, тепло – почти в 2 раза). В-третьих, объявленное в октябре 2016 г. двукратное повышение минимального размера оплаты труда с 1600 до 3200 грн (или до 124 долл., что все равно меньше порога бедности по стандартам ООН, составляющего 150 долл./мес.). Далее, выплата внешнего долга: 2,6 млрд. долл. в 2017 г. (общая сумма долга, по данным Министерства финансов Украины на 31 октября 2016 г., составляет 36,34 млрд. долл.). Сохраняется угроза дефолта, государственных средств может оказаться недостаточно для осуществления выплат по долговым обязательствам.

Тяжелая экономическая ситуация вынуждает Украину продолжать сотрудничество с Международным валютным фондом, Европейским союзом и другими потенциальными кредиторами. МВФ одобрил в 2014 г. программу расширенного финансирования (EFF) по предоставлению Украине кредита на 4 года в размере 17,5 млрд. долл. Выделено за 2014-2016 гг. 11,7 млрд. долл. (4,1 млрд. в 2014 г., 6,6 млрд. в 2015 г. и 1 млрд. в 2016 г.). МВФ осуществляет регулярный мониторинг ситуации на Украине, увязывая выделение средств с реализацией программы реформ. Миссия МВФ в Киеве 3-17 ноября 2016 г. пришла к

следующим основным выводам: а) Украине требуется больше времени на проведение политики, гарантирующей среднесрочную фискальную стабильность, включая принятие бюджета на 2017 г., учитывающего цели программы расширенного финансирования (EFF); б) экономика демонстрирует признаки постепенного восстановления; в) длительность и успешность восстановления экономики зависят от проведения реформ, которые должны способствовать переходу к полноценной рыночной экономике; г) необходимо бороться с коррупцией. Транш в 1,3 млрд. долл., который ожидался в конце 2016 г., увязывался с принятием бюджета, и вряд ли будет выплачен до конца 2016 г. В целом, наблюдается большая сдержанность в предоставлении кредитов, чем это было в 2014-2015 гг.

Европейский союз весьма умеренно оценивает успехи Украины в проведении реформ. Повестка дня отношений Украины и ЕС в 2017 г. будет включать в себя мониторинг конституционной, антикоррупционной реформ, реформы систем юстиции и государственного управления, избирательного законодательства, процесса децентрализации, реформ сектора гражданской безопасности, энергетики, государственного финансового менеджмента, улучшения экономического климата. Пока ЕС считает, что для борьбы с коррупцией сделано недостаточно. Обещанный ЕС безвизовый режим также откладывается, вероятнее всего, по причине вооруженного конфликта на востоке страны и опасений, что вооруженные лица с боевым опытом с Украины появятся в ЕС. Долг Украины перед ЕС составляет 2,41 млрд. долл. Скорее всего, в 2017 г. будут продлены санкции, введенные ЕС против граждан Украины, связанных с событиями на востоке страны и в Крыму, а также против бывшего президента В.Януковича и его ближайшего окружения.

С 1 января 2016 г. вступило в силу Соглашение о глубокой и всеобъемлющей зоне свободной торговли между Украиной и ЕС. Несмотря на упрощение торговли, в результате экономического кризиса на Украине продолжилось падение товарооборота, начавшееся еще до Евромайдана, в 2013 г. (-11,6% в 2013 г., -22,8% в 2014 г., -16,4% в 2015 г.). Часть предоставленных ЕС квот на продовольственные товары была выбрана за первые полгода – по мёду, овсу, сахару, крупам, обработанным томатам, сокам, куриному мясу. Другая часть не выбрана вообще из-за отсутствия у подавляющего большинства украинских производителей европейских сертификатов о соответствии качества – по говядине, свинине, молочной продукции.

Препятствием для ратификации Соглашения об ассоциации остается отрицательное отношение граждан Нидерландов к документу, высказанное на референдуме. Пока решения этой проблемы в ЕС нет, а премьер-министр Нидерландов М.Рютте перед парламентскими выборами в марте 2017 г. вряд ли примет решение, противоречащее результатам референдума. В целом же объем требуемых ЕС преобразований значительно превышает готовность и способность Украины к их проведению.

Отношения Украины с США в высокой степени зависят от того, какие приоритеты для себя изберет администрация нового президента Д. Трампа. Высока угроза исчезновения Украины из списка приоритетов внешней политики США. В этом контексте можно ожидать попыток украинских властей обострить отношения с Россией для привлечения внимания международного сообщества, в первую очередь США.

Отношения с Россией в 2017 г. будут по-прежнему переживать кризис. Ни одна из украинских политических сил не признает отделение Крыма. Россию обвиняют, как минимум, в поддержке пророссийских ДНР/ЛНР. Наиболее умеренные позиции занимают «Оппозиционный блок» и набирающая популярность партия «За жизнь». Взаимный товарооборот, по данным Федеральной таможенной службы, за первые три квартала 2016 г. составил 65,5% от товарооборота за три квартала 2015 г. Однако за Россией, вероятно,

сохранится уверенное второе место после ЕС в списке внешнеторговых партнеров Украины, которое она занимала в 2015 г. По данным ЕС, на Россию в 2015 г. приходилось 20% украинского импорта и 34,1% экспорта. Из представителей украинского крупного бизнеса открыто говорит о необходимости налаживания связей с Россией только Д.Фирташ.

Газовый вопрос в отношениях с Украиной традиционно обостряется зимой. У России Украина в 2016 г. газ не закупает, предпочитая закупать российский газ реверсом из Европы, хотя, по заявлению министра энергетики Украины в августе 2016 г., он получается на 45 долл. дороже. В третьем квартале разница составила уже 114 долл. К осени 2016 г. в украинские подземные хранилища было закачано меньше газа, чем за всю историю: 14,7 млрд. м³. Для гарантированно бесперебойных поставок в Европу требуется еще 1,5-4 млрд. м³, поэтому ЕС настаивает на дополнительных закупках. Первая трехсторонняя встреча Россия-ЕС-Украина состоялась в декабре 2016 г., переговоры продолжаются. Россия заявила о готовности начать поставки в любой момент, считая, что все условия поставок оговорены контрактом 2009 г. Предполагается использовать для закупок 500 млн. долл. кредита Всемирного банка, одобренного 18 октября 2016 г.

Финансово-промышленные группы (ФПГ) по-прежнему оказывают существенное влияние на политическую жизнь страны. После «оранжевой революции» 2004/2005 гг. украинские олигархи перестали делать ставку на какую-либо одну политическую партию, однако раскол 2014 г. кардинально изменил соотношение сил. Занимающий пост президента страны П. Порошенко заведомо оказывается в более выгодных условиях по сравнению со всеми остальными главами ФПГ. Он единственный, чье состояние растет. К значительным финансово-экономическим ресурсам и крупному кондитерскому бизнесу добавились административные возможности. Свой бизнес (Группа «Рошен» - кондитерский, автомобильный, судостроительный, СМИ, инвестиции) П. Порошенко не продал, объясняя это неудачной экономической конъюнктурой. Кроме «Пятого канала» и журнала «Корреспондент» была предпринята попытка установить контроль над каналом «112 Украина», владелец которого отказался продать канал по заниженной цене «провластным бизнесменам» и запросил политическое убежище в Бельгии. Пользуются поддержкой президента в политике и бизнесе его соратники: В. Гройсман, И. Кононенко, Б. Ложкин, И. Райнин.

Смена правительства укрепила позиции П.Порошенко. С уходом А. Яценюка завершился период своеобразного «двоевластия», а падение рейтинга «Народного фронта» и лично первого пост-майданного премьер-министра дополнительно способствовали усилению президента в системе государственной власти Украины. Тем не менее, репутация президента была подмочена «панамским досье», указавшим на наличие у президента оффшорных счетов, и регулярными контактами с замешанными в коррупционных делах фигурами, такими как, например, заместитель председателя фракции «БПП» в ВР И.Кононенко. (Против последнего, после обвинений бывшего министра экономики А.Абрамовичюса, было начато расследование по подозрению в злоупотреблении служебными полномочиями, однако дело закрыто за недостаточностью доказательств. Также существуют подозрения в махинациях с торговлей украинским углем, который проходит по накладным как южноафриканский).

Потери остальных – следствие ослабления влияния на политическую жизнь страны, а также неблагоприятной мировой экономической конъюнктуры: падения цен на основные источники сверхдоходов, металлы и зерно. В то же время ФПГ продолжают поддерживать политические партии, в т.ч. оппозиционные, и сохраняют контроль над рядом СМИ.

И.Коломойский, одна из ключевых фигур Евромайдана, сумел использовать политическую ситуацию с отставкой правительства и заключил временное соглашение с П.Порошенко, когда тому была нужна поддержка кандидатуры В.Гройсмана и Ю.Луценко со стороны контролируемых И.Коломойским депутатов в ВР. В результате, давление на его бизнес-интересы снизилось. Однако, хотя Нацбанк Украины пошел навстречу И.Коломойскому по вопросу рефинансирования

принадлежащего ему крупнейшего в стране «Приват-банка» (35% вкладов граждан Украины), в декабре вновь появилась информация о возможной национализации банка. Интересы И.Коломойского в политике представляют, частично, «Народный фронт», УКРОП, внефракционные депутаты. Позицию олигарха озвучивают принадлежащие ему телеканал «1+1», агентство УНИАН.

Самые значительные убытки после Евромайдана потерпел **Р.Ахметов** и его группа «Систем Капитал Менеджмент», состояние сократилось с 12,5 млрд. долл. в 2014 г. до 2,3 млрд. долл. в 2016 г. Несмотря на конфликт, он осуществляет поставки угля на Украину с предприятий и шахт ДТЭК (в т.ч., находящихся на территории ДНР). Поле для политического маневра у Р.Ахметова крайне ограничено, поэтому он придерживается подчеркнутого нейтралитета и от политической жизни дистанцировался. Давление на бизнес несколько снизилось после смены правительства весной 2016 г. Однако в ноябре 2016 г. появились сообщения о том, что Киев намерен прекратить сотрудничество с принадлежащей олигарху на 70% компанией Киевэнерго в связи с «низким качеством оказываемых услуг и высокой степенью изношенности инфраструктуры». Очевидно, давление на бизнес Р.Ахметова продолжится. Политические союзники Р.Ахметова – представители «Оппозиционного блока» и, возможно, новой партии «За жизнь». Он сохранил контроль над Сегодня.ua и NewsOne (Е.Мураев).

Под угрозой снятия депутатской неприкосновенности и обвинения по уголовному делу об оказании давления на Украинскую православную церковь находится близкий Р.Ахметову **В.Новинский** («Смарт-холдинг» - ГМК, агробизнес, энергетика, финансы, судостроение и др.), имевший значительные активы в Крыму, которые был вынужден продать весной 2016 г.

Д.Фирташ, владелец «Группа DF» (газоторговля, газовая инфраструктура, цветные металлы, химическая промышленность на Украине, в Венгрии, Австрии, Эстонии, Таджикистане), поддержавший Евромайдан и кандидатуру П.Порошенко на пост президента, преимуществ от этого не получил, быстро разочаровался в Порошенко и практически сразу начал испытывать давление со стороны новой власти. В ноябре 2016 г. Д.Фирташ объявлен в розыск антикоррупционной прокуратурой Испании, однако намерен вернуться на Украину, как только позволят обстоятельства. Он выступает за мир на востоке, переориентирование внешней торговли на Россию, критикует «внешнее управление» Украиной со стороны США. В интервью намекает на возможность политического блока с Ю.Тимошенко, в недавнем прошлом – одним из его основных противников. Фирташ опирается на «Оппозиционный блок». Интересы Д.Фирташа во многом совпадают с интересами С. Таруты (депутат ВР, совладелец «Индустриального союза Донбасса»), недавно в открытом письме потребовавшим отправить в отставку Н.Гонтареву, главу НБУ. Фирташ озвучивает свою позицию через телеканал «Интер» (владеет совместно с **С.Лёвочкиным**, депутатом ВР от «Оппозиционного блока»), на который в сентябре был совершен ряд нападений (по мнению Д.Фирташа, они были организованы «Народным фронтом»).

Бизнес **В.Пинчука** (инвестиционно-консалтинговая группа EastOne - металлургия), зятя Л.Кучмы, не ущемляется, он также сохранил контроль над СМИ (телеканалы СТБ, Новый, ICTV, газета «Факты и комментарии», газета «Дело»). Официально В.Пинчук не опирается ни на одну из политических партий.

В списке наиболее состоятельных людей Украины появляются новые лица, владеющие бизнесом в аграрной отрасли, пищевой промышленности, фармацевтике.

* * *

Несмотря на рост протестных настроений и не радужные перспективы на европейском направлении, серьезная дестабилизация в Украине в 2017 году маловероятна. Однако к концу года, в связи с очередными выборами в 2019 г., политическая активность в стране начнет возрастать.

Молдова и Приднестровье

В октябре-ноябре 2016 года в Молдове состоялись первые, начиная с 1996 г., прямые выборы президента страны. Несмотря на незначительные полномочия, которыми обладает президент Молдовы, этим выборам как внутри страны, так и вовне было придано большое значение, особенно в рамках проведения второго тура. Политический ландшафт страны в очередной раз раскололся не просто на правых и левых, а на «пророссийский» и «проевропейский» лагеря, которые олицетворяли, соответственно, И.Додон и М.Санду.

В то же время в рамках избирательной кампании очень четко проявился запрос избирателей не столько на геополитический выбор, сколько на борьбу с «захваченным государством» - именно так на Западе называют теперь политический режим в Молдове, который поражен такими проблемами, как масштабная коррупция, избирательная юстиция, политизация институтов государственной власти. На личностном уровне этот режим олицетворяет олигарх В.Плахотнюк. На сегодня режим ассоциируется, прежде всего, с т.н. кражей века, в ходе которой из нескольких молдавских банков еще в 2014 году была выведена сумма в 1 млрд. долларов, превращенная в итоге в государственный долг.

Прошедшие президентские выборы были использованы правящей элитой в основном как средство канализировать общественное недовольство, сфокусировать внимание общества на столкновении двух политических лагерей – «проевропейского» и «пророссийского» и увести тем самым повестку дня от решения более важных для Молдовы проблем. В итоге И.Додон не добился однозначного преимущества и, по мнению большинства наблюдателей в Молдове, был вынужден пойти на определенные договоренности с правящим большинством. Поэтому утверждение, что прошедшие выборы серьезным образом изменят политический процесс в Молдове, не представляется корректным. И.Додон активно атакует представителей входящей в правящее большинство Либеральной партии (М.Гимпу, А.Шалару) с целью продвижения «молдавенистских» идей, но попытки инициировать какие-либо структурные изменения за этим пока не просматриваются.

Решающими для Молдовы являются парламентские выборы, намеченные на осень 2018 года. Так как Молдова – парламентская республика, то именно парламентские выборы способны существенным образом изменить политическую систему страны. Поэтому сейчас стоит вопрос о том, насколько политические силы страны будут готовы к этим выборам. Так, уже стали частично известны планы правящей Демократической партии: полный ребрендинг и переименование в Социал-демократическую партию, изменение избирательной системы страны в пользу выборов по одномандатным округам.

Вопрос состоит в том, насколько Партия социалистов и правый фланг смогут составить альтернативу правящему большинству. При этом речь идет, в том числе, об активизации протестной активности. Сейчас явно видна склонность И.Додона и Партии социалистов к снижению протестной активности, тогда как правый фланг, наоборот, рассматривает ее, по всей видимости, как необходимый и во многом неизбежный инструмент политической борьбы. Символичным в этом плане является приглашение, которое лидер партии «Платформа Достоинство и Правда» А.Нэстасе сделал М.Саакашвили, предложив ему приехать в Молдову и поделиться своим опытом реформ. В ходе президентских выборов правый фланг смог консолидироваться, получив значительную поддержку диаспоры и как минимум части политических элит на Западе (в частности, со стороны Европейской народной партии). 2017 год станет показательным в плане того, смогут ли правые силы сохранить свое единство и удастся ли И.Додону и Партии социалистов сохранить свою

оппозиционность. Наихудшим вариантом для Молдовы был бы негласный альянс Партии социалистов и Демократической партии, против которого правые силы организовали бы уличные протесты и попытки некой новой версии «твиттер-революции». Для выстраивания стабильных политических институтов Молдове скорее требуется эволюционный путь, нежели новые потрясения.

В международном контексте нынешнее молдавское правительство уже добилось легитимизации в глазах ключевых партнеров. Возобновлены регулярные контакты и финансирование со стороны МВФ, Румынии, ЕС и США. Фактически правительство П.Филипа поставило перед собой задачу сбалансировать «европейский» и «восточный» вектор внешней политики, но масштабы партнерства с ключевыми внешними игроками – условным Западом и Россией – будут зависеть от выполнения определенных условий. Так, в отношениях с Западом ключевое значение будет иметь выполнение условий подписанного с МВФ меморандума о сотрудничестве, среди которых есть и повышение тарифов на электроэнергию, жесткая бюджетная политика, реформы в банковском секторе. В более широком контексте значение также имеют имплементация Молдовой энергетического законодательства ЕС, реальная борьба с коррупцией. Без достижения Молдовой ощутимого прогресса по этим направлениям международные партнеры, в основном в интересах стабильности на своих границах и отчасти по геополитическим мотивам, будут поддерживать отношения с Молдовой, но на минимальном уровне.

Что касается России, то в 2016 году были возобновлены заседания российско-молдавской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Фактически стороны обсуждали восстановление допуска молдавских товаров на российский рынок (в т.ч. отмену режима наибольшего благоприятствования и возвращение к полноценному функционированию беспошлинной зоны свободной торговли) в обмен на формулу сопряжения постсоветского и европейского интеграционных полей в Республике Молдова. 29 ноября вице-премьеры двух стран Д. Рогозин и О. Калмык подписали «План действий по развитию российско-молдавских торгово-экономических отношений на 2016-2017 годы», в рамках которого Россия согласилась восстановить транзитные перевозки молдавской продукции через свою территорию в страны Центральной Азии, а также вновь подписать трехгодичный контракт на поставки газа в Молдову. Относительно других пунктов конкретных результатов пока не достигнуто. Так, в плане отмены ограничений на поставку винодельческой, плодоовощной и животноводческой продукции конкретных сроков нет, так как Россия ждет здесь налаживания постоянного электронного обмена таможенной информацией по импортируемой продукции. По вопросу отмены ввозных пошлин Молдова продолжает настаивать на приоритетности для себя стандартов ЕС в сфере технического регулирования, санитарного, фитосанитарного и ветеринарного контроля.

Стороны пока договорились лишь о том, что вводимые в Молдове стандарты ЕС не будут ухудшать условия для ввоза российских товаров, однако на фоне того, что в сфере технического регулирования ЕС и СНГ (Россия) опираются на разные *acquis communautaire*, нетарифные барьеры все же могут возникнуть. Взаимное признание стандартов ЕС и СНГ возможно скорее на уровне ЕС-Россия, чем Молдова-Россия, но на этом уровне переговоры фактически не ведутся. Поэтому если в 2017 года Молдова обеспечит прозрачность своих экспортных операций в Россию, то фитосанитарные и ветеринарные ограничения на ключевые позиции молдавского экспорта вполне могут быть сняты. Однако вопрос о действии режима наибольшего благоприятствования (и, соответственно, повышенных ввозных пошлин) по-прежнему останется не решенным.

Россия в целях усиления своей переговорной позиции пытается активно использовать победу И.Додона, позиционируя его как возможного партнера по переговорам в рамках его первого

официального визита в Москву. Ему может быть предоставлена возможность продемонстрировать свои успехи в отношениях с Россией (в особенности по вопросу об отмене т.н. черных списков молдавских граждан-мигрантов, которым запрещен въезд в Россию). Однако на торгово-экономическом треке вряд ли можно ожидать прорывных решений. Нынешнее правящее большинство в Молдове, прекрасно помня жесткую позицию Брюсселя в рамках трехсторонних переговоров в 2015 году по совмещению зон свободной торговли ЕС и СНГ для Украины, скорее всего не решится на серьезные уступки Москве в плане параллельного действия на своей территории стандартов, применяемых в ЕС и СНГ.

В Приднестровье 11 декабря состоялись президентские выборы, на которых 62,3 % голосов набрал спикер Верховного Совета Вадим Красносельский. Его победа стала возможной на фоне социально-экономических и бюджетных трудностей Приднестровья (они ассоциировались в основном с Е.Шевчуком: так, за 2015 г. ВВП снизился более, чем на 20 %), и благодаря поддержке со стороны парламента и первого президента И.Смирнова, сохранившего в республике ядро своего электората. Очевидно и наличие у Красносельского значительного финансового ресурса. Не менее важным было нейтральное отношение к этим выборам Москвы, для которой единственно важным вопросом было сохранение политической стабильности в Тирасполе.

За счет концентрации власти в руках одной властной группы в Приднестровье будет преодолен раскол элит. Однако в ближайшее время регион будет продолжать сталкиваться с рядом серьезных внешних и внутренних вызовов, которые будут усугублять внутреннюю, крайне кризисную, социально-экономическую ситуацию.

Во-первых, в последние годы стала еще более явной проблема бюджетного дефицита (по итогам 2015 г. – 140 млн. долл.). По всей видимости, он уже не покрывается за счет средств т.н. специального газового счета. Власти вынуждены снижать цену на газ, чтобы поддержать промышленные предприятия. Однако производство сокращается – сокращаются и закупки ими газа.

Во-вторых, речь идет о поставках электроэнергии, которые составляют не менее трети приднестровского экспорта, и в условиях падения всех других секторов крайне важны для финансово-экономической стабильности. Существующая ныне не очень прозрачная схема поставок электроэнергии на правый берег Днестра через компанию «Энергокапитал» может быть в ближайшее время пересмотрена. В апреле 2017 года правительство Молдовы обещало провести новый конкурс, победить на котором может украинский поставщик. Также в стратегической перспективе стоит исходить из того, что будут построены электроэнергетические интерконнекторы с Румынией, что усилит конкуренцию для приднестровского поставщика – Кучурганской ГРЭС.

В-третьих, серьезные вызовы для Тирасполя представляют попытки Молдовы перевести под свою юрисдикцию импортные поставки Приднестровья. С 2006 года Кишинев контролирует экспортные поставки Тирасполя, поэтому перевод под контроль Молдовы также и импортных операций может лишить Приднестровье значительной части его де-факто суверенитета. В 2016 году в Кишинеve по согласованию с Кишиневом уже введен запрет на импорт из Украины через приднестровский участок украино-молдавской границы подакцизных товаров (прежде всего, топлива). Этот запрет частично ослаблен до конца 2016 года, но в ближайшем году ситуация может усугубиться.

В этой связи важны два обстоятельства. Первое: мандат миссии EUBAM продлен до 2020 года, причем новой приоритетной задачей для миссии ЕС определен контроль над приднестровским участком украино-молдавской границы. Постепенно будет расширяться

практика создания при участии ЕС совместных украино-молдавских таможенных постов на приднестровском участнике границы, что в среднесрочной перспективе может привести к полному контролю Кишинева над приднестровскими импортными операциями. Второй момент: до сих пор Кишинев проводил политику обструкции Берлинского протокола, который был согласован по предложению международных посредников в формате «5+2» летом 2016 года. Отсутствие прогресса в политике «малых шагов», которая составляла идейную основу Берлинского протокола, создает значительные проблемы для приднестровских экономических агентов и простых граждан, которые сталкиваются с преградами и препонами в функционировании железнодорожного сообщения, трансграничном движении автотранспортных средств с приднестровскими номерами и т.д. Ужесточение политики Кишинева в отношении Приднестровья может в ближайшем будущем происходить на фоне отсутствия прогресса в нормализации торгово-экономических отношений с Россией.

Беларусь

Многовекторная политика Минска в 2016 году, как и предполагалось в прогнозе ИМЭМО, не претерпела существенных изменений. Основными воздействующими на ее формирование факторами остаются социально-экономическая ситуация в республике, отношения между Россией и Западом и, несколько в меньшей степени чем прежде, развитие украинского кризиса. *С высокой вероятностью, в 2017 году ситуация в Белоруссии и стратегия Минска также не подвергнутся значительным изменениям.*

Социально-экономическая ситуация в стране продолжала ухудшаться. По данным Национального статистического комитета РБ, в январе-ноябре 2016 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года: ВВП Беларуси снизился на 2,7%; промышленной продукции было произведено на 0,9% меньше; в сельском хозяйстве прирост стоимости продукции составил 3,4%; инвестиции в основной капитал снизились на 19,2%; в жилищном строительстве было введено в эксплуатацию на 17,2% меньше общей площади жилья; розничный товарооборот сократился на 3,9%. Продолжает ухудшаться ситуация с доходами населения: реальные располагаемые доходы населения за январь-октябрь 2016 г. на 7,3% меньше, чем в аналогичном периоде прошлого года (<http://select.by/content/view/12285/891/>). Сжимается льготное государственное кредитование ведущих предприятий. В 2016 г. оно сократилось почти на 40%. На 2017 г. намечено продолжить этот процесс и снизить объем госкредитования до 7-8 млрд. долл. (35-40% от уровня 2015 г.). На этом фоне снижается занятость, а власти вместо расширения системы пособий по безработице, предполагают обложить неработающих граждан своего рода «налогом на тунеядство».

В то же время правительству впервые за 7 лет удалось снизить инфляцию, достаточно спокойно провести деноминацию, отчасти успокоить валютный рынок. Большие надежды на увеличение золотовалютных резервов правительство связывает с программой МВФ, работу над которой планируют закончить в конце 2016 г. Разрабатываются среднесрочные стратегии сотрудничества с другими международными финансовыми институтами, прежде всего с ЕБРР, Всемирным банком и Европейским инвестиционным банком. Некоторые из них уже участвуют в предприватизационной подготовке по отобранным ими белорусским предприятиям. В правительстве Белоруссии активно действуют молодые «технократические» кадры. Одновременно эксперты отмечают и ставшую более заметной трансформацию социальной структуры страны. Смена поколений имеет результатом некоторое укрепление и относительно не зависимое от государства социальное позиционирование частного сектора, развитие городской субкультуры.

Существенно падает внешний товарооборот. В январе-сентябре 2016 г., по данным таможенной статистики, объем внешней торговли товарами (внешнеторговый оборот) составил 36,8 млрд. долл., что на 13,6% меньше, чем в январе-сентябре 2015 года. Товарооборот со странами СНГ составил 22,3 млрд.долл. (60,5% общего товарооборота) и снизился на 7,2%. Товарооборот со странами вне СНГ уменьшился на 21,8% и составил 14,5 млрд. долл.

Итоги внешней торговли с отдельными странами

Страна	Доля в общем товарообороте Республики Беларусь	Экспорт, млн. долл. США	Январь-сентябрь 2016 г. к январю-сентябрю 2015 г.	Импорт, млн. долл. США	Январь-сентябрь 2016 г. к январю-сентябрю 2015 г.
Россия	51,0%	7 717,0	99,4%	11 026,3	88,0%
Украина	7,5%	2 066,1	114,6%	680,7	98,9%
Польша	4,1%	641,8	112,6%	875,8	107,8%
Китай	4,7%	314,9	45,2%	1 423,9	91,0%
Германия	4,3%	694,9	82,7%	900,3	88,1%
Нидерланды	2,7%	833,9	115,2%	144,9	89,6%
Соединенное Королевство	2,5%	817,9	32,8%	108,0	97,5%
Литва	2,2%	601,8	80,7%	190,9	94,8%
Турция	1,5%	59,3	53,1%	496,1	131,3%
Италия	1,3%	70,9	65,6%	402,7	87,6%
Бразилия	1,2%	379,3	79,1%	77,0	78,0%
Соединенные Штаты	1,1%	83,9	77,7%	333,2	103,0%
Казахстан	0,8%	259,5	62,1%	32,6	20,4%
Молдова	0,5%	87,1	97,4%	88,5	118,7%
Туркмения	0,3%	89,0	134,0%	6,3	501,2%
Азербайджан	0,3%	79,0	31,9%	14,0	424,2%
Узбекистан	0,1%	22,9	78,4%	20,0	93,5%
Киргизия	0,1%	27,7	104,1%	3,3	106,5%
Армения	0,1%	16,0	74,1%	7,2	138,5%
Таджикистан	0,03%	10,7	64,5%	1,4	66,7%

http://gtk.gov.by/ru/stats/itogi_vnesh_torgovli2016/september_2016

Товарооборот со странами ЕАЭС по сравнению с январем-сентябрем 2015 года уменьшился на 8,8% и составил 19,1 млрд. долл. (51,9% общего товарооборота РБ). Экспорт уменьшился на 2,6% и составил 8,0 млрд. долл., импорт снизился на 12,9% и составил 11,1 млрд. долл. Отрицательное сальдо составило 3,0 млрд. долл.

Товарооборот с Российской Федерацией уменьшился на 7,7% и составил 18,7 млрд. долл., сальдо внешней торговли отрицательное -3,3 млрд. долл. Экспорт уменьшился на 0,6%, импорт снизился на 12,0%. Обращает на себя внимание резкое - на 49,5% - падение товарооборота с Казахстаном, и, напротив (в рамках СНГ), увеличение товарооборота с Украиной на 10,2% (2,7 млрд. долл.). Первое может отчасти объясняться урегулированием

острой в 2015 г. проблемы «серых схем» поставок через Белоруссию и Казахстан в условиях западных санкций против России. Второе – также наличием, как заявил глава Россельхознадзора незаконных схем реэкспорта через Белоруссию в Россию украинского мяса (объем оценивается минимум в 100 млн.долл.) (<http://www.rbc.ru/economics/24/12/2016/585ea9d69a79470af8ea3ec8>). Товарооборот со странами вне СНГ составил 39,5% общего товарооборота Республики Беларусь. Основные торговые партнеры при этом – Китай, Германия, Польша, Нидерланды, Соединенное Королевство, Литва. Обращает на себя внимание значительное снижение товарооборота с Китаем (на 522,6 млн. долл.). Товарооборот со странами ЕС по сравнению с январем-сентябелем 2015 года уменьшился на 23,5% и составил 8,4 млрд. долл. (22,8% общего товарооборота Республики Беларусь). Тренды во внешней торговле РБ с незначительными девиациями в последние годы существенно не меняются. Вряд ли стоит ожидать значимых изменений и в 2017 году.

На тренды политического развития в 2017 году и далее до 2020 года будут влиять прошедшие в Белоруссии в 2016 году парламентские выборы. По мнению экспертов (<http://eurasia.expert/beloruskie-vybory-2016-politicheskiy-rubikon/>) они ознаменовали *постепенный отход оппозиции от радикального противостояния с властью* и продемонстрировали возросший запрос общества на актуализированные украинским кризисом безопасность и стабильность. Парламентские выборы (вслед за предшествовавшими президентскими) подтвердили позитивный тренд к диалогу между официальным Минском и Брюсселем – оправдалась ставка А.Лукашенко на региональное позиционирование Беларуси как медиатора в украинском кризисе. Умеренно позитивная реакция Запада на результаты выборов – ОБСЕ, США и ЕС признали выборы «частично» и отметили «определённый прогресс», однако от полного признания результатов отказались – снижает риски внутривнутриполитической дестабилизации. Выборы также выявили запрос в обществе на более активное участие в политической жизни. Они прошли в соответствии с несколько измененным избирательным законодательством, и в парламенте появились несколько оппозиционных депутатов. *Есть вероятность, что к выборам – президентским и парламентским – 2020 года Беларусь отойдет от мажоритарной в сторону смешанной избирательной системы.* Усиление влияния Запада потребует от власти в Минске повышения эффективности и модернизации всех социально-политических и идеологических механизмов, а также улучшения социально-экономической ситуации.

Внешнеполитические предпочтения белорусов за год изменились незначительно. Согласно социологическому исследованию независимого НИСЭПИ, на гипотетическом референдуме о вступлении в Европейский союз «за» сегодня готовы проголосовать 23,4% опрошенных, «против» — 53,9%. В конце 2015 года – 19,8% и 56,1% соответственно. При этом почти половина опрошенных хотели бы при возможности временно поработать в какой-либо стране Евросоюза. На референдуме об объединении Беларуси и России «за» высказались бы 24,8% опрошенных, «против» — 52,4%. В конце 2015 года – 29,7% и 51,5% соответственно. 27% белорусов назвали Крым «оккупированной» Кремлем украинской территорией, 57,8% — считают его присоединение к России «возвращением русских земель, восстановлением исторической справедливости». Год назад цифры были почти такими же — 26,5% и 57,4%. Свыше 51% белорусов считают, что невыполнение Минских соглашений об урегулировании конфликта на Донбассе происходит по вине властей Украины, 23,6% обвинили в этом Запад, 20,8% — Россию (<http://grodno-best.info/v-belarusi/vlast/belorusyi-ne-hotyat-v-evrosoyuz-i-neschita.html>).

В 2017 году, вероятно, получит развитие позитивная динамика в отношениях РБ с Евросоюзом. При этом заключение базового соглашения становится официальной целью

Минска в отношениях с Брюсселем. На восточном направлении ключевым событием 2016 года стал визит А.Лукашенко в Китай и его переговоры с председателем КНР Си Цзиньпином. Однако, по мнению белорусских экспертов (<http://belinstitute.eu/ru/node/3280>), реальные результаты переговоров оказались достаточно скромными. В отношениях между РБ и КНР возникла некая пауза, что отражается и в приведенной выше внешнеторговой статистике. Учитывая, что запуск масштабных китайских инициатив (Экономический пояс Шелкового пути) уже состоялся и формат участия стран СНГ и Центральной и Восточной Европы в целом определен, в 2017 году трудно ожидать прорывных изменений на этом направлении белорусской внешней политики.

Дипломатический скандал, вызванный инцидентом с белорусским гражданским лайнером в Киеве, был в целом урегулирован. Серьезных противоречий между Минском и Киевом нет. Белоруссия убеждает Украину, что в своих отношениях с ней руководствуется «только национальными интересами», без оглядки на Россию. Украинский кризис устраивает Минск, поскольку он способствует сплочению общества перед угрозой социальных потрясений и повышению международного статуса страны через ее посредническую роль в процессе урегулирования ситуации в Донбассе. Нынешняя позиция Белоруссии по украинскому вопросу оценивается в Брюсселе и Вашингтоне, как минимум, как не зависящая от Москвы, что идет Белоруссии «в зачет» и позволяет надеяться на продолжение нормализации отношений с Западом. Обе стороны – Белоруссия и Украина – сильно заинтересованы друг в друге как политически, так и экономически, и сложившийся в последнее время формат их отношений, выгодный политической элите обеих стран, в 2017 году вряд ли изменится.

В отношениях с Россией Минск продолжает вести традиционную амбивалентную стратегию «союзнического шантажа». Минск прагматично оценивает участие в интеграционных форматах – Союзном государстве, ЕАЭС, ОДКБ – и не исключает «оптимизации» своего участия в них, хотя А.Лукашенко подчеркивает, что такие заявления не означают, что Белоруссия будет "в каком-то плане" его сворачивать. Учитывая заинтересованность России в участии РБ в интеграционных инициативах, Минск ежегодно оказывает давление на Москву с целью «оптимизации» цен на газ и его транзит и нефть. Не стал исключением и 2016 год. «Мы не можем договориться по цене на газ. В связи с этим Россия снизила поставки нефти в Белоруссию. Мы это воспринимаем как давление на Белоруссию, но давления я не потерплю и белорусы тоже», — сказал Лукашенко во время встречи с госсекретарем СГБР Г.Рапотой (<https://ria.ru/sg/20160920/1477428745.html>). Недоволен Минск и ограничениями на поставку в Россию сельхозпродукции.

Нельзя исключать, что отношения между Россией и Белоруссией обострятся, по крайней мере, в начале 2017 года, так как серьезным камнем противоречия остается отказ Минска разместить на территории Белоруссии (в Бобруйске) российскую авиабазу. Планы по ее созданию обсуждаются с 2014 года. Осенью 2016 года из плоскости переговоров Россия перешла на уровень принятия решений: 19 сентября президент В.Путин распорядился подписать соглашение. Документ был опубликован на официальном портале правовой информации. Минобороны совместно с МИД России было поручено провести переговоры и подписать с Белоруссией это соглашение. А.Лукашенко со своей стороны в начале октября публично заявил, что не обсуждал этот вопрос с Россией. Также подчеркнул, что сейчас Белоруссии база не нужна, тем более не нужны военно-воздушные силы (<http://www.rbc.ru/politics/06/10/2015/5613ebe59a794769839c9e3f>). Такая позиция не может не вызывать негативной реакции Кремля.

Однако специфика текущей ситуации в том, что по этому вопросу А.Лукашенко находит поддержку в обществе (тогда же в начале октября в Минске прошла акция протеста против размещения российской авиабазы). Выступавшие на митинге открыто говорили, что до

украинского кризиса этот вопрос не вызвал бы негативной реакции и проводили прямые аналогии между российской базой в Крыму и планируемой к размещению базой в Белоруссии. И нельзя исключать, что пользуясь инструментом общественной консолидации, А.Лукашенко ужесточит свои позиции в традиционном «союзническом» торге с Россией.

Центральная Азия и Южный Кавказ

Обозначившиеся в 2016 г. основные тенденции развития государств Центральной Азии (ЦА) и Южного Кавказа (ЮК) получают свое естественное продолжение и в 2017 г. Это означает, что политический ландшафт этой части постсоветского пространства останется относительно стабильным. В непростых международных условиях странам региона удастся сохранять суверенитет и территориальную целостность, формировать на базе общенациональной консолидации новую государственную идентичность.

Экономика. В странах-экспортерах ЦА и ЮК колебания мировых цен на нефть и газ будут продолжать сказываться на темпах экономического роста и на социальной сфере. Этот фактор особенно важен для Казахстана и Азербайджана. При пессимистическом сценарии – если цены на энергоносители сохранятся на уровне 2016 г., а возможно временами будут существенно ниже – в странах-экспортерах можно ожидать углубления кризисных явлений: замедления темпов роста, снижения уровня жизни населения, расширения масштабов безработицы, увеличения числа трудовых конфликтов. Оптимистический сценарий, предполагающий рост нефтяных котировок, позволит поддерживать в норме социальный баланс, купировать протестные настроения в обществе.

Внутриполитическая ситуация в отдельных странах ЦА и ЮК, особенно в случае усиления там социальной напряженности, скажется и на России – прежде всего в виде увеличения потоков мигрантов и вынужденных переселенцев. Увеличение миграционного притока означает повышение этнополитических и социально-экономических рисков для РФ. В средне- и долгосрочной перспективах избежать умеренно-пессимистического сценария развития миграционных процессов не удастся. Демографические и экономические факторы обуславливают значительный рост потоков мигрантов, особенно с учетом высоких темпов прироста населения трудоспособного возраста в главных странах-донорах трудовой миграции (Кыргызской Республике, Таджикистане и Узбекистане). В сочетании с низкими темпами прироста населения трудоспособного возраста в России и уменьшения предложения отечественной рабочей силы факторы «притяжения» мигрантов (в основном из Центральной Азии, а также Армении) в РФ усилятся. Прогнозируемое сокращение и старение рабочей силы в РФ может открыть новые возможности для трудовых мигрантов, работающих в сфере здравоохранения и социальных услуг, то есть преимущественно женщин. Тем не менее, гендерный баланс мигрантов из ЦА и ЮК, работающих в России, кардинально в пользу женщин не изменится, поскольку приоритетной сферой занятости трудовых мигрантов останутся стройки и неквалифицированные работы, требующие приложения физической силы.

Динамика развития экономических взаимосвязей в регионах ЦА и ЮК в существенной мере будет зависеть от активности Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в составе Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России. Тем не менее, ЕАЭС, предполагающий более высокую степень интеграции, не сможет стать триггером быстрой трансформации постсоветского пространства в новое, качественно иное по сравнению с СНГ объединение. Сохранятся, а возможно и углубятся, существенные разногласия между странами, входящими в ЕАЭС, но пытающимися в рамках политики, которую они называют

многовекторной, совместить трудно совместимое – собственно евразийский проект и альтернативные модели, предлагаемые Китаем, ЕС, США, Турцией. России при этом все труднее объединять своих партнеров по ЕАЭС на основе общей платформы или же (как это неоднократно бывало в прошлом) брать их «на довольствие». Существенным риском, осложняющим наполнение ЕАЭС реальным содержанием, является также значительная потеря Россией привлекательности в качестве экономического партнера, особенно в конкуренции с Китаем, предоставляющим странам-партнерам большие финансово-экономические ресурсы.

Расширения ЕАЭС не предвидится, поскольку объединению понадобится время для согласования и разрешения накопившихся проблем, преодоления существующих между его участниками противоречий. Подключение к ЕАЭС Таджикистана будет отложено, но в среднесрочной перспективе его членство возможно. Решающими станут (как и в случае с Кыргызстаном) не столько экономические, сколько политические соображения и фактор безопасности. Для России, сохраняющей там свое военное присутствие, Таджикистан важен как форпост на границе с нестабильным и мало предсказуемым Афганистаном.

Плюсом для ЕАЭС стало бы подключение к этому объединению Узбекистана, без которого реальная евразийская интеграция, строго говоря, невозможна. Но на ближайшую перспективу такой вариант не просматривается в силу того, что новая правящая элита республики – как по инерции, так и из чувства самосохранения – сохранит приверженность устоявшейся при Каримове традиции внешнеполитического изоляционизма.

В 2017 г. важным фактором международных экономических отношений в ЦА останется Китай, который по масштабам своего взаимодействия с центральноазиатскими государствами уже превзошел не только Россию, США и ЕС, но и всех азиатских региональных игроков. Динамичное экономическое развитие, торговая экспансия, гигантский демографический потенциал позволят Китаю еще больше нарастить в регионе свою политическую и экономическую значимость. Центральная Азия останется привлекательным рынком сбыта китайских товаров и удобным транзитным коридором для поставок этих товаров в Европу. А заинтересованность в энергоресурсах региона определит готовность китайских компаний вкладывать инвестиции в разработку и транспортировку углеводородов из Казахстана, Узбекистана и Туркменистана. Расширение экономической экспансии Китая в постсоветском пространстве будет осуществляться в рамках ранее запущенного проекта «Экономический пояс Шёлкового пути» (ЭПШП).

По итогам встречи в Москве 8 мая 2015 года президента России Владимира Путина и председателя КНР Си Цзиньпина было принято решение о сопряжении продвигаемого Россией интеграционного проекта ЕАЭС с ЭПШП. На заседании Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав государств в Астане 31 мая 2016 г. было подчеркнуто, что два эти проекта должны дополнять друг друга. Однако на практике трудно ожидать их полноценного сопряжения, так как они конкурируют друг с другом. Не станет приоритетной проблема сопряжения ЭПШП и ЕАЭС и для Казахстана, которого больше устраивает альтернатива развития двусторонних экономических связей с КНР. Впрочем, и другие партнеры России по ЕАЭС склонны будут отдавать предпочтение двусторонним экономическим контактам, а не коллективному взаимодействию в рамках ЕАЭС.

В сфере международной безопасности и военно-политических отношений государства ЦА и ЮК, сохранив в основном неизменными свои интересы и внешнеполитические приоритеты, будут вынуждены реагировать на изменения на региональном уровне (в контексте российско-турецких, российско-пакистанских и др. отношений), угрозы, исходящие с Ближнего Востока, а также учитывать подвижки в глобальном балансе сил.

На отношениях центральноазиатских и южнокавказских государств с *Россией* опосредованно скажется динамика ее взаимодействия с Китаем, а также с США и их союзниками в Европе, Азии, на Ближнем Востоке. Центральная Азия (наряду с Южной) представляет для России предмет особой озабоченности в плане предотвращения проникновения радикальных исламистов в центральноазиатские государства и их закрепления в Афганистане. Россия будет уделять существенно большее внимание защите своих интересов в постсоветской Евразии. Не исключено, что политические трансформации в Европе и США могут предоставить ей в этом плане новые возможности. На перспективы российской стратегии в означенных регионах будет влиять также и дальнейшее развитие ситуации в Сирии, успехи или неуспехи там России. В случае быстрого выхода РФ из экономического кризиса дополнительный импульс будет придан военному сотрудничеству государств ЦА и ЮК в рамках ОДКБ.

НАТО, оставаясь, как и прежде, военной альтернативой *ОДКБ*, продолжит развивать сотрудничество со всеми без исключения странами ЦА и ЮК. Но активных действий в кавказской и азиатской зоне ответственности ОДКБ НАТО предпринимать не будет, как не произойдет и объединения усилий ОДКБ с НАТО в вопросах противодействия транснациональному терроризму, религиозному экстремизму, наркотрафику. В то же время из-за потенциальной угрозы прихода боевиков «Исламского государства» (признано террористической организацией, официально запрещено в России решением ВС РФ от 29 декабря 2014 года) в страны Центральноазиатского региона, военно-политическое сотрудничество с Россией приобретет для них особую актуальность.

Евросоюз основную энергию направит на решение собственных проблем, а потому программа «Восточное партнерство» (в нее включены Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Молдова, Украина) не получит действенной поддержки. Аналогичная судьба ждет и фактически давно уже недееспособный ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова), созданный в свое время исключительно с целью встраивания стран-партнеров ЕС в зону геополитических интересов Запада и НАТО.

Новая американская администрация в целом продолжит курс своих предшественников в отношении государств ЦА и ЮК, и в этих регионах присутствие *США* будет стабильно сокращаться. Это будет обусловлено следующими причинами: свертыванием военного присутствия США в Афганистане и, соответственно, падением их интереса к центральноазиатским странам как к потенциальным военно-политическим партнерам; ограничением участия американских компаний в энергетических отраслях Азербайджана, Казахстана, других нефтепроизводителей (в связи с сокращением потребностей в каспийских энергоносителях); отсутствием крупных инвестиций, особенно по сравнению с китайским проектом ЭПШП. Просматривается наряду с этим и опция более тесных отношений будущей американской администрации с президентом Казахстана Назарбаевым.

Деятельность США в странах ЦА и ЮК в направлении поддержки гражданского общества, прав человека, свобод и пр. не будет полностью свернута, но претерпит ограничения, которые наметились уже в период второго президентского срока Обамы. Что будет обусловлено не столько противодействием со стороны местных авторитарных режимов, частичной утратой правозащитниками надежды на изменение политической ситуации на местах, сколько возможным изменением американской внешнеполитической повестки дня. Если судить по первоначальным заявлениям новоизбранного президента Дональда Трампа, США в будущем снизят нагрузку на поддержание «правильного миропорядка» и отойдут от концепта «демократического интервенционизма». Останутся проблемы ЦА и ЮК на периферии американско-российских отношений, которые будут обусловлены в основном другими, более острыми и актуальными вопросами.

Взаимодействие региональных держав со странами ЦА и ЮК будет ограничено преимущественно сферами экономики и культуры. Но более актуальным для них станет поддержание региональной безопасности, противодействие этническому сепаратизму, религиозному экстремизму и транснациональному терроризму.

В этом плане наибольшее беспокойство по-прежнему будет вызывать **Афганистан**, где на фоне обострения военно-политической обстановки ситуация останется непредсказуемой. Активизация действий российских ВКС в Сирии ускорит возвращение многих боевиков–выходцев из ЦА либо в свои страны, либо в Афганистан, где они пополняют ряды антиправительственных группировок. Появление в Афганистане сил, связанных с транснациональным терроризмом и наркокартелями, может серьезно повысить потенциал угроз для стран ЦА, создать опасность для светских режимов этого региона.

Интересы такого крупного регионального игрока, как **Иран**, будут по-прежнему сосредоточены в зоне афгано-пакистанского конфликта, где сохранится противостояние Ирана с Саудовской Аравией.

Приоритетом для Ирана останется и Кавказско-Каспийский регион. Здесь основу для расширения межгосударственного сотрудничества создаст начавшееся с января 2016 г. освобождение ИРИ от большинства наложенных на нее международных санкций. Ирану жизненно важно будет иметь на своих границах дружественное, бесконфликтное и стабильное пространство, которое подходит также и для реализации накопившегося в Иране экономического потенциала. Поэтому привлекательными для Ирана останутся возможности использования территории Туркменистана для транспортировки собственных нефте- и газопродуктов на внешние рынки. Подключение к проекту международного транспортного коридора «Север–Юг», который соединит Европу с Индией и государствами Персидского залива, также будет в числе приоритетов ИРИ в регионе. Конкретные очертания проект начал приобретать после трехсторонней встречи российского, азербайджанского и иранского президентов в Баку 8 августа 2016 года.

Турция в масштабах ЦА сохранит на базе Совета сотрудничества тюркских государств, куда, наряду с Казахстаном и Турцией, входят также Азербайджан и Кыргызстан, прежний высокий уровень взаимодействия со своими партнерами в регионе. Удастся, скорее всего, преодолеть и возникшую в отношениях Турции с Казахстаном и Кыргызстаном напряженность из-за предпринятого Анкарой после неудавшегося государственного переворота 17 июля 2016 г. массированного наступления на структуры известного мусульманского деятеля турецкого происхождения Фетхуллага Гюлена.

Турецко-казахстанское взаимодействие будет развиваться в рамках Совета стратегического сотрудничества высокого уровня, заседание которого пройдет в 2017 г. в Турции. Анкара также постарается интенсифицировать сотрудничество с новым руководством Узбекистана. О стремлении расширить это направление турецкой политики говорит состоявшийся 16-18 ноября 2016 г. визит в Узбекистан президента Р. Эрдогана, добивающегося «перезагрузки» отношений с Узбекистаном и восстановления взаимовыгодных экономических связей.

Препятствием для развития полноценных отношений с Турцией может стать возможная пропаганда в ЦА идеологии «умеренного исламизма», популярной в Турции, но отвергаемой в ЦА ее светскими режимам. Недовольство способно породить и попустительство турецких властей переправке через свою территорию в Сирию и Ирак граждан центральноазиатских стран для пополнения там рядов боевиков. На Кавказе естественным союзником Турции останется Азербайджан, что автоматически влечет за собой отсутствие какого-либо прогресса в отношениях Турции с Арменией. Напряженность может возникнуть в

отношениях с другим кавказским партнером Турции – Грузией. Там растут тревоги, связанные с возможными территориальными притязаниями Турции в Абхазии, которая де-факто попадает во всю большую зависимость от Турции, считающей эту территорию своей.

*В Центральной Азии возникновение **крупных вооруженных конфликтов**, тем более межгосударственных, маловероятно. Однако сохраняется предрасположенность ряда стран региона к внутривнутриполитическим (невооруженным) противостояниям.* Их могут спровоцировать такие факторы, как: отсутствие прочного баланса между элитными группами; сокращение возможностей для реализации экономических амбиций отдельных субъектов политики; нескоординированная кадровая политика; объективный процесс взросления элит, которые нуждаются в большей свободе действий; усталость в обществе от слишком долгого пребывания у власти представителей только лишь одной группы, клана, землячества.

По сравнению с ЦА конфликтный потенциал ЮК значительно выше. В первую очередь угроза дестабилизации затрагивает зону **Нагорно-Карабахского конфликта**, где в апреле 2016 г. уже произошло серьезное обострение ситуации. И хотя 5 апреля было объявлено о прекращении огня, стороны обвиняют друг друга в продолжении обстрелов. Армяно-азербайджанские переговоры по мирному урегулированию конфликта, которые ведутся с 1992 года в рамках Минской группы ОБСЕ, способствуют в известной мере снижению уровня интенсивности конфликта, но не приводят к его разрешению. Одна из причин кроется в бескомпромиссной позиции сторон: в Баку считают, что решение конфликта вокруг Нагорного Карабаха возможно только лишь на основе территориальной целостности, суверенитета и международно признанных границ Азербайджана. Армения, официально не признавая самопровозглашенную НКР, отстаивает ее право на самоопределение, что неприемлемо для Азербайджана.

Оптимистический сценарий, в рамках которого стало бы возможным примирение сторон с последующими вариантами миростроительства, не просматривается не только в 2017 г., но и в среднесрочной перспективе. Неосуществимым выглядит и предлагаемый рядом вовлеченных в конфликт посредников сценарий введения в зону конфликта международных миротворцев, чего не допустит армянская сторона.

Наиболее вероятным станет сохранение существующего положения дел. Статус НКР не изменится. Армения и Азербайджан продолжают при участии международных посредников вялотекущие переговоры, которые будут сопровождаться спорадическими перестрелками в зоне соприкосновения враждующих сторон. О возможности повышения интенсивности конфликта говорит активное наращивание сторонами своего военного потенциала. Имеются в то же время и серьезные ограничители новой вспышки вооруженного противостояния. Один из них – Объединенная группировка вооруженных сил Армении и РФ в составе 102-й российской военной базы на территории Армении и подразделений Вооруженных сил Армении. Подписанное 30 ноября 2016 г. Соглашение о ее создании можно расценить как важный предупреждающий шаг против дестабилизации обстановки в регионе.

Другой шаг – это создание Арменией совместно с Россией Объединенной региональной системы ПВО в Кавказском регионе коллективной безопасности. Подписанное в Москве 23 декабря 2015 г. соглашение о создании такой системы было ратифицировано в конце июня 2016 г. парламентом Армении, а позднее и Госдумой РФ. Одновременно с этим Россия расширяет военное сотрудничество с Азербайджаном, в том числе в сфере подготовки азербайджанских военнослужащих в военных учебных заведениях России. Таким образом, поддерживая военный паритет между Арменией и Азербайджаном, Россия остается верной своей стратегии равноудаленности в конфликте. Она и дальше будет выступать против

давления извне на стороны конфликта, полагая, что они сами должны искать выход из ситуации, где нет места «победителям» или «проигравшим». Статус-кво в регионе будет поддерживаться также сохранением баланса интересов России, США, ЕС, Турции и Ирана. Его нарушение способно спровоцировать в регионе масштабный кризис.

Что касается *«замороженного» конфликта в Абхазии и Южной Осетии*, которые являются, согласно терминологии ООН, частично признанными государствами, он едва ли войдет в русло негативного сценария. Этому препятствуют функционирующие с 1 февраля 2009 г. на территории обеих республик военные базы, входящие в состав Южного военного округа РФ, а также действующая на основе совместных директив генеральных штабов вооруженных сил России и Абхазии Объединенная группировка войск (ОГВ). Практически все сферы взаимодействия Абхазии и Южной Осетии с Россией регламентирует прочная договорно-правовая основа. Россия успешно реализует в Абхазии инвестиционную программу на 2015-2017 годы. Оборонные приоритеты России на ЮК включены в новую редакцию военной доктрины РФ, где отношения с Абхазией и Южной Осетией определены как союзнические. Эти меры приняты Россией на фоне наращивания Грузией вооружений и отработки ею современной военной тактики в ходе регулярных совместных учений с НАТО (последние учения «Грузия – НАТО 2016» прошли в ноябре на военной базе «Вазиани» и на базе Совместного тренировочного и оценочного центра НАТО и Грузии).

Политическая ситуация в странах ЦА и ЮК будет развиваться в параметрах, обозначенных прогнозом «Россия и мир: 2016». Но не исключено возникновение в политическом процессе новых тенденций и подвижек.

В *Казахстане* негласно существующие кланово-региональные разногласия будут накладываться на усложняющуюся из-за рецессии социально-экономическую ситуацию – рост инфляции, многократная девальвация национальной валюты в связи с резким падением цен на нефть, снижение социальных показателей и пр. Все это может увеличить вероятность возникновения очагов нестабильности, подобных протестным выступлениям из-за планов принятия нового Земельного кодекса, прокатившимся в апреле-мае 2016 г. по ряду крупных городов (Атырау, Актау, Актобе, Жанаозень и др.). Нельзя исключить и теракты, ответственность за совершение которых традиционно возлагается в Казахстане на радикальные исламистские группировки.

Неустойчивость внутривнутриполитической ситуации будет придавать муссирование слухов о досрочной передаче президентской власти, обсуждение списка возможных преемников, а также планов по введению парламентской системы управления, при которой часть полномочий президента будет передана премьер-министру в целях предотвращения угрозы регионального размежевания Казахстана. Последняя альтернатива не получит развития, поскольку создание параллельного центра власти в лице наделенного большими полномочиями премьер-министра или же парламента грозит, как это было в Кыргызстане, внутриэлитными столкновениями, чего правящая элита Казахстана постарается избежать, сохранив неизменной модель сильной президентской республики.

Пессимистический сценарий, предусматривающий победу в Казахстане оппозиционного «майдаана» при лидирующей роли в нем вооруженной праворадикальной оппозиции, Казахстану тоже не грозит. В отличие от Украины образца 2014 г. в Казахстане наличествует сильное централизованное государство, власть здесь вполне дееспособна, и она в состоянии контролировать внутривнутриполитическую ситуацию. Власти лояльны армия и созданные за годы независимости силы правопорядка, доказавшие в Казахстане свою эффективность в ходе майско-июньских протестов 2016 г. и во время теракта в Актобе. Наконец, казахстанские

оппозиционеры и националисты не имеют (в отличие от украинских) в своем подчинении военизированных отрядов.

Сценарий «арабской весны» с силовой сменой режима, выходом на политическую сцену радикально-исламистских элементов при вмешательстве во внутривластное противостояние внешних сил также маловероятен в Казахстане, где исламистско-радикальную идеологию разделяет не столь уж значительное число приверженцев. Притоку же из-за границы (из Афганистана или Арабского Востока) свежих сил будет создан (возможно, с помощью России или с опорой на структуры ОДКБ и ШОС) серьезный заслон. Таким образом, *в прогнозируемых многих сценариях транзита власти в Казахстане наиболее предпочтительным и приближенным к местным реалиям окажется туркменистанский или же новейший узбекистанский сценарий. Оба они предусматривают консенсус элит по вопросу кандидатуры преемника.*

Во внешней политике Казахстан продолжит тактику лавирования между Россией и другими мировыми центрами, сохраняя российское направление как приоритетное. Не изменится и комплекс базовых задач на перспективу. Они включают в себя привлечение международных инвестиций, позиционирование Астаны как арбитра в спорах и конфликтах, осторожное продвижение собственных интеграционных проектов. При очевидной неясности отношений с ЕС и США, вероятнее всего, произойдет дальнейшее развитие экономического диалога с Китаем. Будут предприняты попытки расширить контактные зоны с Индией, Японией и Южной Кореей.

В **Узбекистане** транзитный период, последовавший после скоростной кончины в 2016 г. бессменно возглавлявшего республику с 1989 года президента Каримова, стал своеобразным тестом на прочность созданной им политической системы. Вопреки тревожным прогнозам, политический транзит был осуществлен республикой на удивление плавно и спокойно. Что свидетельствует о том, что *Узбекистан – предсказуемое в смысле политического развития государство с большим запасом прочности и серьезным потенциалом развития.*

Жесткая вертикаль власти, выстроенная И.Каримовым, вряд ли претерпит изменения при его преемнике Ш.Мирзиёеве, победившем 4 декабря 2016 г. на президентских выборах. Однако же корректировка курса в сторону модернизации экономической сферы и ее большей открытости станет неизбежной.

Во внешней политике Узбекистан сохранит прежний курс «равноудаленности от глобальных центров». Будет сохранен внеблоковый статус страны и не допущено размещение на её территории иностранных военных баз. Если не произойдет что-либо чрезвычайное, неучастие в таких многосторонних форматах, как ЕАЭС или ОДКБ, останется в силе. Ожидается потепление отношений с ближайшими соседями – Таджикистаном и Кыргызстаном, с которыми Узбекистан находился при Каримове почти на грани войны. Хороший знак в этом направлении – подписание с Таджикистаном накануне президентских выборов соглашения о возобновлении авиасообщения, прерванного с 1992 г. Объявлено и о возможности возобновления железнодорожного сообщения между Узбекистаном и Таджикистаном. Спокойно отреагировали в Ташкенте на начавшееся в октябре строительство Рогунской ГЭС в Таджикистане, что дает надежду на согласование в будущем вопроса использования водных ресурсов, по-разному трактовавшегося до недавнего времени в Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане. Решатся стали и застарелые конфликты на спорных участках границы Узбекистана и Кыргызстана.

Узбекистан не будет позиционировать себя как пророссийскую страну, однако есть признаки возможного сближения позиций по целому ряду принципиальных международных вопросов. Знаковым в этой связи можно считать ноябрьское голосование Узбекистана в ООН в поддержку России по украинской резолюции по Крыму. Реальную угрозу безопасности Узбекистана по-прежнему представляет международный терроризм, активно вербующий в республике молодежь, а также напряженность, существующая на афгано-узбекской границе. Противостоять этим угрозам Узбекистан без поддержки России не сможет, и именно в силу этих соображений оборонными ведомствами России и Узбекистана в конце ноября 2016 г. в Москве был подписан двусторонний договор.

Россия при желании сможет сыграть решающую роль в устранении застарелых противоречий по водно-энергетической проблеме между Узбекистаном и Таджикистаном. От России во многом будет зависеть перспектива подключения Узбекистана к интеграции – экономической (ЕАЭС) и военно-политической (ОДКБ). По этим направлениям Россия неизбежно станет конкурировать с Китаем. Но несколько важных рычагов влияния у России имеются. В их числе: а) развитые торговые отношения с Узбекистаном; б) трудовые мигранты, по числу присутствия которых в России в 2016 г. Узбекистан опередил традиционных доноров миграции в Россию – Таджикистан и Кыргызстан; в) лоббирование интересов РФ в Узбекистане отдельными влиятельными представителями российской бизнес-элиты, заинтересованной в углублении российско-узбекского взаимодействия.

В *Таджикистане* по итогам прошедшего 22 мая 2016 г. референдума были сняты ограничения на количество сроков правления действующего президента Э.Рахмона, за которым в декабре 2015 г. конституционным законом закреплен статус «лидера нации». Снижен и максимальный возраст для кандидата в президенты – с явным прицелом на преемника Рахмона, в качестве которого, по слухам, значится его старший сын Рустам Эмомали. На следующих президентских выборах, которые состоятся в 2020 г., он теоретически сможет выдвинуть свою кандидатуру на пост президента. Укрепление вертикали власти в Таджикистане нацелено на сохранение властных полномочий в руках правящего клана и на предотвращение дестабилизации в стране (массовые антиправительственные выступления или вооруженные бунты). Такой сценарий не связан с активностью оппозиции, представленной небольшой группой правозащитников. Не будет он определяться и недовольством определенных кругов в связи с запретом в 2015 г. некогда влиятельной «Исламской партии возрождения Таджикистана», обвиненной властями в причастности к попытке госпереворота. Проблемы Таджикистана лежат в иной сфере – социально-экономической, отличающейся крайним неблагополучием. Именно там накапливается негативный потенциал, который способен привести республику к взрыву. Угроза может исходить также извне – от скрывающихся на территории Афганистана (с которым Таджикистан развивает взаимовыгодные отношения) боевиков из числа таджикских оппозиционеров-радикалов исламистского толка.

И все же вероятность негативного сценария для Таджикистана образца 2017 г. незначительна, поскольку система государственной власти все еще сохраняет здесь достаточную для поддержания стабильности устойчивость. Отсутствуют также признаки возможного внешнеполитического разворота Таджикистана в противоположном от России направлении. Это крайне маловероятно, учитывая огромную зависимость от Москвы и в плане приема трудовых мигрантов (по некоторым данным, объем их денежных переводов на родину превысил в 2016 г. половину ВВП Таджикистана), и в военно-политическом аспекте.

Кыргызстан остается единственным в ЦА государством, избравшим полупарламентскую систему управления и постоянно совершенствующим ее. 2 ноября 2016 г. киргизский парламент проголосовал в поддержку конституционного референдума, который состоялся 11

декабря. Хотя действующая Конституция Кыргызстана и запрещает внесение в нее поправок до 2020 г., они были одобрены на общереспубликанском голосовании. Самая важная поправка касается передачи власти от парламента и президента премьер-министру и его кабинету. Это означает усиление позиций правящей элиты во главе с президентом А.Атамбаевым, чей шестилетний срок завершается в конце 2017 г. Референдум инициировала пропрезидентская Социал-демократическая партия Кыргызстана (СДПК).

Предстоящие в 2017 г. президентские выборы обещают стать во многом уникальными для Центральной Азии, т.к., в отличие от соседних государств, исход их пока неясен. Хотя у покидающего свой пост Атамбаева, единственного в ЦА президента, ограниченного одним сроком, не будет возможности переизбраться, он наверняка сделает все возможное, чтобы новым лидером страны не стал кто-то из его противников. Возможным кандидатом в президенты СМИ называют премьер-министра С.Жээнбекова. Брат Жээнбекова и бывший спикер парламента страны Асылбек, также упоминается в качестве возможного претендента на президентский пост. Оба состоят в атамбаевской СДПК.

Резких внешнеполитических разворотов и отхода от пророссийского курса в Кыргызстане не предвидится. Может, однако, произойти – особенно в случае неуспеха ЕАЭС, противников которого в кыргызских политических и деловых кругах хватает – некоторое дистанцирование республики от России. Признаки такого сценария просматривались в 2016 г., и они связаны с остающимися неясными для Кыргызстана перспективами будущих взаимоотношений России с Казахстаном и Узбекистаном. В январе 2016 г. Бишкек денонсировал договоры с Россией о ее участии в строительстве на территории Киргизии нескольких ГЭС, которые Россия отказалась финансировать. Второй «звоночек» прозвучал 1 декабря, когда Атамбаев на пресс-конференции заявил, что российская военная база должна будет «уйти» из Кыргызстана после того, как истечет срок договора. Его должны продлить в уходящем году, но предусмотренный в договоре срок продления (45 лет) киргизская сторона предлагает сократить до 15 лет. Учитывая, тем не менее, огромную заинтересованность Кыргызстана в сохранении военно-политических и экономических контактов с Россией, а Москвы – в сохранении стабильности на южных рубежах, можно предположить, что российско-киргизские отношения будут развиваться по оптимистическому сценарию. Разрыва отношений с Россией не произойдет, вне зависимости от того, кто будет в Кыргызстане следующим президентом.

Туркменистан готовится провести 12 февраля 2017 г. президентские выборы. Мало кто сомневается в победе действующего президента Г. Бердымухаммедова. Он, согласно принятой 14 сентября 2016 г. новой Конституции, получил возможность баллотироваться на третий семилетний срок. Специфика грядущих выборов заключена в допуске на них, согласно требованию президента, альтернативных кандидатов. Это, впрочем, придает будущему мероприятию лишь видимость демократического. Прогнозируется в дальнейшем внесение в Основной закон страны новых дополнений, которые обеспечат Бердымухаммедову пожизненное президентство.

Внешнеполитические ориентиры Туркменистана не претерпят изменений, и страна сохранит свой нейтральный статус, закрепленный в новой редакции Конституции. Однако Ашхабаду будет сложнее следовать привычной тактике внешнеполитической равноудаленности в случае возможного обострения ситуации на границе с Афганистаном. Сам Туркменистан лишен возможности контролировать ее в силу недостаточно развитого военного потенциала. Есть основания полагать, что в сфере военного сотрудничества приоритетным партнером для Туркменистана останется Россия.

Политическое развитие государств ЮК будет определяться дальнейшей трансформацией их политических систем и некоторой модификацией внешней политики.

В *Азербайджане и Армении* получит развитие процесс конституционного реформирования.

В Азербайджане на состоявшемся 26 сентября 2016 г. третьем за всю историю независимости референдуме было одобрено внесение в Конституцию изменений, касающихся продления полномочий президента страны с 5 до 7 лет, уменьшения возраста для кандидатов на пост главы государства и введения поста вице-президента. В Армении в апреле 2017 г. должны состояться парламентские выборы, и страна готовится к середине 2018 г., когда закончатся полномочия действующего президента С.Саргсяна, перейти от полупрезидентской к парламентской системе. *Новации в обоих государствах имеют своей первоочередной целью закрепление позиций правящих элит, продолжающих уверенно контролировать ситуацию в отсутствие у оппозиции серьёзных шансов на консолидацию.*

В сфере внешней политики Азербайджан сохранит приоритетность своих связей с Турцией. Можно ожидать дальнейшей нормализации отношений с Ираном при сохранении Азербайджаном тесной привязки к военно-промышленному комплексу Израиля. С США и ЕС отношения останутся на прежнем уровне, и критика со стороны отдельных западных политиков в адрес крепнущих авторитарных тенденций в Азербайджане или нарушений там прав человека не изменят в целом поступательную в направлении Запада траекторию азербайджанской внешней политики. Достаточно стабильные в целом российско-азербайджанские отношения постоянно будут испытываться на прочность позицией России по карабахскому конфликту, а также уровнем ее военно-политического взаимодействия с Арменией. Повышение этого уровня автоматически приведет к охлаждению отношений с Азербайджаном, и напротив – Армения будет каждый раз высказывать недовольство, если контакты России и Азербайджана покажутся ей излишне тесными.

Для Армении при всей ее огромной зависимости от России, которая остается единственным гарантом суверенитета и безопасности этой закавказской республики, привлекательными могут стать другие внешнеполитические альтернативы – европейская, в первую очередь. От нее, как считают многие критики президента Саргсяна, и конкретно от Соглашения о зоне свободной торговли с ЕС, Армения отказалась напрасно, сделав свой выбор в пользу евразийской интеграции с ЕАЭС. Параллельно в Армении нарастает беспрецедентный вал антироссийских публичных высказываний. На этом фоне сторонники вступления Армении в евроатлантические структуры, которые аргументируют свою позицию бедственным экономическим положением страны, смогут занять прочную нишу в разноцветье армянской политической палитры. Это вкупе с накопившимся в армянском обществе потенциалом политического и социального протеста придает ситуации в стране непредсказуемый характер.

В *Грузии* политическое развитие во многом определится новой расстановкой сил, возникшей после прошедших 30 октября 2016 г. парламентских выборов. Их победителем стала партия «Грузинская мечта», набравшая в парламенте конституционное большинство голосов и настроенная конструктивно в отношении России. В этой связи можно ожидать:

- изменения конституции, отмены президентских выборов и замены их на выборы президента в парламенте;
- сохранения курса на евроинтеграцию и сотрудничество с НАТО;
- попыток нормализовать отношения с Россией вплоть до возможного восстановления с ней дипломатических отношений.

Однако едва ли стоит ожидать скорого восстановления дипломатических отношений, разорванных в августе 2008 года, после штурма грузинской армией осетинского Цхинвала, гибели там российских миротворцев и последовавшего вслед за этим признания Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. Вопрос территориальной целостности Грузии является чрезвычайно болезненным для всех граждан Грузии – а значит и для любого правительства этой страны. И именно этот вопрос останется основным препятствием для нормализации грузино-российских отношений.

Тем не менее, сближению позиций двух стран может способствовать взаимодействие в рамках Женевских дискуссий, которые проходят при посредничестве ЕС, ООН и ОБСЕ, с участием делегаций из Грузии, России, США, Абхазии и Южной Осетии, а также в формате действующего с 2012 г. диалога «Карасин — Абашидзе». Именно эти форматы могут сдвинуть с мертвой точки решение ряда первоочередных проблем, в числе которых – судьба грузинских беженцев из Абхазии, лишившихся дома в сентябре 1993 года.

Даже в случае возможного сближения Грузии с Россией неизменным останется ее курс на евроинтеграцию и сотрудничество с НАТО. При этом если ассоциация Грузии с ЕС в России воспринимается спокойно (трудно представить, что страна станет членом ЕАЭС), то в случае углубления проратовской направленности грузинской политики, о полноценной нормализации отношений в обозримой перспективе можно забыть.

Тем не менее, очевидно, что налаживание российско-грузинских отношений – в интересах обеих сторон. России будет легче предотвращать террористическую активность на Кавказе, вести там борьбу с окопавшимся в горах террористическим «интернационалом», получившим боевую обкатку в «горячих точках» Ближнего Востока. Эта угроза актуальна и для Грузии. Серьезным внешним вызовом для Тбилиси остается расширяющаяся турецкая экспансия – экономическая, политическая, религиозная – в Аджарии, противостоять которой (как показывает история) Грузия сможет, только опираясь на российскую поддержку.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Анализ ближневосточного политического процесса, отличающегося известной непредсказуемостью и волатильностью, позволяет сегодня определить некоторые специфические черты, которые, по всей видимости, будут определять основное его течение в ближайшем будущем.

Так, при всей интегрированности региона в мировую политику, он сохраняет определенную интровертность. Входящие в него государства, имея диверсифицированные экономические связи, в политическом отношении все более сосредотачиваются на региональной повестке дня (характерный пример – Турция), содержание же последней также лишь в незначительной степени определяется внешними факторами.

Однако при этом парадоксальным образом региональные игроки постоянно демонстрируют свою зависимость от глобальных акторов. Это связано с двумя основными обстоятельствами. Во-первых, с исторической традицией наличия внерегиональных опор ближневосточной системы безопасности, роль которых выполняли когда-то колониальные державы, затем – США и СССР, а позже (не очень успешно) – только США. Во-вторых, с относительной слабостью конкурирующих друг с другом региональных держав, отсутствием у кого-либо из них очевидных преимуществ.

Характерно в этом отношении колоссальное влияние, которое на региональный политический процесс оказало ожидание исхода президентской гонки в США. Всю вторую половину 2016 г. этими ожиданиями в немалой степени определялись действия сторон Сирийского конфликта, об их влиянии на политику стран-членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) откровенно говорили аналитики этих стран, включая Саудовскую Аравию.

Скорый уход администрации Б.Обамы вселял в них надежду на возможность изменения внешнеполитического курса Белого Дома. Линия Обамы на снижение американской вовлеченности в ближневосточные дела представлялась им не только слабой, но и, в сущности, предательской по отношению к союзникам. Однако победа Д.Трампа настроения в Заливе не улучшила – руководствуясь иными аргументами, чем прежний, новый президент, похоже, намерен, в сущности, и далее развивать стратегию выхода из региона.

Очевидно, что неготовность смириться с сокращением американского присутствия и потребность во внерегиональной поддержке будут вынуждать ключевые государства Ближнего Востока, с одной стороны, втягивать внешних акторов во внутрорегиональные дела, а с другой, – активно искать кандидатов на замещение США.

Это открывает определенные возможности для России, так или иначе, уже продемонстрировавшей способность и желание играть активную роль на Ближнем Востоке. И интенсификация контактов российского руководства с лидерами ССАГПЗ в 2016 г. служит тому доказательством.

Особенную значимость поиск внешних союзников приобретает в контексте многочисленных региональных конфликтов, остающихся доминантой не только международных отношений на Ближнем Востоке, но и внутривосточного развития большинства расположенных здесь государств. Так, Сирийский конфликт оказывает непосредственное воздействие на

Ирак, Ливан, Турцию, Иорданию; Йеменский – на Саудовскую Аравию и другие монархии Залива; Ливийский – на Тунис и в меньшей степени на Египет и Алжир; Западносахарский – на Алжир и Марокко; Ближневосточный – соответственно на Израиль и Палестину. При этом, как показывает многолетний опыт двух последних конфликтов, *со временем ситуация конфликтности начинает восприниматься игроками как естественная, прямо влияя на развитие их политических систем.*

Росту конфликтности способствует сосуществование множества нарративов, разделяемых отдельными региональными акторами, и порождающих кризис доверия. Что делает *малоэффективными обычные переговорные механизмы урегулирования и зачастую ведет к абсолютной недостижимости компромиссов между игроками, несмотря на видимость постоянного диалога всех со всеми.* Более того, как показали последние два года, в подобном контексте становится невозможным даже договориться о содержании основных понятий, описывающих ситуацию в регионе. Характерным примером служит, остро развернувшаяся в 2016 г. дискуссия о понимании террористической угрозы, показавшая, что на Ближнем Востоке нет практически ни одного игрока, которого бы кто-то другой не считал террористом.

Единственным игроком, относительно которого существует сегодня общее согласие, стало ИГИЛ, воплотившее в себе «идеального врага». Однако борьба с ним, как показал 2016 г., так и не смогла стать основой для сближения всех региональных акторов.

Создание общего понимания сути происходящих процессов – это, несомненно, важная задача для нормализации ситуации в регионе – ее решение открыло бы путь к достижению консенсуса о системе региональной безопасности. Однако такого решения в 2017 г. не предвидится: периодически звучащая идея о созыве региональной конференции вряд ли может быть реализована в течение года, а если такая попытка и будет предпринята, то маловероятно, что она увенчается успехом.

Множественность конфликтов, несовпадение нарративов, тотальный кризис доверия и разнонаправленность интересов основных региональных игроков ведут к тому, что сегодня на Ближнем Востоке оказывается практически невозможным выстраивание прочных альянсов. Ситуация, когда государства остро конфликтуют по одному направлению, одновременно плодотворно сотрудничая по другому, или же внезапно из вчерашних союзников превращаются в соперников, встречаются довольно часто. Это касается не только российско-турецких отношений, но и саудовско-египетских, и российско-саудовских.

В условиях такой постоянной подвижности в *наименее выигрышном положении неизбежно оказываются внешние игроки.* Не в полной мере понимая внутреннюю логику своих региональных партнеров и оставаясь «чужаками», они в результате вынуждены интерпретировать естественные действия этих партнеров как предательство.

Наконец, последняя особенность региональной ситуации, которая сохранит свое воздействие на облик Ближнего Востока в 2017 г., это, конечно, продолжающийся кризис современной государственности, институтов и национальных идентичностей и порождаемый этим кризисом рост влияния негосударственных акторов, формирование альтернативных моделей государственности и поиск новых идеологических моделей развития.

Исходя из сказанного, прогнозируя развитие ситуации в 2017 г. имеет смысл сосредоточиться, прежде всего, на перспективах развития региональных конфликтов.

Очевидно, что ситуация в **Сирии** сохранит свое значение для региона, оставаясь зоной пересечения интересов многочисленных игроков разного уровня. Учитывая динамику

развития конфликта во второй половине 2016 г. маловероятным представляется возвращение к политическому урегулированию в первом полугодии 2017 г.

После освобождения Алеппо правительственные силы, по всей видимости, будут пытаться развить успех, рассчитывая взять либо Идлиб, либо – с большей вероятностью – Ракку, что будет иметь большое символическое значение и позволит говорить о поражении в Сирии ИГИЛ. Вместе с тем, удержание контроля над остальной территорией страны без существенной внешней поддержки станет для сирийского правительства едва ли выполнимой задачей.

Сегодня, несмотря на общепринятую точку зрения о невозможности военного решения, Дамаск своими действиями и заявлениями демонстрирует решимость одержать победу. Это дает основание предположить, что после нескольких символических побед правительство попытается заявить о восстановлении суверенитета и заставить международное сообщество интерпретировать дальнейшую его военную активность как борьбу с терроризмом. При этом оно, естественно, рассчитывает как на военную, так и на дипломатическую помощь Москвы в том, что касается договоренностей как с Вашингтоном, так и с другими заинтересованными сторонами. Притом, что успех подобной стратегии представляется маловероятным, сама попытка ее претворения в жизнь заставит сирийское правительство уклоняться от мирных переговоров.

Учитывая это обстоятельство, у Москвы и Вашингтона остается не очень много возможностей для оказания эффективного давления на стороны конфликта для перезапуска мирного процесса. Если такие возможности все же будут найдены, то такой перезапуск окажется возможным к середине 2017 года. При этом, если сирийская оппозиция будет заинтересована в достижении реальных договоренностей и начале транзитного процесса, то правительство, вполне вероятно, будет стараться использовать переговоры для легитимизации собственных притязаний, укрепления позиций «на земле» и довольно легко будет идти на срыв переговорного процесса.

В случае же если внешние игроки на протяжении нескольких месяцев не смогут договориться об оказании действенного давления на стороны конфликта, естественным его продолжением станет фактическое разделение страны на зоны влияния (вне зависимости от деклараций Дамаска), и тогда основной задачей российских ВКС станет обеспечение безопасности «малой» Сирии – территории, прочно контролируемой правительством.

Притом, что в этом контексте вполне вероятно установление турецкого контроля над некоторыми районами на севере и северо-востоке страны, наиболее отдаленные восточные районы останутся, в сущности, никому неподконтрольной зоной отсутствия государственности.

Подобная ситуация, хотя и таит в себе огромное количество угроз, в краткосрочной перспективе может оказаться выгодной, по крайней мере, трем заинтересованным сторонам: Турции – поскольку это позволит ей временно снять вопрос о курдской угрозе; Дамаску – поскольку позволит заявить о своей победе; Саудовской Аравии – поскольку позволит не допустить создания «шиитского пояса», разрезав его зоной перманентной нестабильности в Сирии и Ираке.

При любом течении событий Сирийский конфликт сохранит свое дестабилизирующее воздействие на сопредельные страны – прежде всего, на Ливан и Иорданию, а также на Турцию – три страны, приютившие наибольшее число сирийских беженцев. В наиболее уязвимом положении при этом оказывается Ливан, где число беженцев составляет едва ли не

20-25% общего населения. Помимо фактора беженцев, развитие внутриливанской ситуации зависит от способности политического истеблишмента страны сохранить баланс между проиранской Хизбаллой и просаудовскими суннитскими силами, в значительной степени обеспечивающими экономическое развитие республики.

По сравнению с Сирией ситуация в **Йемене** выглядит чуть более оптимистично. Военная кампания в этой стране тяжелым бременем ложится на саудовскую экономику, не принося существенных дивидендов. Понимание того, что новая американская администрация не станет расширять помощь Эр-Рияду, а продолжение боевых действий с прежней интенсивностью может оказаться губительным для королевства, с большой вероятностью, приведет к тому, что королевство проявит некоторую гибкость и попытается найти формат политического урегулирования.

Подобно тому, как Сирийский конфликт сохранит деструктивное воздействие на Ливан или Иорданию, Йеменский будет крайне негативно влиять на Саудовскую Аравию, обуславливая дестабилизацию внутривнутриполитической ситуации в этой стране. Можно ожидать как роста антиправительственной активности под конфессиональными (шиитскими) знаменами, так и всплеск террористической активности на территории королевства.

Наконец, в **Ливийском конфликте** существенных перемен не предвидится. Возможно ограниченное расширение влияния ген. Х.Хафтара за счет военного успеха в отношении джихадистских образований, однако в целом страна, вероятнее всего, так и останется разделенной. Постепенно это будет приводить к укреплению политических и административных структур в Триполитании и Киренаике, что, впрочем, пока что никак не будет оформлено на международно-правовом уровне. Ситуация в Феццане, в свою очередь, останется нестабильной, более всего напоминающей положение дел в восточной Сирии или иракской провинции Анбар.

Воздействие ливийской ситуации на сопредельные страны останется ограниченным, и будет канализировано, в основном, в южном направлении, отрицательно сказываясь на общей ситуации безопасности в Магрибе.

Что касается старых региональных конфликтов – Западносахарского и Палестино-Израильского, то сегодня вряд ли есть основания ожидать в них существенных изменений.

Важным следствием региональной конфликтности будет оставаться сохранение так называемой «ситуации хрупкости» (fragile situation) в целом ряде государств, испытывающих системные проблемы институционального развития. Помимо уже упомянутых Ливана, Иордании и Саудовской Аравии это относится к Бахрейну, Египту, Тунису, Алжиру, а также, возможно, к Марокко. Угрозы, с которыми могут столкнуться эти государства в ближайшем будущем, порождены разными причинами и носят несхожий характер.

Относительно **Бахрейна и Марокко** опасность состоит в росте протестных настроений среди населения, правда в случае с Бахрейном ситуация будет в значительной степени зависеть от динамики саудовско-иранских отношений, а в случае с Марокко – от способности власти продемонстрировать успехи в социальной сфере. Что же касается Туниса, Египта и Алжира, то здесь основная угроза исходит от разного рода террористических организаций, способных в 2017 г. активизировать свою деятельность.

Во многих странах Ближнего Востока по-прежнему значительную роль будут играть негосударственные акторы, в том числе такие, которые будут пытаться выстраивать проекты альтернативного государство-строительства, вроде ИГИЛ. Соответственно уровень террористической опасности, исходящей из региона, останется чрезвычайно высоким, и даже

может увеличиться в свете наметившейся в последний год переориентации джихадистской организации на формирование изолированных ячеек «на местах» и техническую примитивизацию терактов.

Если рассматривать региональный уровень отношений на Ближнем Востоке, то на сегодняшний день ситуацию в Машрике в значительной степени определяют две линии противостояния – между Саудовской Аравией и Ираном, с одной стороны, и между Турцией и Египтом, с другой.

Возможностей преодоления противоречий между КСА и ИРИ сегодня не просматривается, а если они и будут найдены, то произойдет это без участия внерегиональных акторов. Противостояние между ними по-прежнему будет проецироваться на все основные региональные конфликты, препятствуя их урегулированию и способствуя деятельности негосударственных акторов, реализующих конфессиональную – шиитскую или салафитскую – повестку дня.

Будет оно оказывать влияние и на отношения внутри ССАГПЗ, между членами которого фиксируется рост противоречий. В особенно уязвимом отношении оказывается при этом Бахрейн, где процесс национального диалога был два года назад заблокирован.

Очередная эскалация напряженности в саудовско-иранских отношениях возможна, однако не слишком вероятна – обе стороны сегодня имеют основания опасаться за свое будущее в случае нагнетания конфликтности.

Что касается турецко-египетских противоречий, то они, кажется, не столь глубоки, как ирано-саудовские и носят в значительной степени идеологический характер. Египетское правительство, объявившее вне закона организацию Братьев-мусульман, небезосновательно считает Турцию основным их политическим спонсором. Вместе с тем, как показывает опыт, Каир вполне способен выстраивать нормальные отношения с государствами, где Братья-мусульмане инкорпорированы в правящую элиту.

Таким образом, в случае появления необходимой мотивации, частичная нормализация турецко-египетских отношений представляется вполне возможной, и теоретически Россия, выстраивающая конструктивные отношения с обеими сторонами, могла бы здесь сыграть посредническую роль.

Важным элементом региональных отношений, вне всяких сомнений, будет оставаться курдская проблема, принципиального решения которой не предвидится. Существует некоторая вероятность провозглашения независимости Иракского Курдистана, однако и она не кажется очень высокой.

Что касается Магриба, то в *Тунисе и в Алжире* в 2017 г. могут произойти важные внутривнутриполитические события, способные в дальнейшем оказать влияние и на весь регион.

Так, в Тунисе весной 2017 г. предстоят муниципальные выборы, на которых вполне вероятна победа умеренной исламистской партии ан-Нахда, в 2014 г. отошедшей от власти. Это будет знаменовать начало возвращения исламистов к управлению государством, причем управления намного более легитимного, чем в переходный период 2011-2014 гг. Кроме того, победа ан-Нахды способна вызвать и определенный эффект в регионе, продемонстрировав сохранение электорального потенциала у умеренных исламистских партий, что особенно важно для Египта.

В Алжире вполне возможной представляется частичная смена политического руководства страны. И хотя это событие не станет революционным, новые власти (даже будучи в сущности своей старыми) будут вынуждены на первых порах проводить некоторые демократические реформы, которые позволят им повысить доверие к правительству среди населения. Во внешней политике это может означать попытку нормализации отношений с Марокко и в целом постепенное открытие страны для внешнего мира.

Суммируя вышесказанное, можно утверждать, что при всей ожидающейся насыщенности 2017 г., он останется, по всей видимости, временем развития тенденций, заложенных ранее – практически ни один из трансформационных процессов, запущенных в регионе в начале 2010-х гг. не будет завершен, а контуры будущего Ближнего Востока так и останутся туманными.

ТИХООКЕАНСКАЯ АЗИЯ

В 2017 г. в Тихоокеанской Азии сохраняются основные тенденции в области политики и международных отношений, сложившиеся в предшествующие годы и определяющие общий фон, на котором разворачиваются принципиально важные для судьбы региона общественные и экономические процессы. Вместе с тем для последних будет характерен повышенный динамизм и постоянное появление новых акцентов и нюансов.

В области **военно-политических отношений и международной безопасности** ожидаются некоторые изменения в политике Соединенных Штатов – крупнейшего военно-стратегического актора в этом регионе. США, безусловно, продолжат уделять первостепенное внимание укреплению своих позиций на Тихом океане и в Восточной и Юго-Восточной Азии, считая это направление одним из наиболее приоритетных в своей внешней и оборонной политике. Центральную роль в этих усилиях по-прежнему будет играть система двусторонних альянсов, в первую очередь с Японией и Южной Кореей, а также мощное военное присутствие в регионе, обеспечиваемое во многом благодаря этим альянсам.

Вместе с тем смена президентской администрации в США может привести к ужесточению линии США относительно действий КНР в Южно-Китайском море и оборонной политики Китая в целом. Одновременно усилится стремление более активно привлекать к поддержке американских действий Японию и Южную Корею. Можно также ожидать укрепления горизонтальных связей в системе американских военных альянсов, в частности между Японией и Южной Кореей, между Японией и Филиппинами.

Тем не менее, перерастание противостояния США и их союзников, с одной стороны, и КНР – с другой, в открытый вооруженный конфликт по-прежнему остается маловероятным.

В течение ближайшего года будут сохраняться и другие традиционные источники международной напряженности в этом регионе. В первую очередь это относится к стремлению **КНДР** утвердить свой статус страны, обладающей ядерным оружием. Резко отрицательная реакция соседних стран, а также США на действия КНДР в этом направлении, в свою очередь, повышает градус противостояния в этом чувствительном районе мира, в результате чего узел опасных противоречий затягивается все туже. Неоднозначную реакцию ряда стран Азии вызывает и линия японского правительства на отказ от самоограничений в области оборонной политики и военного строительства. Это, в свою очередь, обостряет ставшие уже традиционными периодические политические и дипломатические споры между ними, связанные с различной оценкой истории взаимоотношений между странами Восточной Азии в первой половине прошлого века.

По-прежнему серьезным источником трений, порою принимающих острый характер, остаются и территориальные споры между государствами региона. И все же, поведение правительств и лидеров этих государств дает основание полагать, что конфликтные ситуации в Тихоокеанской Азии не выйдут из-под контроля и не приобретут слишком острых форм. На фоне высокой конфликтности в регионе по-прежнему сильно сознание взаимозависимости и общей заинтересованности в сохранении международной стабильности как условия для экономического и социального развития всех составляющих его стран.

Интеграционные процессы в Тихоокеанской Азии в 2017 г. ожидают испытания, связанные с избранием американским президентом Д. Трампа и завоеванием республиканской партией контроля над палатой представителей и сенатом конгресса США. Поскольку новый глава Вашингтонской администрации и конгрессмены едины в своем критическом отношении к Транстихоокеанскому партнерству (ТТП), ратификация данного амбициозного соглашения, по крайней мере в 2017 г., несмотря на призывы Японии не отказываться от проекта, представляется маловероятной. Скорее всего, не только США, но и большинство остальных стран, подписавших документ о создании ТТП, возьмут паузу для оценки создавшегося положения, тем более что без ратификации соглашения американским конгрессом оно даже теоретически не сможет вступить в силу.

В сложившихся условиях в повестке дня экономического диалога стран АТР в 2017 г. встанет вопрос о возможностях и перспективах интеграционных проектов, альтернативных ТТП. Так, потенциально открываются новые возможности для китайской дипломатии. Однако добиться на практике заметных изменений в свою пользу в ближайшие годы КНР будет весьма сложно. Повод для сомнений дает трудное продвижение концепции Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП) как объединения 16 стран АТР, в котором Китай претендует на роль лидера. Многие влиятельные потенциальные участники РВЭП, прежде всего из числа членов АСЕАН, рассматривали этот проект не как конкурирующий с ТТП, а как в определенной степени дополняющий его. Данное обстоятельство явилось одной из причин затягивания принятия основополагающих документов РВЭП, которое планировалось еще на декабрь 2015 г. Поэтому в 2017 г. предстоит сложный процесс перезагрузки переговорного процесса, в рамках которого участникам придется определить цели и возможности РВЭП в новых условиях.

Параллельно в странах-членах АТЭС продолжится изучение потенциальных возможностей, связанных с принятием в 2016 г. на Саммите АТЭС в Лиме Декларации об Азиатско-тихоокеанской зоне свободной торговли (АТЗСТ), идея которой активно продвигалась Китаем. Между тем, одобренный в Лиме документ носит достаточно общий характер. В определенной мере 2017 год должен стать показательным в смысле подтверждения возможности выполнения Богорских соглашений к 2020 г. и подготовки к этой дате основных принципов и сроков перехода к АТЗСТ.

В прогнозный период члены АТЭС должны будут приступить к решению сложной задачи. Им предстоит развеять неопределенность в трактовке концепции регулирования региональной торговли и трансграничных инвестиций, когда, с одной стороны, декларируется приверженность принципам и нормам, устанавливаемым ВТО, а с другой - провозглашается стремление подготовить соглашение, рассчитанное на решение будущих проблем развития торговли и инвестиционных обменов (*next generation trade and investment issues*). Столь же неопределенным остается тезис о намерении интегрировать уже существующие между членами АТЭС двусторонние и многосторонние соглашения о зонах свободной торговли (ЗСТ) в единый договор, действие которого распространится на весь регион. Пока дорожной картой намечается лишь проведение инвентаризации этих соглашений с акцентом на выявление существующих различий и противоречий. На следующем этапе предстоит поиск возможностей снятия противоречий действующих соглашений о ЗСТ с последующим переходом к выработке новых норм регулирования. Учитывая огромные сложности на этом пути, работа по выработке новых норм растянется на долгие годы.

Между тем переговоры членов АТЭС в 2017 г. могут подтвердить заинтересованность тихоокеанских государств собственно в самом существовании АТЭС, что еще недавно рядом экспертов ставилось под сомнение. По-прежнему будут востребованы статистические

данные, оценки основных вызовов и возможностей развития, собранные и обработанные государственными и общественными организациями, коммерческими структурами и предоставляемые в обобщенном виде АТЭС. Еще большую ценность представляют возможности АТЭС в качестве переговорной площадки, которой активно пользуются главы государств и правительств. Посредническая функция АТЭС будет особенно полезна с учетом того обстоятельства, что не только ТТП и РВЭП, но и АТЭСТ предполагается реализовать вне рамок АТЭС.

В любом случае, в ближайшие годы трудно ожидать сколько-нибудь значительных сдвигов в реализации любых региональных интеграционных мегапроектов. Это, вероятно, подтолкнет ведущие страны региона к переговорам в более традиционном формате – на двустороннем или субрегиональном уровнях. Многое будет зависеть от результативности американо-китайского диалога по вопросам мировой торговли.

Кроме того, продолжится концентрация торгово-инвестиционных связей Китая, Японии и Республики Корея в наиболее перспективных сферах экономики, что создает организационную и технологическую основу для углубления интеграционных отношений. Политический кризис в Южной Корее, не исключено, может задержать принятие окончательных межгосударственных соглашений, однако работа на экспертном уровне будет продолжена, а возможно и активизирована, учитывая экономические вызовы, с которыми три страны сталкиваются на внутреннем и мировом рынках. Взаимная заинтересованность Пекина, Токио и Сеула в экономическом сближении будет подталкивать их к поиску компромиссов и выработке согласованной позиции относительно содержания и перспектив взаимной интеграции.

Трудности продвижения трех стран по пути политического сближения будут отчасти компенсироваться активизацией культурных и гуманитарных обменов между ними. Несмотря на соперничество и дискуссии по отдельным вопросам, а возможно и попятное движение по некоторым направлениям, сотрудничество в этих сферах будет развиваться и охватывать как традиционные, так и новые формы гуманитарного и культурного взаимодействия. Это процесс, помимо всего прочего, послужит дополнением региональной экономической интеграции, а возможно, и выступит в качестве меры, частично компенсирующей дефицит общих политических ценностей и непоследовательность межгосударственного диалога.

Политическая ситуация в основных странах региона в ближайший год не претерпит драматических изменений.

В **КНР** будет расти политическая активность и напряжение в связи с приближением намеченного на осень 2017 года 19-го съезда Коммунистической партии Китая. Руководство партии будет стремиться использовать это время для консолидации административной и военной власти, с тем чтобы на предстоящем съезде иметь возможность решить все основные, прежде всего, кадровые вопросы в соответствии со своими собственными представлениями.

Дестабилизирующую роль во внутривнутриполитической сфере Китая будет играть, в первую очередь, обострение административно-бюрократической борьбы в партийной элите, связанное с недовольством укреплением личной власти главы государства и партии Си Цзиньпина. В этой среде существуют опасения, что последний, в случае своего переизбрания на съезде, в будущем нарушит партийную традицию обязательной смены лидера по истечении двух пятилетних периодов. Кроме того, определенное брожение в аппарате

вызывает продолжение и углубление антикоррупционной кампании, которая, как утверждается, используется для продвижения по партийно-административной лестнице «инновационных и открытых к переменам» чиновников, взгляды которых совпадают с позицией высшего руководства. Критики антикоррупционной политики усматривают в происходящем и угрозу паралича работы законодательной власти, периодически подвергаемой масштабным «чисткам». Вместе с тем, возможное обострение внутрипартийных трений не приведет к масштабному политическому кризису.

В связи с замедлением экономического развития Китая и ростом расслоения общества по уровню доходов возможно обострение ситуации в «низах» китайского общества. Продолжает расти число экономических забастовок и протестов против увольнений работников ликвидируемых в рамках реформы госпредприятий корпораций (в основном в металлургической и угольной отраслях).

Во внешней и оборонной политике Китай будет последовательно следовать тактике «жесткости и компромисса». Данная тактика предполагает демонстративную «жесткость», адресуемую, как правило, внутренней аудитории как доказательство сильных лидерских качеств руководства страны и партии и того, что кадровые чистки не мешают стране превращаться в одного из мировых политических лидеров.

С другой стороны, партнерам Китая, которые одновременно рассматриваются им как конкуренты и соперники, демонстрируется готовность к поиску компромиссов. КНР по-прежнему стремится поддерживать с большинством важных для него стран хорошие политические отношения в целях обеспечения благоприятной внешней среды для развития китайской экономики и зарубежной экспансии китайского капитала, в том числе в рамках стратегической инициативы «Один пояс, один путь».

В отношениях с Японией фаза обострения территориальных споров сменяется возвратом к политике поиска возможностей сотрудничества. При этом Китай не отказывается от политики давления на Токио по территориальной проблеме, продолжая посылать свои корабли в воды, которые Япония считает своими.

Отношения с Южной Кореей в 2017 г. могут обостриться из-за решения Сеула разместить на своей территории американскую систему ПРО ТВД. Несмотря на то, что это решение, по утверждению США, не связано с Китаем и его политикой, Пекин расценивает планы размещения ПРО ТВД, прежде всего входящего в состав системы ПРО радара, который способен частично контролировать китайское воздушное пространство, как нарушение баланса стратегических сил в Северо-Восточной Азии.

В подходах к АСЕАН жесткость китайской политики проявится в дальнейшем игнорировании решения Международного суда в Гааге, не признавшего по иску Филиппин претензий Пекина на часть островов в Южно-Китайском море, и на продолжении работ по созданию искусственных островов в этой акватории с целью расширить границы зоны китайского военного присутствия и контроля.

В перспективах отношений с США в 2017 г. имеется значительный элемент неопределенности, которая, однако, не обернется открытой конфронтацией. Узлами максимальных противоречий, по-видимому, станут проблема ПРО ТВД в Южной Корее и нарастающее американское военное присутствие в Южно-Китайском море. Параллельно Китай и США будут накапливать потенциал взаимодействия в наиболее чувствительных для обеих стран сферах безопасности.

В отношениях с Россией Пекин продолжит интенсивные контакты в экономической и политической областях, что соответствует стратегической линии Китая на многовекторную дипломатию. При этом Китай будет стремиться расширить географические рамки военно-политического взаимодействия с Россией, включая активность в районах Южно-Китайского моря, по поводу которых у КНР имеются противоречия с соседними государствами и США.

Внутриполитическая ситуация в **Японии** в течение ближайшего года кардинальным образом не изменится. После относительно успешных для правящей партии очередных выборов в верхнюю палату парламента с обновлением половины ее состава нынешний премьер Синдзо Абэ укрепил свой статус безальтернативного лидера на ближайшие годы, добившись пересмотра партийных правил, которые теперь позволяют ему занимать кресло партийного лидера и, по умолчанию, премьер-министра, третий трехлетний срок подряд. С высокой степенью вероятности можно ожидать, что в начале 2017 года он объявит проведение внеочередных выборов в нижнюю палату парламента, что, в случае победы, даст ему неофициальный мандат на более настойчивую реализацию таких элементов его личной политической программы, как внесение изменений в конституцию, прежде всего в части облегчения процедуры таких изменений; пересмотр ряда норм в избирательной системе; повышение роли премьер-министра в организации работы государственного аппарата; усиление государственно-патриотических акцентов в образовательной и культурно-просветительской политике.

В экономической политике это позволит продолжить разворот в сторону создания условий для оживления и роста инвестиций. Предполагаемые меры предусматривают придание большей «гибкости» системе найма, в частности постепенное снятие ряда ограничений и мер регулирования, затруднявших использование различных форм неполной или негарантированной занятости при большем учете интересов работодателей. Одновременно, регулирование будет, напротив, усиливаться в таких областях, как охрана прав интеллектуальной собственности и информационная безопасность, включая противодействие незаконной или вредоносной киберактивности. Сохранится и акцент, по крайней мере декларативный, на повышение качества инвестиций и экономического роста, ключевую роль в котором должны играть инновации и укрепление национальной конкурентоспособности («революция производительности»).

Правительство приложит максимум усилий, чтобы спасти соглашение о Транстихоокеанском партнерстве в его нынешнем виде. Оно уже обеспечило ратификацию этого соглашения японским парламентом и намерено содействовать этому процессу в других странах-участниках, используя доступные ему дипломатические и неформальные рычаги.

Правительство и его премьер, безусловно, будут учитывать мнение пацифистски и антиглобалистски настроенной части населения Японии, но объективно и субъективно будут пытаться ограничить влияние соответствующих настроений на политическую жизнь в стране.

Во внешнеполитической стратегии Японии центральное место будут занимать отношения с США, в силу того что Япония в большей степени, чем от кого бы то ни было, зависит от США как рынка и источника экономических ресурсов, а также как глобальной силы, с позицией которой Японии придется считаться при решении любых других внешнеполитических задач и вопросов. В ближайший год основной целью Японии в этом отношении будет выстраивание отношений с новой президентской администрацией и побуждение ее к тому, чтобы она заняла максимально конструктивную позицию в отношении всех основных целей и озабоченностей Японии. К последним относятся, в частности, вступление в силу и имплементация соглашения о Транстихоокеанском

партнерстве, удержание в максимально узких рамках стремления КНР к самоутверждению как ведущей региональной державы и самостоятельного центра силы; сохранение относительной стабильности на Корейском полуострове и усиление роли Японии во всех институциональных форматах и международных действиях в Восточной Азии и в АТР в целом. Побочной задачей будет минимизация организационного и финансового участия Японии в тех американских планах и инициативах, которые она считает для себя излишними или малополезными.

Соответственно, главным содержанием своей активности в отношении США на ближайший год нынешний премьер-министр, скорее всего, сделает попытку выторговать максимально возможный объем политических уступок со стороны новой президентской администрации по традиционному кругу приоритетов японской дипломатии на фоне демонстративных заверений в приверженности японо-американскому альянсу как «оси» японской внешней политики. Речь, в частности, будет идти о благожелательном отношении к японскому бизнесу и его продукции; о возможно более жесткой линии в отношении усиливающегося Китая; о поддержке японского видения корейских проблем, а также самостоятельных инициатив Японии в решении региональных проблем.

Отдельным важным вопросом будет судьба соглашения о ТТП – очевидно, что японские представители приложат максимум усилий, чтобы убедить нового президента поддержать и само соглашение, и процесс его ратификации американским конгрессом. Возможным *полем для компромисса между двумя администрациями могут стать механизмы имплементации соглашения*. Последние дают возможность фактически корректировать ранее достигнутые договоренности, не пересматривая согласованный текст соглашения, что неприемлемо для Японии, и в то же время позволят новому президенту США утверждать, что он пусть и частично, но выполнил свои предвыборные обещания в этой части.

Вполне вероятно, что полем жестких, но не всегда открытых для СМИ переговоров станут права и обязанности двух стран в отношении условий функционирования на территории Японии американских военных объектов и их обслуживания.

Другой важнейшей внешнеполитической задачей, которую Япония будет вынуждена решать в 2017 году, станет определение стратегической линии в отношении КНР, значение которой для будущей безопасности Японии в глазах японского политического класса в последние годы сильно возросло. Если ранее считалось, что военные аспекты пересекающихся или сталкивающихся интересов двух стран в обозримом будущем, в основном, «покрываются» содержанием японо-американского военно-политического альянса и могут анализироваться почти исключительно в его контексте, то в последние годы военная активность Китая и необходимость реагирования на нее рассматриваются как совершенно особая, самостоятельная проблема.

С одной стороны, это связано тем, что напряженность в районе контролируемых Японией островов Сэнкаку, которые КНР считает своими, не снижается и в любой момент может поставить Японию перед трудным выбором между фактическим признанием китайских претензий и риском вооруженного столкновения с китайскими военными. С другой стороны, в Японии растут опасения, что для США, которые официально считаются гарантом военной безопасности Японии, отношения с КНР в последние годы становятся более приоритетными, нежели отношения с Японией. Очевидно также, что США в существующих условиях не в состоянии эффективно противодействовать «ползучей» китайской экспансии в Южно-Китайском море (насыпка искусственных островов с последующим размещением там китайских объектов; попытки регулировать судоходство в акваториях, прилегающих к островам, в одностороннем порядке объявляемых китайской территорией и т.д.).

Соответственно, в японской политической элите растет ощущение, что предотвращение реального или символического национального унижения перед лицом растущей мощи Китая должно стать приоритетом внешней политики Японии в АТР, включая такие ее аспекты, как выстраивание дальнейших взаимоотношений с США, странами Юго-Восточной Азии и Россией.

Вызовы, создаваемые для Японии очевидным усилением Китая в последние годы, во многом будут определять и японскую политику в отношении России. Опасаясь чрезмерного сближения России и КНР, особенно в военно-стратегическом отношении, Япония будет стремиться к поддержанию активных контактов с российской властью, с тем, чтобы постоянно обращать ее внимание на растущие риски, создаваемые политикой КНР. В то же время многое в этих отношениях будет зависеть от продвижения российско-японского диалога по «территориальному вопросу». Из всех проблем двусторонних отношений этот вопрос является для Японии наиболее важным и чувствительным в политико-психологическом плане, и дальнейшее взаимодействие правительств двух стран в поле взаимной заинтересованности по большинству других вопросов, включая китайский вектор и деловые контакты в топливно-энергетическом секторе, во многом будет зависеть от того, смогут ли стороны найти такую формулу урегулирования территориальных разногласий, которая позволила бы каждой из них избежать упреков в чрезмерных уступках.

Республика Корея в 2017 г. будет находиться под влиянием глубоких политических потрясений, разразившихся в 2016 г. в результате обвинений администрации президента Пак Кын Хе в коррупции и злоупотребления властью. При этом кризис показал, что в Южной Корее выработан стойкий иммунитет против нарушения демократических норм, основанный на активности гражданского общества и действенности политических институтов.

Возможны различные сценарии политического урегулирования. В одном из них досрочный уход с поста президента Пак Кын Хе будет сопровождаться приходом к власти правительства с полномочиями, позволяющими не только осуществлять текущее руководство страной, но и связанным конституционным обязательством проведения выборов в 60-дневный срок, предусмотренных реализацией процедуры импичмента, начало которой положило голосование в парламенте 9 декабря 2016 г. Другой сценарий предусматривает согласие парламента принять добровольную отставку президента и назначить новые выборы, если процедура импичмента по каким-либо причинам не будет доведена до конца. При этом для всех потенциальных участников президентской кампании преждевременное проведение выборов представляет серьезный политический риск.

При всех амбициях ведущих политических сил потребуется поиск компромисса между правящей партией и оппозицией, чтобы не допустить серьезных сбоев функционирования власти. Нынешний политический кризис уже показал слабость существующих партий, в том числе оппозиции, проявившей неспособность к поиску оптимальных решений. Несмотря на то, что оппозиционная демократическая партия будет использовать политический кризис в своих интересах, её приход к власти отнюдь не гарантирован. Помешать этому может разобщенность и противоречия в её рядах, а также отсутствие у нее харизматичного лидера. Если переходный период затянется, правящая партия «Сэнури» («Новый мир») попытается выставить кандидата, способного вызвать доверие избирателей.

Однако даже уход с политической сцены Пак Кын Хе и проведение досрочных выборов президента, скорее всего, окажутся недостаточным условием для полной нормализации социально-политического и экономического положения в стране. Скорее всего, исполнительная, законодательная и судебная власть будут испытывать сильное общественное давление, в том числе в форме демонстраций и митингов, в организации

которых активное участие будут принимать профсоюзы, молодежные и неправительственные организации. Общественная активность будет компенсировать выявившуюся слабость политических партий. Тем не менее, выход из кризиса будет найден посредством политических переговоров и не выйдет за рамки конституционных норм.

Тема коррумпированности элит, а также взаимоотношений власти и крупного бизнеса останется в центре общественных дискуссий. С одной стороны, продолжится обсуждение обвинений крупнейших корпораций в подкупе власти имущих, с другой – получит развитие расследование обстоятельств оказания давления государства на коммерческие структуры.

Политические потрясения негативно отразятся на экономике страны. Кроме того, позиции южнокорейского бизнеса неизбежно будут ослаблены имевшими международный резонанс коммерческими неудачами группы корпораций Samsung; проблемами в отношениях РК с Китаем, связанными с размещением на Юге Кореи ПРО ТВД THAAD, а также ухудшением состояния мировой торговли. В результате, темпы прироста ВВП могут составить от 1% до 2%.

В политическом и административном отношении 2017 год в Южной Корее будет носить переходный характер, поскольку основные силы поглотит внутренняя борьба в условиях обострения ключевых проблем развития южнокорейского общества.

Принципиальных изменений во внешнеполитических приоритетах Южной Кореи в 2017 году не произойдет, и линия на стратегический союз с США сохранится при любой новой администрации. Вместе с тем в новых условиях размещение в стране ПРО ТВД (THAAD) может быть если и не отменено, то отложено. В этом случае отношения с Китаем получают позитивный импульс. Однако какие-либо существенные коррективы во внешнеполитический курс Сеула, включая изменение позиции по межкорейским отношениям, сможет внести только новый законно избранный президент и только за пределами 2017 года.

По этим же причинам в течение ближайшего года не следует ожидать принципиальных изменений в российско-южнокорейских связях.

В качестве главной задачи внутренней и внешней политики **Северной Кореи** в 2017 г. по-прежнему будет выступать обеспечение незыблемости существующего режима с использованием для этого всех имеющихся административных, силовых и прочих ресурсов. В этом контексте продолжение ядерных и ракетных испытаний (и сопровождающее их соответствующее пропагандистское обеспечение внутри страны и за рубежом) останется в 2017 г. ключевым механизмом легитимизации власти нынешнего главы северокорейского государства Ким Чен Ына.

Одновременно в решении социально-экономических проблем власти будут стремиться к обеспечению большей сбалансированности внутреннего развития. Так, несмотря на похвалы политике «сонгун», подразумевающей приоритет государственной обороны, в 2017 г. будет продолжен курс на «параллельное экономическое строительство и строительство ядерных вооруженных сил».

Заявленные приоритеты должны быть реализованы в рамках выполнения пятилетнего экономического плана, рассчитанного на 2016-2020 гг. На практике это будет означать сохранение терпимого отношения власти к развитию квазирыночных отношений в городе и на селе. Военной и партийной бюрократии, местному чиновничеству, а также тем или иным образом связанным с ними простым гражданам будет и дальше разрешено (в большинстве случаев негласно) вовлекаться в сферу действия «серого» и «черного» рынка. Это позволит нарастить производство продовольствия, ряда потребительских товаров и услуг. Вместе с тем в 2017 г. продолжится рост неравенства в распределении

доходов и развития отдельных регионов; под влиянием внешних санкций обострится дефицит топлива, необходимого оборудования, товаров и технологий.

Пхеньян будет продолжать игнорировать решения Совета безопасности ООН относительно испытаний ядерного и ракетного оружия, и в 2017 г. вероятно проведение новых ядерных испытаний и запусков ракет. Надежды во внешней политике КНДР будут связаны с возможностью использовать приход к власти в США администрации Д. Трампа, чтобы в той или иной форме вступить в прямые переговоры с США и, одновременно, преодолеть возникшие трения с Китаем. От результативности таких попыток будет зависеть отношение Пхеньяна к развитию межкорейских связей и к переговорам о ядерном статусе Северной Кореи.

В этом контексте отношения между КНДР и Россией будут находиться на периферии внешнеполитических приоритетов Пхеньяна и Москвы, носить производный характер и оказывать незначительное влияние на региональные процессы.

В *Индии*, одном из крупнейших государств Азии, развитию связей с которой Россия уделяет особое внимание в рамках выстраивания балансов в отношениях с государствами региона, наблюдаются неоднозначные политические и социально-экономические тренды. Победившие на парламентских выборах в 2014 году «Бхаратия Джаната Парти» (БДП) и ее лидер Н.Моди в 2015-2016 гг. частично ослабили свои позиции. На выборах в штатах они победили лишь в двух из семи, и то лишь в составе победившей коалиции. Поэтому на следующих парламентских выборах в 2019 году следует ожидать непростой политической борьбы. Шансом БДП является продолжающийся кризис в руководстве главного конкурента этой партии - Индийского Национального Конгресса (ИНК), лидер которой Р.Ганди не пользуется безусловной поддержкой Конгресса. Однако семья Ганди во главе с С.Ганди не идет на реформу ИНК, опасаясь потери контроля над партией, что может привести к расколам и потере заметной политической роли в Индии. Одновременно усиливаются позиции региональных сил и новых партий типа «Аам Адми Парти» («Партия простых людей»), выигравшей в 2015 г. выборы в законодательное собрание Дели.

Социально-экономические процессы. Темп роста ВВП немного замедлился (в 2015 г. 7,5%), что обусловлено не только последствиями глобальных экономических проблем, но и внутренними причинами. Потенциал роста, заложенный в сфере услуг, включая информационные технологии (один из главных двигателей роста ВВП), исчерпан настолько, насколько это было возможно в условиях Индии.

Дальнейшему росту экономики мешают препятствия на пути развития промышленности, для чего необходимы реформы трудового и земельного законодательства, провести которые оказалось не под силу даже сильному правительству Н.Моди – не просто отойти от консервативной политики в области труда и земли. Такой шаг будет стоить властям миллионов недовольных голосов. Либерализация рынков труда и земли и облегчение условий для иностранных инвесторов могут обернуться конфликтами с региональными властями и сужением электоральной базы. В конце 2016 г. правительство Моди пошло на меры по демонетизации индийской экономики, на первых порах негативно сказавшиеся на перспективах роста ВВП и вызвавшие жёстко отрицательную реакцию электората. Ожидается, что позитивные последствия этих мер начнут сказываться на экономике страны только в середине 2017 г. Причем для Индии, стоящей перед демографическим вызовом, важнее не только и не столько темпы роста, сколько его качество. В стране растет социально-экономическое неравенство, экономический рост непосредственно приносит выгоды лишь узкой прослойке индийцев, что ведет к обострению общественно-политических противоречий и чревато дестабилизацией системы.

Так, летом 2016 г. в штате Гуджарат, главным министром которого был Н.Моди, социальные противоречия вылились летом 2016 г. в межкастовые войны, а в штате Джамму и Кашмир протесты приобрели радикально-исламистский оттенок, в результате столкновений погибло около 50 человек, включая силовиков. В то же время без политически рискованных реформ властям Индии будет трудно обеспечить значительный приток иностранных капиталов и даже заставить многих индийских бизнесменов инвестировать в стране.

Сложные проблемы остаются и в сфере безопасности – сохраняется вероятность конфликтов Индии с Пакистаном, Китаем, Афганистаном, что осложняется наличием у двух первых ядерного оружия. Сохраняется и вероятность развития по худшему сценарию в Афганистане. Такой сценарий, наряду с вероятной дестабилизацией Пакистана и последующим вовлечением Индии, может превратить всю зону Центральной и Южной Азии в территорию насилия и терроризма. Террористическая угроза очень сильно ощущается в Индии. В результате терактов в Индии в 2015 г. погибло более 1100 гражданских лиц и около 500 представителей силовых ведомств, а в 2016 г. - около 859 гражданских и 480 силовиков. Наибольшую обеспокоенность вызывают участвовавшие тщательно спланированные террористические нападения на военные объекты в Индии. 1-3 января 2016 г. была совершена атака на авиабазу в Патханкоте, 18 сентября было нападение на штаб 12-й бригады в Ури.

Внешняя политика Индии, учитывая напряженность в отношениях с соседями, направлена на выстраивание региональных балансов, в том числе, путем укрепления отношений с США и Россией. Реакция на результаты выборов в США, где Индия в течение последних десяти лет закупила оружия и оборудования на сумму 15 млрд. долларов, выявила ожидания и озабоченности в отношении будущей стратегии Вашингтона. Минобороны Индии надеется, что при новой администрации более эффективно будет работать программа по оборонным технологиям и торговле (US-India Defense Technology and Trade Initiative, DTTI). Показательным в плане развития военного сотрудничества в 2017 г. и далее будет то, насколько быстро администрация Трампа разрешит продажу Индии боевых беспилотников – принятие решения Б.Обама оставил новому президенту. В то же время Дели обеспокоен возможным изменением курса Вашингтона в сторону постепенного свертывания обязательств за рубежом, снижения приоритетности задачи «продвижения либерально-демократических ценностей». Высказываются опасения относительно возможного ограничения доступа квалифицированных индийских кадров на американский рынок. Для Индии принципиально важно, каков будет подход новой администрации к Пакистану. Выражается озабоченность тем, что высказывавшееся Трампом недоверие к союзникам, в том числе в Азии, если оно будет имплементировано на практике, создаст возможности для усиления китайского влияния в регионе. Равно, не в интересах Дели и возможный пересмотр подходов США к торговым соглашениям. В случае, если в отношениях Индии с Соединенными Штатами возникнет торможение или пауза, шансы Москвы на углубление взаимодействия с Дели в ближайшей перспективе могут возрасти.

Внутриполитическое развитие стран *Юго-Восточной Азии* с высокой долей вероятности будет проходить бесконфликтно. Таиланд и Камбоджа вступят в электоральный цикл, однако кардинальные перемены маловероятны, и властные рычаги останутся в руках нынешних групп элит. Можно ожидать эпизодических всплесков этносепаратизма в Таиланде и Мьянме, однако власти этих стран не допустят эскалации проблем до состояния серьезных кризисов.

АСЕАН в 2017 г. отмечает 50-летие с момента своего основания, что подтолкнет ее к шагам, направленным на усиление своего влияния на глобальные процессы. Ассоциация будет активнее интегрироваться в процессы, проходящие за пределами ЮВА, главным образом на

евразийском пространстве. Можно ожидать интенсификации диалога АСЕАН с Китаем по вопросу о координации планов АСЕАН и китайского проекта «Морской шелковый путь 21 века», а также с Индией – о реализации совместных проектов в рамках индийской политики «действовать на Востоке». На институциональном уровне АСЕАН будет развивать контакты с ШОС и ЕАЭС, а также с «Форумом Азия – Европа» (АСЕМ).

Другим направлением активности станет демонстрация успешности проектов Ассоциации с участием внешних партнеров. В 2017 году можно ожидать заключения АСЕАН и ее партнерами соглашения о Региональном всеобъемлющем экономическом партнерстве (РВЭП). В рамках этого проекта акцент будет сделан на мероприятиях по наращиванию взаимосвязей, главным образом строительстве объектов трансграничной транспортной и энергетической инфраструктуры.

Активизируется и сотрудничество в противодействии общим угрозам безопасности. Основные усилия будут направлены на поиск решений проблем Южно-Китайского моря. Можно ожидать, что Китай и АСЕАН согласуют положения Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море как документа, призванного заменить собой Декларацию поведения сторон в Южно-Китайском море, подписанную сторонами в 2002 г. Вместе с тем, положения будущего Кодекса с высокой долей вероятности будут носить расплывчатый и неконкретный характер. Кроме того, вероятное урегулирование усилиями АСЕАН и Китая проблемы Южно-Китайского моря не исключает возможных рецидивов ее эскалации.

В течение ближайшего года следует ожидать всплеска национализма в отдельных странах ЮВА, прежде всего во Вьетнаме. Вероятен новый виток гонки военно-морских вооружений и поставки во Вьетнам и на Филиппины кораблей береговой охраны из Японии. Можно ожидать и большей активности США в отношении проблемы Южно-Китайского моря с косвенным негативным эффектом для АСЕАН.

На многосторонних диалоговых площадках, повестку которых определяет АСЕАН, маловероятно повторение ситуации непринятия совместных деклараций, как это произошло на встрече министров иностранных дел АСЕАН в 2012 г. или третьем заседании Совещания министров обороны АСЕАН+8 в 2015 г. Ассоциация будет избегать конфликтных тем и делать акцент на консолидирующей повестке сотрудничества.

Стремясь наполнить практическим содержанием «стратегическое партнерство» с США, Ассоциация будет прилагать усилия к реализации «Инициативы взаимосвязанности США – АСЕАН». При этом вероятность появления новых стран ЮВА, желающих подключиться к соглашению о Транстихоокеанском партнерстве в ближайшее время невысока, равно как и шансы ратификации данного соглашения теми государствами ЮВА, которые подписали его в 2016 г.

Диалог с Китаем будет строиться вокруг интеграции перспективных планов ЮВА (например, Генерального плана АСЕАН по наращиванию взаимосвязей до 2025 года) и долгосрочных проектов КНР, в частности проекта «Морской шелковый путь 21 века». В отношениях с Индией Ассоциация сконцентрируется на реализации Плана действий по внедрению в практику партнерства Индии и АСЕАН на 2016-2020 гг., адаптируя эту политику под формат АСЕАН-ШОС-ЕАЭС. Ассоциация также продолжит реализацию совместных проектов, предусмотренных второй фазой Программы развития сотрудничества между АСЕАН и Австралией на 2008-2019 годы, с вероятным акцентом на энергетический сектор.

В отношениях АСЕАН и ЕС сторонами будут проводиться мероприятия по «наращиванию потенциалов сотрудничества» в таких областях, как защита интеллектуальной собственности, статистика и воздушный транспорт.

Основной темой диалога АСЕАН и Японии будет реализация Плана действий «Япония–Меконг», а также активизация японских инвестиций в транспортную инфраструктуру стран ЮВА. Тема стимулирования развития будет преобладать и в контактах АСЕАН с Южной Кореей, с акцентом на План действий «Меконг–Республика Корея» на 2014-2017 гг.

В отношениях с Российской Федерацией ожидается реализация положений Сочинской декларации юбилейного саммита Россия–АСЕАН и Комплексного плана действий по развитию сотрудничества РФ и АСЕАН на период 2016-2020 гг. Двигаясь к стратегическому партнерству, стороны будут делать акцент на развитии сотрудничества в сфере транспорта, электронной торговли, энергетики, производства продовольствия, аквакультуры, биотехнологий и освоения космоса. Будут обсуждаться совместные проекты России и АСЕАН в РФ, ЮВА и на евразийском пространстве, в том числе в формате сотрудничества АСЕАН–ШОС–ЕАЭС. Отдельные страны Юго-Восточной Азии, в частности Сингапур, будут прорабатывать возможности заключения соглашений о свободной торговле с ЕАЭС.

Научное издание

Россия и мир: 2017.
Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз

Руководители проекта:
Дынкин Александр Александрович
Барановский Владимир Георгиевич

Ответственные редакторы:
Мачавариани Гиви Ираклиевич
Кобринская Ирина Яковлевна

Ежегодник

Подписано в печать 26.12.2016.
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Объем 20,75 п.л., 11,5 а.л. Тираж 170 экз. Заказ № 55/2016

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23